ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА III

Краткое предисловие

На вопрос: способствует ли историческая наука прогрессу человечества, наверное, следует ответить так: в той же степени, в которой память человека о прошлом способствует его настоящей жизни. Есть люди, которые из-за болезни или в результате несчастного случая не помнят прошедшего, но насколько их существование полноценно — не нужно догадываться. История народа — это его коллективная память о прошлом, поэтому к изучению истории следует подходить, как к необходимости выполнения заповеди: «Помни дни древности, помни годы всех поколений, спроси отца своего и скажет он тебе, старцев твоих и они скажут тебе».[1]

Есть ли наука более проблематичная, чем история, в которой нет ни аксиом, ни теорем — одни лишь гипотезы, большинство из которых так и останутся таковыми надолго, если не навсегда. А что до того её раздела, который называется «История Древней Руси» — то тут и того запутанней. От момента, когда Нестор поставил точку в своей «Повести временных лет», и до сего дня прошло без малого восемь веков, но, пожалуй, единственным результатом столь долгого и многотрудного пути стало, разве что, развенчание летописца, которого уподобили иллюзионисту, и зрители прекрасно понимают, что всё, выдаваемое им за чудо, есть лишь плод умелого трюкачества.

---

[1] Второзак. XXXII, 7.

Увы, «Повести временных лет» «отказано в доверии» не только зарубежными исследователями (так, О. Прицак пишет: «Я считал себя вправе игнорировать хронологию и рассказы киевской «Повести временных лет» до середины десятого века (кроме договоров 911 и 944 гг.»),[2] но и российскими «столпами», что отмечает, например, Д. Лихачёв (куда уж больше) в предисловии к одной из гумилёвских книг: «Нестору-летописцу Л. Н. Гумилёв отказывает в доверии, опираясь на работу А. А. Шахматова и автора этих строк».[3] И что тут скажешь, если о жившем на севере Европы народе русь никто, кроме учёного монаха Печерского монастыря, слыхом не слыхивал, варягов — видом не видывал, а братьев Синеуса и Трувора у Рюрика — и в помине не было.

Но вряд ли, Нестор был столь наивен: если бы его современники не знали, кто такие варяги, то весь его труд был бы не более чем «хобби» любопытного человека, поэтому летописатель не нуждается в нашей снисходительности из-за того, что не предусмотрел трудностей будущих любителей истории и соискателей научных степеней.

Вместе с тем, какой бы противоречивой и непоследовательной не представлялась нам история Древней Руси, есть вполне реальные перспективы выяснить, в конце концов, суть и последовательность образовавших её событий. Основанием для такого оптимизма служит уже сам факт её существования — а этого не так уж и мало, если помнить, что о многих государствах древности нам известно лишь их название и весьма приблизительное месторасположение. А здесь — и точное время, и точное место, и летописи, и хронографы, сообщения которых, при всей их сомнительности, можно сопоставлять, соотносить, выявляя достоверное, да плюс понимание объективных законов создания государства: единство экономики, политики, религии для этнических групп или их сообщности. Тогда почему до сего дня неясно «откуда есть пошла Русская земля?» Я надеюсь, что оказавшие мне честь прочесть эту книгу, получат ответ на сей сакраментальный вопрос.

Уже давно условия выявления истинности исторических событий не лежат на поверхности, когда для их обнаружения достаточен лишь более внимательный, по сравнению с другими, наблюдатель. В боль-

---

[2] *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X в. М.; Иерусалим: Гешарим, 1997. С. 225.

[3] *Гумилёв Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989. С. 9.

шинстве случаев исследователям приходится сталкиваться с крайне запутанными ситуациями. Разрешить их попросту невозможно без привлечения иных отраслей знаний, так что математик для истории иногда не менее полезен, чем собственно историк, несмотря на то, что школьный учитель истории имеет право объявить, например, заведующего кафедрой дифференциальной геометрии МГУ, обратившегося к исторической теме, дилетантом. Но если местный краевед, пусть и не имеющий специального диплома, рассказывает о том, что посёлок под Керчью, именуемый нынче «Курортный», прежде назывался «Мама Русская» (с ударением в слове «мама» на втором слоге) то, зная, что и под древней Византией располагался пригород Мама, специально предназначенный для проживания там иностранных купцов («Приходящие из Руси пусть селятся подле Святого Мамы»),[4] может быть, следует хотя бы попытаться выяснить причину такой аналогии. С не меньшим вниманием стоит отнестись и к той почти незаметной публикации в местной газете, где без какой бы то ни было связи с историей сообщается, что возле Днепровских порогов и отстоящих от них почти за 2000 км порогов на реке Свири существовали поселения со схожими именами. Этимологический анализ топонимов, безусловно, станет важным дополнением для понимания того, кем, для чего и когда был освоен путь «из варяг в греки».

Ответственнейшей для автора частью книги является предисловие, потому что предоставляет ему возможность привлечь к ней читателя. Как правило, пробежав глазами именно предисловие, читатель принимает решение: стоит ли потратить на представленный ему труд несколько часов своей жизни? Отсюда — весьма желательно, чтобы в предисловии фигурировало как можно более таких слов и сочетаний, как-то: «раскрыта тайна веков», «загадки столетий больше не существует», «новый взгляд», «неожиданный ракурс» и т. п. Естественно, что подобное интригует, вызывая любопытство и желание приобщиться к раскрытию тайн. Вместе с тем, немало и тех, кто сразу же и навсегда закроет книгу, имея неоднократный опыт того, как, обольстившись ранее столь интригующими заверениями, оставался с тем, с чем, как говорится, и пришёл.

Является ли представленная работа «новым взглядом» или «новым подходом» — решит читатель, подчеркну только, что в ней фигу-

---

[4] Повесть временных лет (ПВЛ.). Под 945 г.

рируют достаточно известные (и не только историкам) факты, которые разве что приведены в логическое соответствие между собой.

Мы будем обращаться лишь к начальным главам «Повести временных лет»,[5] противоречивость которых уже была отмечена, но нам предстоит убедиться, что причина этих противоречий имеет иную основу, отличную от общепринятых истолкований.

Повторяемость цитат объясняется их отношением к различным действующим лицам русской истории. Рассуждения приведены в крайне сжатой форме: почти каждый абзац может быть развёрнут в отдельную тему и, видимо, в будущем это будет сделано для того, чтобы предоставить дополнительные доказательства в пользу всего нижеследующего.

---

[5] Ссылки на «Повесть временных лет» ПВЛ приведены в основном тексте.

ГЛАВА I

Исторические свидетельства о русах

1

В основе многовековых споров по поводу происхождения российской государственности лежат начальные строки из «Повести временных лет»:

«В год 862. Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: "Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву". И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: "Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами". И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля». Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всей властью Рюрик и

стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах — находники, а первые поселенцы в Новгороде — славяне, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома, и теми всеми правил Рюрик.

«И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: "Чей это городок?". Те же ответили: "Были три брата: Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам". Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде».

«В год 879. Умер Рюрик и, передав княжение своё Олегу — родичу своему, отдал на руки сына Игоря, ибо был тот ещё очень мал.

«В год 882. Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своего мужа. Оттуда отправился вниз, и взял Любеч, и также посадил мужа своего. И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, и сам приступил, неся младенца Игоря. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де "мы купцы, идем в Греки от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим". Когда же Аскольд и Дир пришли, выскочили все остальные из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: "Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода", и показал Игоря: "А это сын Рюрика". И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли Аскольда на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Ольма поставил церковь святого Николы; а Дирова могила — за церковью святой Ирины. И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: "Да будет это мать городам русским". И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозвавшиеся русью. Тот Олег начал ставить города и установил дани словенам, и кривичам, и мери, и установил варягам давать дань от Новгорода по 300 гривен ежегодно ради сохранения мира».

2

Национальное имя «русы» появляется в исторических документах гораздо ранее имени «варяги», поэтому в начале ознакомимся с некоторыми из тех документов, которые предшествовали моменту объединения русским летописцем этих двух понятий.

Первым прямым, если так можно выразиться, упоминанием народа «рос» историки считают сообщение сирийского автора, именуемого Псевдо-Захарием. Оно относится к VI в. и речь в нём идёт о племени, обитавшем на юго-востоке Европы.[6]

Следующее по времени — в «Бертинских летописях», где говорится, что в 839 г. греческий император Феофил отправил посольство к Людовику Благочестивому, в составе которого были и «Rhos vocari dicebant» — т. е. люди, назвавшие себя росами и посланные в Византию их царем, именуемым Хаканом («rex illorum Chacanus vocabulo»). На вопрос о цели их прихода они отвечали, что желают вернуться к себе на родину через его, Людовика, землю. Заподозрив в них разведчиков, Людовик приказал выяснить их истинное, так сказать, лицо, и оказалось, что они принадлежат к шведскому племени (eos gentis esse Sueonum).[7] Но если гости Людовика — шведы, то почему своего царя они называют «хаканом»? Совершенно точно известно, что у скандинавов такого титула не было.

Не более понятно и известие автора X века — Лиутпранда из Кремоны, который сообщает, что «греки зовут Russos тот народ, который мы зовем Nordmannos — по месту жительства (a position loci)» и далее эти народы перечисляет: «печенеги, хазары, русы, которых мы зовем норманнами».[8] Комментаторы приведенного отрывка считают, что Лиутпранд ошибся, называя русов норманнами, соседствующими с печенегами и хазарами, но в ходе дальнейших рассуждений мы получим ещё одно доказательство того, что далеко не всё то, что не вписы-

---

[6] *Пигулевская Н. В.* Имя «рус» в сирийском источнике VI в. Академику Грекову в день 70-и летия // Сирийские источники по истории народов СССР. М., 1941. С. 42–48.

[7] См.: Памятники истории Киевского государства IX–XII вв. Сб. документов подг. к изданию Г. Е. Кочиным. Л.: Гослитиздат, 1936.

[8] *Платонов С. Ф.* Полный курс лекций по русской истории. СПб.: Петроград, 1917. С. 61.

вается в привычные представления и объявляется ошибками — в действительности таковым является.

3

Особое место в российской истории занимает так называемая загадка «Острова Русов». О нём в книге «Дорогие ценности», описывающей события второй половины IX в., рассказывает Абу Али Ахмед ибн Омар Ибн Русте: «Что же касается ар-Руссийи, то она находится на острове, окруженном озером. Остров, на коем они (русы) живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр, так что стоит человеку ступить ногой на землю, как она трясется из-за обилия в ней влаги... У них есть царь, называемый Хакан русов. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булгар и там продают... Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян... Единственное их занятие торговля соболями, белками и прочими мехами... У них много поселений, и живут они привольно. Гостям оказывают почет, с чужеземцами, которые ищут у них покровительства, обращаются хорошо, как и с теми, кто часто у них бывает...».[9] Обратим внимание, что и у Лиутпранда, и у Ибн-Русте главу русов именуют «хаканом», но то, что русы Ибн-Русте — не шведы, не вызывает сомнений.

Писал об «Острове Русов» и Гардизи: «Рус — это остров, который лежит в море. И этот остров три дня пути на три дня пути и весь в деревьях. И леса и земли его имеют много влаги».[10]

Загадка «Острова Русов», к которой обращались практически все учёные, занимавшиеся историей Древней Руси, имеет две стороны. Одна из них заключается в том, что в источниках, где сообщается об «Острове Русов», нет указания на его месторасположение; другая — в том, что в русских летописях «Остров Русов» не упоминается вообще, хотя, как говорится, им и Бог велел бы сделать это.

Где только ни искали учёные «Остров Русов» — и возле Новгорода, и подле Киева, и на Балтийском море, и в устье Дуная. Но почему

---

[9] Цит. по: *Гумилёв Л. Н.* От Руси до России. М.: ДИК, 1995. С. 357–358.

[10] Цит. по: *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. С. 343.

игнорируются те хорошо известные факты, что в древности река Дон называлась Рекой Русов, северо-восточная часть Чёрного моря — Морем Русов и здесь же находился город Росия? И, действительно, многие исследователи располагали «Остров Русов» на Таманском полуострове, наиболее полно отвечающем описаниям «Острова Русов» в исторических источниках. С «таманской» локализацией острова согласился, было, и академик Б. Рыбаков, писавший: «Поиски же в черноморско-азовском регионе сразу наталкивают учёных на мысль о Тмутаракани, о восточном береге Керченского пролива, где дельта Кубани, растекающаяся в Азовское и Чёрное моря, образует ряд островов. Русские писатели XI в. прямо называли Тмутаракань островом... Казалось бы, что можно безоговорочно признать тмутараканский остров искомым островом русов, но (внимательно следите за ходом мысли академика, чтобы понять, почему Таманскому полуострову отказано в чести быть «Островом Русов». — *А. Г.*) сведения об обладании Русью тмутараканским берегом более поздние, чем записки об Острове Русов, они относятся лишь к XI–XII веку».[11]

Как видим, единственный, по Б. Рыбакову, аргумент, на основании которого Таманский полуостров не может быть идентифицирован с «Островом Русов», состоит в том, что Б. Рыбаков и разделяющая его точку зрения официальная российская история видят в русах единственно и только славян, а поскольку точно известно, что во времена Ибн-Русте и Гардизи славян в районе Керченского пролива не было, то не могло быть там, значит, и места их обитания — «Острова Русов».

По поводу локализации «Острова Русов» можно привести и такие рассуждения. В своём сочинении «О происхождении и деяниях готов» готский историк Иордан сообщает: «Данапр рождается великим болотом, источаясь как бы из материнской утробы. Отсюда и до середины он пресен и годен для питья и порождает рыб отменного вкуса, лишённых костей, но имеющих только хрящи в строении своего тела. Однако, приближаясь к Понту, он принимает в себя небольшой поток по прозванию Экзамфей до того горький, что — хотя он (Данапр) судоходен на длину целых 40 дней пути — он так изменяется, благодаря притоку этих малых вод, что впадает в море между греческими городами Каллипидами и Гиппанисом уже заражённый

[11] Там же. С. 344.

и сам на себя не похожий. Близ его Данапра устий, против них, есть остров по имени Ахиллов, а между ними лежит обширнейшая земля, заросшая лесами и страшная болотами».[12]

Прежде, чем продолжить, заметим, что имеются убедительные доказательства того, что «Иордан, восприняв сообщение о горьком ручье, портящем вкус воды, спутал название реки и сведения, относившиеся к Бугу, приписал Днепру».[13] Что до локализации «острова по имени Ахиллов», то под ним исследователи предлагают понимать Тендровскую косу, которая в древности именовалась Ахилловым Дромом (по-гречески «дром» — ровная местность, площадь — отсюда «ипподром», «аэродром»).

Но вполне вероятно, что Ахилловым Дромом в древности именовали совсем другую косу — ту, что расположена на северо-западе Таманского полуострова, потому что знаменитый Ахилл был, оказывается, родом из этих мест и принадлежал к северо-причерноморским скифам. Об этом рассказывает греческий историк Лев Диакон: «Говорят, что скифы почитают таинства эллинов, приносят по языческому обряду жертвы и совершают возлияния по умершим, научившись этому то ли у своих философов Анахарсиса и Замолксиса, то ли у соратников Ахилла. Ведь Арриан пишет в своём "Описании морского берега", что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка под названием Мирмикон, лежащего у Меодидского озера (Азовское море. — *А. Г.*). Изгнанный скифами за свой дикий, жестокий и наглый нрав, он впоследствии поселился в Фессалии. Явными доказательствами скифского происхождения Ахилла служат покров его накидки, скреплённой застёжкой, привычка сражаться пешим, белокурые волосы, светло-синие глаза, сумасбродная раздражительность и жестокость».[14] Скифское происхождение греческого героя косвенно подтверждает и Страбон: «Дальше от Мирмикия на азиатской стороне против него лежит деревня, называемая Ахиллем».[15]

До настоящего времени на северо-западной оконечности Таманского полуострова существует мыс с названием Ахиллеон, и что примечательно — этот мыс является как бы началом косы Чушка.

---

12 *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. СПб.: Алетейя, 1997. С. 69.
13 Там же. Комментарии. С. 223.
14 *Лев Диакон.* История. М.: Наука, 1988. С. 78–79.
15 Там же. С. 211.

Следовательно, учитывая тот факт, что Иордан путался в географии Северного Причерноморья, можно предположить, что под Ахилловым Дромом следует понимать также косу (дром), но прилегающую к таманскому берегу Керченского пролива, где «лежала деревня Ахилай», и где, согласно сделанным выше выводам, располагался «Остров Русов». Существенно здесь и то, что описания «Острова Русов» и Ахиллова Дрома схожи. У Ибн-Русте: «Остров, на котором они живут, пространством три дня пути. Там чащобы и заросли, остров нездоровый, сырой...». У Гардизи: «Рус — это остров, который лежит в море. И этот остров три дня пути на три дня пути и весь в деревьях. И леса и земли его имеют много влаги». У Иордана: «...остров по имени Ахиллов, а между ними лежит обширнейшая земля, заросшая лесами и страшная болотами». Дромиты, то есть обитатели Ахиллова Дрома, оказывается, упомянуты и в хрониках так называемого Псевдо-Симеона, и вот что интересно: Псевдо-Симеон называет дромитов также и русами.

4

О том, что русы обитали в районе Боспора Киммерийского (Керченского пролива), знали их современники. Об этом прямо говорит упомянутый выше Лев Диакон в своей книге «История», в которой подробно описан знаменитый Балканский поход русов под предводительством князя Святослава Игоревича. Интересующий нас из этой книги отрывок приведём в самом кратком изложении:

«...патрикий Калокир, посланный к тавроскифам... прибыл в Скифию, завязал дружбу с катархонтом тавров, совратил его дарами и очаровал льстивыми речами. ...Калокир уговорил его собрать сильное войско и выступить против мисян (дунайских болгар) с тем, чтобы после победы над ними подчинить и удержать для себя страну для собственного пребывания, а ему помочь против ромеев в борьбе за овладение престолом и ромейской державой. За это Калокир обещал ему огромные, несказанные богатства из царской сокровищницы.

Выслушав слова Калокира, Сфендеслав (таким именем он назывался у тавров) не в силах был сдержать своих устремлений, возбуждаемый надеждой получить богатство, видя себя во сне владетелем страны мисян, он, будучи мужем отважным и деятельным, поднял на

войну всё молодое поколение тавров. Набрав, таким образом, войско, состоящее кроме обоза, из шестидесяти тысяч цветущих здоровьем мужей, он вместе с патрикием Калокиром, с которым соединился узами побратимства, выступил против мисян».[16]

Устремления Святослава были вполне естественными и понятными, но им не суждено было сбыться, так как к власти в Византии пришёл хитроумный Иоанн Цимисхий, также обладавший полководческими талантами и не гнушавшийся в достижении цели никакими средствами. Цимисхий вполне резонно рассчитывал на то, что в связи с новой расстановкой сил Святослав поймёт несбыточность надежд Калокира и изменит свои планы. Император надеялся убедить Святослава отступить: «А с катархонтом росов Сфендославом он решил вести переговоры. И вот Иоанн отрядил к нему послов с требованием, чтобы он, получив обещанную императором Никифором за набег на мисян награду, удалился в свои области к Боспору Киммерийскому (подчёркнуто мной. — *А. Г.*), покинув Мисию, которая принадлежала ромеям и издавна считается частью Македонии... Ромейским послам Сфендослав ответил надменно и дерзко: «Я уйду из этой богатой страны не раньше, чем получу выкуп за все захваченные в ходе войны города и за всех пленных. Если же ромеи не захотят заплатить то, что я требую, пусть тот час же покинут Европу, на которую не имеют права, и убираются в Азию, а иначе пусть и не надеются заключить мира с тавроскифами» ...Император Иоанн, получив такой ответ от скифа, снова отправил к нему послов, поручив им передать следующее: «... мы настоятельно убеждаем и советуем вам, как друзьям, тотчас же, без промедления и отговорок покинуть страну, которая вам отнюдь не принадлежит. Знайте, что если вы не последуете сему доброму совету, то не мы, а вы окажетесь нарушителями заключённого в давние времена мира... Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря, который презрев клятвенный договор, приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору (подчёркнуто мной. — *А. Г.*) прибыл едва лишь с десятком судов, сам став вестником своей беды... Я думаю, что и ты не вернёшься в своё отечество, если вынудишь ромейскую силу выступить против тебя»».[17] Так и случилось: «Свендеслав оставил До-

[16] Там же. С. 43–44.
[17] Там же. С. 55–57.

ристол, вернул согласно договору пленных и отплыл с оставшимися соратниками, направив свой путь на родину. По пути им устроили засаду печенеги... Они перебили почти всех росов, убили вместе с прочими Свендеслава, так что немногие из огромного войска росов вернулись невредимыми в родные места».[18]

Как видим, Лев Диакон — современник «Балканского» похода русского князя Святослава Игоревича — неоднократно и не случайно именует его катархонтом (князем) тавроскифов, а дружину — или росами, или тавроскифами.[19] Под Тавридой же, что хорошо известно, и в древние времена, и в наши дни понимались земли Северного Причерноморья. У Льва Диакона нет ни малейшего сомнения в том, что Святослав, вождь росов — тавр, для византийского историка понятия «рос» и «тавроскиф» — синонимы; он, что явственно следует из его рассказа, связывает и Святослава, и его отца Игоря с Боспором Киммерийским (сюда возвращались корабли росов после морских походов).

5

Вполне естественно, что у страны Рос (Острова Русов) был стольный город, естественно также и то, что имя его было Русия. О городе Русия в середине XII в. рассказал арабский путешественник ал-Идриси «От города Матраха до города ар-Русийа 27 миль. Между жителями Матрахи и жителями Русийи постоянная война».[20] О Росии аль-Идриси рассказывает в том же трактате, что и о Тмутаракани, указав при этом, что «Матраха (Тмутаракань) — это вечный город, существует с давних времён, и неизвестно, кто его построил», не говоря подобного о Росии, откуда можно заключить, что древний географ знал о том, кто построил и кому принадлежала Росия.

Фигурирует город Росия и в российской истории в связи с деяниями князя Олега Святославича, деда Игоря Святославича, главного героя «Слова о полку Игореве», о чём стоит рассказать подробнее.

---

[18] Там же. С. 82.

[19] В истории Льва Диакона «русские» названы скифами 63 раза, росами — 24, тавроскифами — 21 и таврами — 9. См. *Лев Диакон.* Указ. соч. Комментарии. С. 182.

[20] *Захаров В. А.* «Тмутаракань» и «Слово о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Комплексное исследование. М.: Наука, 1988. С. 215.

Летописец дал Олегу нелестное прозвище — «Гориславич», «...земле Русской много зла сотвориша, проливаша кровь христианску», но справедливости ради стоит сказать, что в этом смысле Олег ничем не отличался от многих других русских князей, и уж во всяком случае, от Владимира Мономаха, который вместе с отцом Всеволодом стал причиной бед их брата и племянника, захватив принадлежавший Олегу по праву наследования Черниговский стол. Законный наследник вместо княжеской власти фактически оказался пленником своих родственников. Понятно, что такое положение не устраивало Олега, и «беже Олег сын Святослава Тмутараканю от Всеволода месяца априля 10», потому что в Тмутаракани княжил в то время его брат Роман Святославич, у которого Олег нашёл защиту и поддержку. Здесь Олег договорился со своим двоюродным братом Борисом Вячеславичем о походе на Чернигов и выступил в поход совместно с половецким отрядом летом 1078 г. Всеволод Ярославич потерпел поражение, и Чернигов перешёл в руки законного наследника. Но уже осенью город был осаждён дружинами Владимира Мономаха, Всеволода, Изяслава и Ярополка, которые в кровопролитной битве на Нежатиной Ниве разбили Олега и Бориса, при этом Борис погиб; убили и Изяслава, «стоявшего среди пешей дружины («внезапну приехав един, удари и копьём за плече»). Убийство Изяслава весьма загадочно. Можно полагать, что здесь действовала рука Всеволода, устранившего брата с великокняжеского престола».[21] Олег же с остатками войска вернулся в Тмутаракань, надеясь на помощь Романа, и тот действительно выступил против Всеволода, но был убит предавшими его половцами. А в это время в Тмутаракани происходит детективная история — Олега Святославича похищают: «емиша козаре, поточиша за море Цесарюграду». Почему хазары и почему в Константинополь — не ясно. Некоторые исследователи (например, Г. Г. Литаврин) считают, что «умыкание» Олега явилось следствием сговора между Всеволодом Ярославичем и императором Никифором III Вотаниатом, и что под хазарами следует понимать замаскированных агентов византийских спецслужб. Но совершенно непонятно для чего Всеволоду понадобилось таким способом избавиться от Олега, если он не брезговал и более надёжными и действенными способами устранения соперников (в 1078 г. в Заволочье убивают Глеба Святославича, княжившего в

[21] Там же. С. 211.

Новгороде. Кто и почему его убивает, летописец молчит. Можно только высказать догадку, что его, как старшего сына Святослава Ярославича, устранил Всеволод, расчищая себе путь к Киевскому престолу). Простое убийство Олега обошлось бы Всеволоду, наверняка, дешевле. Как бы там ни было, неудавшийся наследник Черниговского престола оказался в заточении, если не в буквальном смысле, то в ссылке уж точно. Но пути Господни неисповедимы, и случилось так, что Олег из не нужного никому пленника, вдруг превратился в козырную карту в игре Константинополя, связанной с тмутараканской нефтью, в которой крайне нуждалась армия Византии.

Дело в том, что прежние, расположенные в Малой Азии источники нефти, служившей для приготовления знаменитого «греческого огня», решавшего исход многих сражений в пользу византийцев, оказались в руках турок. В политике Константинополя возник «порочный круг»: для того, чтобы противостоять туркам, серьёзно угрожавшим империи, нужна была нефть, а для того, чтобы получить нефть, нужно было отбросить турок. Какой же выход? — Нефтяные источники Тмутаракани!

Опальный Олег пришёлся как нельзя кстати. Его извлекли из небытия и, вспомнив о княжеском достоинстве, женили на не менее достойной представительнице одного из знатнейших родов Византии — Феофании Музалон. Молодожёнов в сопровождении войска доставили в Тмутаракань, и всё становится на свои места: «В год 1083. Прийде Олег из Грек Тмутараканю, и я Давид и Володаря Ростиславича и съде Тмутаракани. И исъече казары, иже бъеша светницы за убиение брата, а Давида и Володаря пусти». То есть Олег изгоняет Давида и Володаря, получает тмутараканский стол, а Византия — нефть. Утвердившись во власти, князь позаботился и о внешних её атрибутах, среди которых и две печати (Олега и Феофании). Из-за них, собственно, и помянут нами князь Олег Святославич, внук Ярослава Мудрого, в крещении — Михаил. На его печати было начертано: «Господи, помоги Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии», а на печати его жены красовалось следующее: «Господи, помоги рабе твоей Феофано, архонтиссе Росии Музалонисе». Напомнив, что греческое «архонт» равнозначно русскому «князь», скажем, что содержание этих надписей не вызывало у исследователей противоречий, кроме одного пункта — названия Росия. Действительно, если под этим именем понимать государство (Киевскую Русь), то упоми-

нание его в легенде печати Феофано совершенно бессмысленно — у её владелицы не было никакой власти в Киеве. Если же указанная надпись — политическая уловка Олега и демонстрация его амбиций, как считает, например, Б. Рыбаков, то Росия должна быть упомянута именно на его печати. Но здесь нет ни политической, ни какой-либо иной уловки, но лишь краткая выдержка из брачного договора с перечислением того, кому и что досталось после овладения Тмутараканью и окружающими её землями. «В титуле Феофании — считает А. Насонов — нет никакой двусмысленности. Он просто указывает, что жена Олега получила город Росию в своё владение, возможно, по брачному договору. Передача византийской аристократке номинальной власти над частью Тмутараканского княжества могла быть компенсацией за оказанную помощь».[22]

Целью данного экскурса в историю Древней Руси было показать, что наряду с городом Матраха (Тмутаракань) на Таманском полуострове существовал город Росия. «Совершенно определённо, что город Росию следует локализовать не в Крыму, а на таманском берегу. Единственное место, где мог располагаться этот город, мы считаем район нынешней станицы Голубицкой (Темрюкский район Краснодарского края). Подтверждение этому не только географическое положение, не только расстояние от древней Тмутаракани, соответствующее 27 милям ал-Идриси, но и наличие мощного средневекового культурного слоя на Голубицком городище», — пишет один из участников таманской археологической экспедиции В. Захаров.[23] Об особом, равном Тмутаракани, значении Росии можно судить по указанию 1169 г. византийского императора Мануила I Комнина: «Да смогут генуэзские корабли спокойно торговать во всех областях нашего владычества за исключением Русии и Матрахи, если только моим величеством не будет дано на это специального разрешения».[24]

Но почему о городе, название которого созвучно имени великой страны известно лишь в узких кругах специалистов по древнерусской истории? В подобных случаях говорят «незаслуженно забыт». Действительно забыт, но... преднамеренно. Почему? Да всё потому же. Город Росия существовал гораздо ранее того времени, когда славяне

[22] Там же. С. 214–215.
[23] Там же. С. 216.
[24] Там же. С. 215.

появились в Северном Причерноморье, и, следовательно, по официальной версии, здесь не могло быть города с таким именем.

Но может быть его знали под другим именем — Малороса? Этот город, как пишет Г. В. Вернадский, «упомянут анонимным географом из Равенны в VII веке. «Мал» означает по-осетински «болото», «трясина». Итак, Малороса будет означать «Болото росов». В равеннском учебнике Малароса упомянут среди боспорских городов близких к Киммериуму. Последний находился на таманской стороне Керченского пролива, и кажется наверняка Малароса также находился в дельте Кубани, близ Фанагории, возможно, в Темрюке». Вполне убедительно, что название, очевидно, главного города «Острова Русов», который «покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр, так что стоит человеку ступить ногой на землю, как она трясется из-за обилия в ней влаги», соответствовало указанной характеристике места «на коем они (росы) живут».[25]

На том основании, что Малороса упоминается только в одном источнике, а Росия, вспомним, фигурирует в нескольких и что города эти располагались практически в одном и том же месте (дельта Кубани), можно заключить, что речь идёт об одном и том же городе, известном по более короткому имени (ср. Самкерш-Керчь).

У этого же анонима из Равенны говорится и о том, что «народ роксоланов проживал в районе Дона».

6

А вот ещё одно упоминание русов в книге «Природа сельджуков» Тахира ал-Марвази Шараф аз-Замана: «...И они народ сильный и могучий, и ходят в дальние места с целью набегов, а также плавают они на кораблях в Хазарское море... Храбрость и мужество их хорошо известны, так что один из них равноценен многим из других народов. Если бы у них были лошади и они были наездниками, то они были бы страшнейшим бичом для человечества».[26] Здесь нет указания на место проживание русов, но подчёркивается их тесная связь с морем («плавают на кораблях в Хазарское море»). Вспомним

[25] *Вернадский Г. В.* Древняя Русь. М.: Аграф, 1997. С. 165.

[26] *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–XI вв. М., 1965. С. 400.

у ибн Русте: «Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булгар и там продают».

Ещё одно свидетельство того, что древние росы жили на берегу моря принадлежит арабскому географу X в. Ибн Мискавейху, описывающему один из походов русов: «Они (русы) проехали море, которое соприкасается со страной их, пересекли его до большой реки, известной под именем Куры, несущей воды свои из гор Азербайджана и Армении и втекающей в это море».[27] Не по поводу военных действий, а как к обычному явлению относятся греки к русскому флоту: «Город румов, известный как Масна, который препятствует тем кораблям кузакана (о расшифровке этого термина — ниже), которые прибывают в это море. Византийцы называют их русия».[28]

Из приведенного следует, что русы были тесно и постоянно связаны с морем, и это никак нельзя вывести из расположения Киевской Руси в середине материка. Анализируя те же исторические свидетельства, к части которых обратились и мы, и, пытаясь примирить выявленные противоречия, А. А. Шахматов писал: «Русь — это те же норманны, те же скандинавы; русь — это древнейший слой варягов, первые выходцы из Скандинавии, осевшие на юге России раньше, чем потомки их стали оседать на менее привлекательном лесистом севере».[29] Показательно, что один из наиболее известных исследователей древней российской истории считает, что начало Киевской Руси положили русы «осевшие на юге России». Забегая вперёд, уточним: не «осевшие», но жившие здесь с древнейших времён.

7

В 770 г. возле шведского городка Бравaллы произошло сражение между датчанами во главе с Харальдом и шведами, которыми командовал Сигурд Ринг. Эта битва, одна из важнейших в истории северных народов, для нас представляет свой интерес, во-первых, потому что в ней на стороне Ринга принимал участие его брат, которого Саксон Грамматик называет Регнальдом, королём русов, и, во-

[27] Цит по: *Гумилёв Л. Н.* От Руси до России. С. 365.

[28] *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 346.

[29] Цит по: *Платонов С. Ф.* Указ. соч. Гл. «Образование Киевской Руси».

вторых, название городка Бравалды, возможно, имеет отношение к одному из загадочных моментов российской истории.

Дело в том, что в «Житии св. Стефана, епископа Сурожского» рассказывается о том, что «воинственный и сильный князь Новгорода русского... Бравлин... с многочисленным войском опустошил места от Корсуня до Керчи, с большой силой пришёл к Сурожу... вступил в св. Софию... и ограбил всё, что было на гробе».[30]

Излишне говорить о том, сколько споров возникло вокруг трактовки этого эпизода. «В приведенном тексте неясно почти всё. Кто были упомянутые здесь русы? Что за странное имя — Бравлин... Откуда пришёл этот Бравлин, из какого «Новгорода»? Ведь известного Новгорода в начале IX в. ещё не существовало?» — замечает Л. Гумилёв.[31]

Наиболее убедительной представляется та версия, которая связывает название селения Бравалла с одним из участников произошедшей под ним баталии. Сторонники этой версии считают, что приставку Бравлин (аналогично: Александр Невский, Суворов-Рымникский) к своему имени мог получить Регнальд Русский, воевавший, как выяснилось, при Бравалле. Важно отметить, что такой подход соответствует и сопоставлению дат: битва при Бравалле — 770 г., набег Бравлина (согласно мнению В. Вернадского, которое Л. Гумилёв считает «предпочтительной датой, учитывающей новую литературу по вопросу»[32] — 790 г., то есть к этому времени Регнальд (это имя созвучно росским именам, например, Свенельд, Аскольд) уже мог быть известен как Бравлин.

Убедительно предположение В. Вернадского и по поводу локализации Новгорода Росского. Он строит её на том основании, что, в соответствии с греческими источниками, в Северном Причерноморье в древние времена располагался город Неаполь Скифский. Зная же, что греки называли русов тавроскифами (таврическими скифами), топоним «Неаполь Скифский» может быть дословно переведен с греческого как «Новгород Росский».

Таким образом, если Л. Гумилёву «в приведенном тексте неясно почти всё», мы, исходя из наших рассуждений, можем утверждать об-

---

[30] Цит по: *Гумилёв Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989. С. 124.

[31] Там же. С. 125.

[32] Там же.

ратное: в приведенном отрывке ясно почти всё. Князь таврических росов Регнальд Русский, известный также под именем Бравлин, совершил в конце VIII в. военный поход «от Корсуня до Керчи» против распространившегося на Крымском полуострове христианства (князь Святослав Игоревич через два века собирался сделать то же самое с киевскими святынями, и только смерть помешала ему осуществить задуманное).

8

Наше убеждение в том, что действительная история происхождения Древней Руси не соответствует летописной, может быть подкреплено ещё одним аргументом. Имеется в виду хорошо известный историкам факт: вплоть до XIII в. Русью называлась территория, включающая в себя Киев с Поросьем на правом берегу Днепра и Десну с Посеймом — на левом. Все прочие земли, включая и Новгород, которые мы, не вдаваясь в исторические и географические подробности, считаем Русью — таковыми не считались. Б. Рыбаков уточняет: «Но что представляла собой Приднепровская Русь от Киева до Курска, Русь в узком смысле слова? Это не эфемерное понятие, промелькнувшее в каком-либо одном источнике, это понятие устойчивое, прочное, хорошо известное всем без исключения русским летописцам, будь они киевлянами, владимирцами, галичанами или новгородцами. Понятием «Русь» (в смысле Приднепровской Руси) широко пользовались в качестве географического ориентира, считая, что новгородцам или суздальцам не нужно было никаких объяснений, если сказано: «идоша в Русь».[33] Из действительно множества летописных примеров «Руси в узком смысле слова» возьмём несколько:

«В год 1152. В то же лето пошёл Юрий с сыновьями своими и с ростовцами, и с суздальцами и князьями рязанскими в Русь».

«В год 1147. Изяслав да дары Ростиславу, что от Руския земле и от всех царских земель, а Ростислав да дары Изяславу что от верхних земель и от варяг».

«В год 984. Радимичи... платят дань Руси, повоз везут до сего дня».

Неизбежен вопрос: если, как утверждает «Повесть временных лет», «от тех варяг прозвалась Русская земля», то почему Новгород,

[33] *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 67.

откуда началось варяжское продвижение на юг и где 17 лет княжил Рюрик, Русью очень долгое время не считался? Не потому ли, что Новгород Приильменский был основан уже после того, как русы давно освоили Среднее Поднепровье, и оно стало известно в мире как Киевская Русь? Но почему Киевская? А потому, что «Киевская Русь» — тот же топоним, но называющий целое государство. Коль скоро так, то он подчинён правилу «о топонимическом определителе», говорящем, что наличие у топонима определителя означает, что имеется ещё, как минимум, подобный определяемому, то есть определитель «Киевская» необходим, чтобы отличать Киевскую Русь от другой — той «просто Руси», что находилась на берегах Керченского пролива.

Но ещё даже более загадочный топонимический определитель Руси употребил Константин Багрянородный в своём знаменитом трактате «Об управлении империей»: «Однодревки, приходящие в Константинополь из Внешней Руси, идут... из Невогарды (Новгород), в котором сидел Святослав, сын русского князя Игоря, а также из крепости Милиниски (Смоленска), Чернигоги (Чернигова), из Телюцы (Любеча) и из Вышеграда (Вышгород близ Киева). Все они спускаются по реке Днепру и собираются в Киевской крепости Самбатас».[34]

Но если была Русь Внешняя, то была, следовательно, и Русь Внутренняя, то есть существовали две Руси. Иными словами, греческий император подтверждает то, на чём настаиваем и мы. И если провести аналогию, то «Киевская» для нас Русь — для императора «Внешняя», а та, что мы называем «Таврической» — для него «Внутренняя».

Такие определения соответствуют нашему представлению о том, что Русь, расположенная на берегах Азовского (внутреннего) моря называлась «Внутренней», а та, что располагалась в центре Восточной Европы — «Внешней». Да и согласно обычной житейской логике «внешнее» вторично по отношению к «внутреннему», ассоциирующемуся в человеческом воображении с ядром, основой: Киевская (Внешняя) Русь также была вторична по отношению к Руси (Внутренней) Таврической. И, наверное, не так уж и неправы те авторы, которые призывают нас понять, что название Киевская Русь — изоб-

[34] Цит по: Там же. С. 100.

ретение историков нового времени, а во времена древние всё было, как у Константина Багрянородного: ту Русь, что располагалась в Северном Причерноморье, знали как «Внутреннюю», а все прочее — как «Внешнюю».

Асско-готская составляющая истории Древней Руси

1

В известном труде «О происхождении и деяниях гетов» историк Иордан рассказал о событии, случившимся в IV в. н. э. где-то в районе Северного Причерноморья: «Вероломному же племени росомонов, которые в те времена служили ему (королю готов Германариху. — *А. Г.*) в числе других племён, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину из вышеназванного племени по имени Сунильда, за изменнический уход (от короля) её мужа, король (Германарих), движимый гневом, приказал разорвать её на части, привязав её к диким коням и пустив их вскачь. Братья же её Сар и Аммий, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечом».[35]

Это, в общем-то, малозначительное событие, для российской истории имеет важнейшее значение, потому что здесь, как пишет академик Б. Рыбаков, «впервые появляется имя народа «рос». Он же (Б. Рыбаков) разъясняет, что «в названии народа «росомоны» у готского историка Иордана (возможно, родом алана), легко расчленить две части: «росо-мойне», то есть «росы-мужи», «люди-росы», так как «мойне» по-осетински значит «муж».[36] Но почему известный учёный, твёрдо стоящий на позиции славянства росов, прибегает для расшифровки этнонима «росомоны» к языку потомков асов (осетин), да и самого Иордана считает (хотя и предположительно) аланом? Ответ на этот вопрос мы получим по ходу дальнейших рассуждений, а пока что

[35] *Иордан.* Указ. соч. С. 86.
[36] *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 85.

напомним, что описанный Иорданом эпизод — это пересказ готского (скандинавского) народного предания, в котором Сванильду, жену Германариха, оклеветал перед ним его советник. Братьев Сванильды звали Сёрли и Хамдира. Подчеркнём, что в скандинавской версии имя невинно пострадавшей женщины — Сванильда: корень «свен», а не «сун», и это обстоятельство заслуживает серьёзного внимания.

Имя собственное Свен — одно из самых распространённых в Скандинавских странах — имеет отношение и к истории русов. Так, князя Святослава Игоревича греческие авторы (и Лев Диакон, и Иоанн Скилица) всегда без единого исключения называют Свендославом (Свен-дослав), при этом греческий язык не испытывает никаких трудностей ни в произношении, ни в написании имени князя в привычной для нас форме; многократно упоминается в «Повести временных лет» воевода Свенельд (Свен-ельд); одним из военачальников русов во время Балканского похода был Свенекл (Свен-екл). Такая идентичность имён росомонки Сванильды, жившей в IV в., и росов Свендослава, Свенельда и Свенекла, живших во второй половине X в., не случайна и находит объяснение в том, что все они принадлежали к одному народу. Слово «свен» имело у этого народа такое же символическое значение, как например, у славян «слав» (Ростислав, Вячеслав, Станислав), а у евреев «ил-(Бог)» — (Михаил, Гавриил, Эммануил), и это обстоятельство становится отправной точкой для наших дальнейших логических построений.

2

Скандинавский корень «свен» в именах древних росов — это ли не доказательство варяжского (северного) происхождения Руси? Трудно было бы что-то возразить против такого аргумента, но слово «свен» на юго-востоке Европы появилось раньше, чем на её севере.

Это, может быть, несколько неожиданное утверждение основывается на последней (к сожалению, в буквальном смысле этого слова) гипотезе известного норвежского географа, историка и путешественника Тура Хейердала о восточноевропейском происхождении скандинавов, привлекшей новых исследователей, увидевших в упомянутой гипотезе путь к решению некоторых проблем, связанных с процессами миграции племён и образования этносов на территории Европы.

Источником, на котором основывался Т. Хейердал, стала «Сага об Инглинах», созданная исландским летописцем Снорри Стурлусоном. Вот свидетельство самого учёного: «В «Саге об Инглинах» довольно подробно рассказано о земле асов, расположенной в низовьях Танаиса, так в древности называли реку Дон. Предводителем асов в давние времена был некий Один, великий и мудрый вождь, владевший колдовскими искусствами. Войны с племенами соседнего народа ванов при нем проходили с переменным успехом: асы то побеждали, то терпели поражение. Для меня это доказывает, что Один был не богом, а человеком, ведь боги не могут проигрывать. В конце концов война с ванами закончилась миром, но в низовья Танаиса пришли римляне, и асы, ослабленные долгими войнами, были вынуждены отступить на север.

Я внимательно прочитал саги и посчитал, что от Одина до исторической фигуры — Харальда Прекрасноволосого (X в.) прошло тридцать одно поколение. Все сходится: северное Причерноморье римляне покорили именно в I веке до нашей эры. Кроме того, я был просто поражен, когда узнал, что племена асов и ванов были реальными народами, населявшими здешние места до нашей эры! А когда я посмотрел на карту низовьев Дона и увидел слово «Азов», то я просто не мог прочитать его иначе, как «Ас Хов», ведь древненорвежское слово «хов» обозначает храм или священное место!»[37]

Имеет смысл привести некоторые характерные, в свете рассматриваемой темы, выдержки из «Саги об Инглинах»:

~

«Круг земной, где живут люди, очень изрезан заливами. Из океана, окружающего землю, в нее врезаются большие моря. Известно, что море тянется от Нёрвасунда до самого Йорсалаланда. От этого моря отходит на север длинный залив, что зовется Черное море. Он разделяет трети света. К северу от Черного моря расположена Великая, или Холодная Швеция. Некоторые считают, что Великая Швеция не меньше Великой Страны Сарацин, а некоторые равняют ее с Великой Страной Черных Людей. Северная часть Швеции пустынна из-за мороза и холода, как южная часть Страны Черных Людей пустынна из-за солнечного зноя. В Швеции много больших областей. Там много также разных народов и языков. Там есть великаны и карлики, и

[37] Новая газета. 2001. 17 мая. № 33.

черные люди, и много разных удивительных народов. Там есть также огромные звери и драконы. С севера с гор, что за пределами заселенных мест, течет по Швеции река, правильное название которой Танаис. Она называлась раньше Танаквисль, или Ванаквисль. Она впадает в Черное море. Местность у ее устья называлась тогда Страной Ванов, или Жилищем Ванов. Эта река разделяет трети света. Та, что к востоку, называется Азией, а та, что к западу, — Европой».

~

«Страна в Азии к востоку от Танаквисля называется Страной Асов, или Жилищем Асов, а столица страны называлась Асгард. Правителем там был тот, кто звался Одином. Там было большое капище. По древнему обычаю в нем было двенадцать верховных жрецов. Они должны были совершать жертвоприношения и судить народ. Они назывались диями, или владыками. Все люди должны были им служить и их почитать. Один был великий воин, и много странствовал, и завладел многими державами. Он был настолько удачлив в битвах, что одерживал верх в каждой битве, и поэтому люди его верили, что победа всегда должна быть за ним. Посылая своих людей в битву или с другими поручениями, он обычно сперва возлагал руки им на голову и давал им благословение. Люди верили, что тогда успех будет им обеспечен. Когда его люди оказывались в беде на море или на суше, они призывали его, и считалось, что это им помогало. Он считался самой надежной опорой. Часто он отправлялся так далеко, что очень долго отсутствовал».

~

«У Одина было два брата. Одного из них звали Ве, а другого — Вили. Они правили державой, когда Один был в отлучке. Однажды, когда Один отправился далеко и долго был в отлучке, Асы потеряли надежду, что он вернется. Тогда братья стали делить его наследство, и оба поженились на его жене, Фригг. Но вскоре после этого Один возвратился домой, и он тогда вернул себе свою жену».

~

«Один пошел войной против Ванов, но они не были застигнуты врасплох и защищали свою страну, и победа была то за Асами, то за Ванами. Они разоряли и опустошали страны друг друга. И когда это и тем, и другим надоело, они назначили встречу для примиренья, за-

ключили мир и обменялись заложниками. Ваны дали своих лучших людей, Ньёрда Богатого и сына его Фрейра. Асы же дали в обмен того, кто звался Хёниром, и сказали, что из него будет хороший вождь. Он был большого роста и очень красив. Вместе с ним Асы послали того, кто звался Мимиром, очень мудрого человека, а Ваны дали в обмен мудрейшего среди них. Его звали Квасир. Когда Хёнир пришел в Жилище Ванов, его сразу сделали вождем. Мимир учил его всему. Но когда Хёнир был на тинге или сходке и Мимира рядом не было, а надо было принимать решение, то он, всегда говорил так: "Пусть другие решают". Тут смекнули Ваны, что Асы обманули их. Они схватили Мимира и отрубили ему голову, и послали голову Асам. Один взял голову Мимира и натер ее травами, предотвращающими гниение, и произнес над ней заклинание, и придал ей такую силу, что она говорила с ним и открывала ему многие тайны.

Один сделал Ньёрда и Фрейра жрецами, и они были диями у Асов. Фрейя была дочерью Ньёрда. Она была жрица. Она первая научила Асов колдовать, как было принято у Ванов. Когда Ньёрд был у Ванов, он был женат на своей сестре, ибо такой был там обычай. Их детьми были Фрейр и Фрейя. А у Асов был запрещен брак с такими близкими родичами».

~

«Большой горный хребет тянется с северо-востока на юго-запад. Он отделяет Великую Швецию от других стран. Недалеко к югу от него расположена Страна Турок. Там были у Одина большие владения. В те времена правители римлян ходили походами по всему миру и покоряли себе все народы, и многие правители бежали тогда из своих владений. Так как Один был провидцем и колдуном, он знал, что его потомство будет населять северную окраину мира. Он посадил своих братьев Ве и Вили правителями в Асгарде, а сам отправился в путь и с ним все дии и много другого народа. Он отправился сначала на запад в Гардарики, а затем на юг в Страну Саксов. У него было много сыновей. Он завладел землями по всей Стране Саксов и поставил там своих сыновей правителями. Затем он отправился на север, к морю, и поселился на одном острове. Это там, где теперь называется Остров Одина на Фьоне. Затем он послал Гевьюн на север через пролив на поиски земель. Она пришла к Гюльви, и он наделил ее пашней. Она отправилась в Жилища Великанов и зачала там от одного великана четырех сыновей.

Затем она превратила их в быков, запрягла их в плуг и выпахала землю в море напротив Острова Одина. Там теперь остров Селунд. С тех пор она жила там. На ней женился Скьёльд, сын Одина. Они жили в Хлейдре. А там, где прежде была земля, стало озеро. Оно называется Лег. Заливы в этом озере похожи на мысы Селунда.

Один, узнав, что на востоке у Гюльви есть хорошие земли, отправился туда, и они с Гюльви кончили дело миром, так как тот рассудил, что ему не совладать с Асами. Один и Асы много раз состязались с Гюльви в разных хитростях и мороченьях, и Асы всегда брали верх. Один поселился у озера Лег, там, где теперь называется Старые Сигтуны, построил там большое капище и совершал в нем жертвоприношения по обычаю Асов. Все земли, которыми он там завладел, он назвал Сигтунами. Он поселил там и жрецов. Ньёрд жил в Ноатуне, Фрейр — в Уппсале, Хеймдалль — в Химинбьёрге, Тор — в Трудванге, а Бальдр — в Брей Даблике. Всем им Один дал хорошие жилища».

~

«Рассказывают, как правду, что когда Один и с ним дии пришли в Северные Страны, то они стали обучать людей тем искусствам, которыми люди с тех пор владеют. Один был самым прославленным из всех, и от него люди научились всем искусствам, ибо он владел всеми, хотя и не всем учил. Теперь надо рассказать, почему он был так прославлен. Когда он сидел со своими друзьями, он был так прекрасен и великолепен с виду, что у всех веселился дух. Но в бою он казался своим недругам ужасным. И все потому, что он владел искусством менять свое обличие как хотел. Он также владел искусством говорить так красиво и гладко, что всем, кто его слушал, его слова казались правдой. В его речи все было так же складно, как в том, что теперь называется поэзией. Он и его жрецы зовутся мастерами песней, потому что от них пошло это искусство в Северных Странах. Один мог сделать так, что в бою его недруги становились слепыми или глухими или наполнялись ужасом, а их оружие ранило не больше, чем хворостинки, и его воины бросались в бой без кольчуги, ярились, как бешеные собаки или волки, кусали свои щиты, и были сильными, как медведи или быки. Они убивали людей, и ни огонь, ни железо не причиняли им вреда. Такие воины назывались берсерками».[38]

---

[38] Исландские саги. Сага об Инглинах. М.: Яз. слав. культ, 2002. Гл. 1–4.

Учёные давно обратили внимание на связь между скандинавами и асами, но объяснение этого явления не могло выйти за рамки, предложенные Г. В. Вернадским: «В то время как конечным пунктом древнего варяжского пути от Балтийского до Азовского моря было устье Дона, его началом являлось устье Западной Двины. Движение по этому пути было двусторонним, поскольку не все скандинавские воины и купцы, отправлявшиеся на Восток, оставались там постоянно; многие шведские искатели приключений.., проведя несколько лет на Востоке и разбогатев, со временем, бывало, возвращались домой, в прибалтийские земли и имели обыкновение давать прежним местам новые имена, которые напоминали им о сказочной стране их подвигов и приключений. По тем же мотивам имя Ас (женская форма Аса) стало распространённым личным именем в Скандинавии. Несколько норвежских княгинь в девятом и десятом веках носили имя Аса. А слог «ас» использовался в образовании таких мужских имён, как Асмунд, Аскольд и т. п.»[39]

Предположение Г. В Вернадского основано не только на «обыкновении давать прежним местам новые имена», но и на историческом опыте – имеется убедительное количество подобных явлений и в прошлом, и в настоящем. Но в данном случае перенос географических названий и имён собственных имеет не «челночный» характер: Скандинавия–Восток–Скандинавия, а «однонаправленный»: Восток–Скандинавия, как результат переселения асов на север Европы.

Важнейшим условием для понимания истории асов будет утверждение Г. В. Вернадского, с которым согласны практически все имеющие к этой теме отношение учёные. «Кавказские аланы назывались асами или осами – имя, которое их потомки осетины носят до сих пор».[40] «Название Алания, – писал живший в XV в. венецианский купец Иосафат Барбаро, – произошло от племен, именуемых аланами, которые на собственном языке называются «ас»».[41] Такого же мнения придерживался и изучавший скандинавские саги П. Ша-

[39] *Вернадский Г. В.* Древняя Русь. С. 283.

[40] *Вернадский Г. В.* Русская история. Учеб. пособ. М.: Аграф, 1997. С. 25.

[41] И. Барбаро. Путешествие в Тану // Иностранные писатели о России. СПб., 1836. Т. 2. § 7.

фарик: «Собственное (домашнее, родное) название алан именно асы еще в глубокой древности принесено было в Скандинавию скитавшимися норманнами», «скандинавы заимствовали многие религиозные обряды у алан».[42]

В мировой исторической науке этноним «аланы» гораздо более известен и упоминаем, чем «асы» и, наверное, синонимы «асы–аланы» должны рассматриваться с учётом временного фактора: есть основание утверждать, что вплоть до Раннего Средневековья эти обитатели Северного Причерноморья и Кавказа были более известны как асы. Такой вывод основывается на том факте, что национальное имя асов стало основой названия самой большой части света – Азии (Асии): первоначально так называли земли, заселённые асами, а затем и все, находящиеся к востоку от них пространства.

Подтверждение этому находим у Марка Аннея Лукана (39–65 гг. н. э.): «Танаис дает своим берегам имена разных частей света и, служа границей Азии и Европы, разделяет сопредельные части материка и своими изгибами увеличивает то одну, то другую часть света».[43] К асам, коль скоро так «на собственном языке назывались аланы», можно отнести и сообщение Иосифа Флавия: «Мы раньше объяснили, что племя аланов есть часть, живущая вокруг Танаиса и Меотийского озера».[44]

Очевидно, в дальнейшем, по причинам, требующим специального рассмотрения, этноним «аланы» стал более употребительным и дошёл до наших дней в названии автономной республики Алания. Во всяком случае, в русских летописях неоднократно упоминаются именно асы (ясы):

«В год 965. Иде Святослав на козари. Слышавше же козари, изыдоша противу им со князем своим Каганом. И ступиша обои, и одоле Святослав козаром, и град их Белу Вежу взя. И ясы победи, и касоги».

«В год 1029. Ярослав ходи на ясы и взя их».

«В год 1116. ...князь Ярополк Владимирович ходи на Половечскую землю, к реце зомовой Дон и ту взя полон мног, и города взя Половечкые: Галич, Чешюев и Сугров, и приведе с собою ясы, и жену полони ясыню».

---

[42] *Шафарик П. И.* Славянские древности. М., 1948.

[43] *Лукан Марк Анней.* Фарсалия. М.: Ладомир-Наука, 1993. Т. 3. С. 266–283.

[44] *Флавий Иосиф.* Иудейская война. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. VI–VII, 4.

«В год 1380. Прииде ординский князь со единомысленники своим и князи ординскими и со всею силою татаревскою и половецкою, и еще к тому рати понаимовал — безсермены, фрязы, черкесы и ясы, буртасы; такоже с Мамаем вкупи во единой мысли и во единой думе и Литовский князь Агайло Ольчардович и со всею силою литовскою и лятьскою; с ними же в одиночестве князь Олег Иванович Рязанский...»

4

Первым упоминанием алан в истории считают этноним роксоланы, который следует рассматривать как двусложный: рокс-аланы, где «рокс» — слово-определитель, означающее «светлые, белые», то есть «роксаланы» должно быть понято как светлые (белые) аланы.

Вместе с тем, некоторые учёные, например Г. В. Вернадский связывают роксоланов с росами: «Ведущий клан аланов назывался рукс — «блистательный», и от него, предположительно, произошли имена рос или рус (позже Россия, русские). Эти русы (в варианте росы) упоминаются в сирийской хронике в середине VI столетия».[45]

Народ «роксоланы», обитавший к востоку от Борисфена (Днепра) был известен греческому (по происхождению) историку Страбону, жившему в начале нашей эры, но опиравшемуся на источники приблизительно двухвековой давности. Однако, принимая то условие, что «кавказские аланы назывались асами или осами», этот временной ориентир следует отодвинуть, как минимум, на полтысячелетия назад.

Дело в том, что страна (точнее, группа стран), в имени которой присутствует слово «ас» существовала ещё во времена жившего в VII в. до н. э. пророка Иеремии — имеется в виду его призыв: «Поднимите знамя на земле, трубите трубою среди народов, вооружите против него (речь идёт о Вавилоне) народы, созовите на него царства Араратские, Минийские, Ашкеназийские, поставьте вождя против него, наведите коней как страшную саранчу».[46] Не будем прилагать усилий для доказательства того факта, что «страны Ашкеназийские»

[45] *Вернадский Г. В.* Русская история. С. 25.
[46] Иеремия. LI, 27.

располагались в Восточной Европе или близко к ней – достаточно сказать, что они соседствовали с царствами Араратскими, чья локализация (об этом ниже) определена.

Если знать, что на языке пророка буква «ш» произносится и читается ещё и как «с», то «царства Ашкеназийские» – это также и «царства Аскеназийские» (в некоторых изданиях Ветхого Завета и Книги пророков так и пишется: Аскеназ, страны Аскеназийские), то есть те земли, на которых проживали «ас-кеназы». Напомним, что ассирийцы (обратим внимание: ас-суры) называли скифов очень похожим словом: ашкуаз (ас-куаз), а в греческих источниках территории примыкающие к Танаису (Дону) называются Асканией или Асханатом. Иными словами, асов также считали одним из того огромного количества племён, кого греки (и только они) называли «скифами».

5

К началу нашей эры над асами нависает угроза порабощения. Их земли не стали исключением в главном направлении римской политики – подчинении племён и народов. И если при императорах Клавдии и Нероне усилия Рима в попытке прибрать к рукам Северное Причерноморье и Кавказ были в большей степени дипломатическими, то после образования новых провинций – Фракии и Мёзии, действия империи стали более откровенными, вплоть до размещения гарнизонов в некоторых местах Тавриды, подчинение которой рассматривалась Римом в качестве одного из важнейших условий подготовки к войне с даками.

Напомним, что именно стремление Рима овладеть Северным Причерноморьем и Кавказом Т. Хейердал, основываясь на тексте саги («В те времена правители римлян ходили походами по всему миру и покоряли себе все народы, и многие правители бежали тогда из своих владений»), считал главной причиной исхода из этих мест асов: «В низовья Танаиса пришли римляне, и асы, ослабленные долгими войнами, были вынуждены отступить на север».

Вместе с тем следует отметить, что нет никаких указаний на «долгие войны» – речь идёт скорее о каких-то локальных боевых действиях римлян. «Едва ли, – пишет А. Панов, – Агриппе (римскому полководцу. – *А. Г.*) пришлось вести какие-либо серьезные

военные действия на Боспоре, но уже сама демонстрация военных сил Рима оказалась весьма эффективной и вынудила боспорцев подчиниться».[47]

И всё же асы, возглавляемые Одином — мудрым вождём, хорошо представлявшим последствия возможной римской экспансии и не желавшим рисковать жизнями соплеменников и судьбой потомков, ушли в поисках лучшей доли. «Так как Один был провидцем и колдуном, он знал, что его потомство будет населять северную окраину мира. Он посадил своих братьев Ве и Вили правителями в Асгарде, а сам отправился в путь и с ним все дии и много другого народа».

Достаточно точную дату «исхода» асов из Северного Причерноморья можно вычислить, основываясь на том, что, как рассказывает «Сага об Инглинах», страной, получившей в дальнейшем название Дания, правил правнук Одина Фродди, и было это во времена правления императора Августа: 41–14 гг. н. э. Кроме того, имеется и такое уточнение: «...тогда родился Христос». Известен и путь Одина: «Он отправился сначала на запад в Гардарики, а затем на юг в Страну Саксов. У него было много сыновей. Он завладел землями по всей Стране Саксов и поставил там своих сыновей правителями. Затем он отправился на север, к морю, и поселился на одном острове. Это там, где теперь называется Остров Одина на Фьоне».

Однако не все асы последовали за Одином — часть их и, очевидно, большая осталась на своей земле.

6

Боги-ваны занимают такое же место в мифологии и религии древних скандинавов, как и боги-асы. Локи и Фреи не уступают по своему значению Одину и Фригг. Нет сомнения, что контакты между асами и ванами имели место ещё до того, как Один увёл часть соплеменников на Север и, если скандинавы (норвежцы, шведы, датчане) — суть этническое продолжение мигрировавших асов, то, следовательно, это в такой же степени справедливо по отношению к ванам — иными словами в жилах значительной части скандинавских народов, кроме асской, течёт и ванская кровь.

[47] *Панов А. Р.* Поход Палемона I на Боспор: проблемы интерпретации источников. Саратов: АМА, 2002. Вып. 11. С. 106–108.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что никаких, даже самых общих, известий о народе ванов нет и, практически, единственным, хотя и значительным свидетельством их существования являются дошедшие до нас и, очевидно, связанные с именем обитавшего здесь народа гидронимы: озера Ван и Севан (Се-ван). От этого же корня некоторые лингвисты производят и топоним Ереван (Ере-ван).

Государство, образованное в древности на этой территории, назывались царством Ванов, но гораздо более оно известно как царство Урарту, которое в ассирийских источниках упоминается как единая страна в IX в. до н. э. Ваны, по всей видимости, продолжали существовать и после покорения его мидянами в VI в. до н. э.

Касательно истории Урарту, достаточно убедительной представляется позиция И. М. Дьяконова и Г. А. Меликишвили, считающих, что «Арарат» – имя библейской горы, давшей приют Ноеву ковчегу, – это неправильно истолкованное название царства Урарту, так как в книге «Бытие» на самом деле говорится о горах Араратских (Урартских), то есть о горах, расположенных на территории царства Урарту.[48] К «царствам Араратским» обращается, как мы помним, Иеремия – и здесь множественное число полностью соответствует сведениям источников, сообщавших, что царство Урарту представляло собой объединение отдельных государств.

Временные рамки существования царства Урарту, как выяснилось, не только не противоречат таковым относительно «стран Аскеназийских», но и совпадают с ними, так что описание в «Саге об Инглинах» отношений между асами и ванами может считаться важным аргументом в пользу существования последних.

Царство Урарту считают своей предтечей армяне, грузины и азербайджанцы, однако в его истории имеется обстоятельство примечательное для тех, кому интересна история Руси.

В конце 30-х гг. VIII в. до н. э. в Урарту образовалась очередная династия. Этот факт ничем не удивителен, но интересно имя её основателя – его звали Руса. Судя по надписи на статуе, воздвигнутой в Муцацирском храме и изображавшей его на колеснице: «С моими двумя конями и одним колесничим рука моя овладела царской вла-

[48] См.: *Дьяконов И. М., Меликишвили Г. А.* Урартские письма и документы. М.; Л., 1963; Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. Т. 1. Тбилиси, 1954.

стью Урарту», Руса был смелым и решительным человеком. Он и его приемники часто выступали против других народов именно в союзе с киммерийцами или обеспечивали последним необходимые условия для завоеваний, как это было, например, при Русе II в 675 г. до. н. э. в войне с Фригийским царством.

Разумеется, этот факт не может служить основанием для вывода об этнической связи ванов и русов, но и отвергать его с порога также не стоит, если предположить, что рассмотренные выше имена русов могут основываться на слове «ван (вен)»: С-ван-ильда, С-вен-дослав, С-вен-ельд, С-вен-екл.

7

Важно представлять, что, в соответствии с текстом «Саги об Инглинах», и ваны, и асы жили в Великой Швеции: ваны — в устье Танаиса, а асы — к востоку от него. «Великая Швеция» выступает как название, объединяющее различные территории, располагавшиеся к северу от Чёрного моря, и, следовательно, как общее имя народов на них проживавших. В этом убеждаемся, исходя из того факта, что переместившиеся на север Европы асы назвали новые места обитания также Швецией — Малая Швеция.

Уже в знакомых нам «Бертинских летописях», которые, кроме прочего, рассказывают о том, что в 829 г. греческий император Феофил отправил посольство к королю франков Людовику Благочестивому, словосочетание, переведенное на русский язык как «шведское племя», в подлиннике выглядит «eos gentis esse Sueonum».

Русские летописи ещё XIII–XIV вв. знают свеев, а не шведов: «Те варяги назывались Русь, как другие называются Свеи, а другие Оурмани, Англяне, а иные Готы»; соответственно, страна, где проживали свеи, называлась у русских Свеонией.

О стране свеонов (Sueonum) на юго-востоке Европы знал Страбон: «К числу народностей, которые сходятся в Диоскуриаду, принадлежат и свеоны, которые превосходят своих соседей могуществом; и быть может, они почти что самые воинственные и сильные из всех. Во всяком случае, они господствуют над всеми народностями вокруг них, занимая вершины Кавказа, возвышающиеся над Диоскуриадой. У них есть царь и совет из 300 человек, как говорят, они могут выставить войско до 250 000 человек. Действительно, вся народная масса представляет

боеспособную, хотя и неорганизованную силу. В их стране, как передают, горные потоки приносят золото, и варвары ловят его решетами и косматыми шкурами. Отсюда, говорят, и возник миф о золотом руне. Некоторые называют их также иберийцами — одинаково с западными (т. е. Пиренейская Иберия) — от золотых росписей, находящихся в обеих странах. Свеоны применяют для наконечников стрел яд удивительного действия, который своим запахом приносит мучения даже не раненым отравленными стрелами. Прочие народности, живущие около Кавказа, занимают скудные и незначительные пространства земли».[49]

Мы уже привели доказательства того, что между этнонимами «eos gentis esse Sueonum» (свеоны) и свевы можно провести знак равенства. Кроме того, замечание Страбона, что «некоторые называют их также иберийцами», сравним с таковым у Рубрука, который путешествовал по Восточной Европе в середине XIII в. и рассказывал в своей книге «Путешествие»: «Итак, вышеупомянутая область Цезария окружена морем с трех сторон, именно с запада, где находится Керсона, город Климента, с юга, где город Солдаия, к которому мы пристали, он вершина области, и с востока, где город Маритандис, или Матрика, и устье моря Танаидского. Выше этого устья находится Зикия, которая не повинуется татарам, а к востоку — свевы и иверы, которые [также] не повинуются татарам».[50]

Согласно этому сообщению свевы находились восточнее Зикии, а Зикия, и это достоверно известно, соседствовала с Матрикой (Матрахой, Тмутараканью). Мы помним, что было написано на печати Олега (Гориславича): «Господи, помоги Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии». Константин Багрянородный упоминает Зикию рядом с Тмутараканью: «Должно знать, что вне крепости Таматарха имеются многочисленные источники, дающие нефть. Следует знать, что в Зикии... имеются девять источников, дающих нефть».[51]

Так ли уж случайно сочетание «свеоны-иверы» у Страбона с подобным «свевы-иверы» у Рубрука, притом, что и тот, и другой описывают близко расположенные друг к другу местности, которые в прошлом были одной страной? Страна эта, существующая до настоящего

---

[49] *Страбон.* География. Олма-пресс. М., 2004. XI, 11, 19.

[50] См.: Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука. М.: Мысль. 1997. Гл 1.

[51] Цит. по: *Захаров В. А.* Указ. соч. С. 212.

времени и известная как Сванетия, расположена, практически, там, где и располагалась во времена Страбона.

Таким образом, свевы — это имя одного из асских (аланских) племён, оставшихся на своих исконных землях. Относительно их соплеменников, перебравшихся на север Европы, имела место ситуация в определённой степени обратная рассмотренной, поскольку новые места обитания они продолжали называть Швецией (Свеонией), со временем этноним «асы» был вытеснен этнонимом свеоны (свеи), в русской транскрипции «шведы».

8

Этот небольшой, но требующий сосредоточенности внимания, экскурс в древнюю историю Восточной Европы мы совершили, потому что обнаружили в именах древних росов корень «свен», связывающий их с аланами. И сразу же предвидим то возражение, что в тени остались росомоны, которых, по всей видимости, следует отнести к готским племенам. Но так ли уж бесспорны наши убеждения относительно истории готов?

Их действия в отличие от асов представляются более целесообразными, поскольку они поменяли холодный и неприветливый север на тёплый и уютный юг.

«С этого самого острова Скандзы.., — рассказывает уже знакомый нам Иордан, — по преданию вышли некогда готы с королём своим по имени Бриг... Лишь только сойдя с кораблей они ступили на землю, как сразу же дали название тому месту. Говорят, что до сего дня оно так и называется Готискандза... Вскоре они продвинулись оттуда на места ульмеругов, которые сидели тогда по берегам океана (Балтийского моря)... Тогда же они подчинили их соседей вандалов, присоединив их к своим победам. Когда там выросло великое множество люда, а правил всего только пятый после Берига король Филимер, сын Гадарига, то он постановил, чтобы войско готов вместе с семьями двинулось оттуда в поисках удобнейших областей и подходящих мест для поселения, он пришёл в земли Скифии, которые на их языке назывались Айум... Отсюда уже, как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем».[52]

[52] *Иордан.* Указ. соч. С. 65–66.

Вместе с тем, историк гораздо более именитый, чем Иордан, – Иосиф Флавий считал готов скифами, чем вызвал недовольство Иордана и следующий по этому поводу пассаж: «Иосиф, правдивейший рассказчик анналов, который всюду блюдёт правило истины и раскрывает происхождение вещей от самого их начала, опустил неведомо почему сказанное нами о началах племени готов. Упоминая лишь о корнях их от Магога, он уверяет, что зовутся они скифами и по племени, и по имени». Мы же заметим, что Иосиф Флавий, по той причине, что жил на пять веков ранее Иордана, не мог ознакомиться с его мнением «о началах племени готов» и имел своё, надо полагать, небезосновательное мнение, несмотря на то, что не знал приведенной известным русским историком Д. И. Иловайским, линвистической последовательности: «Точно так же гиты, геты, готы и гуты суть видоизменение корня «гьгя», которое мы сближаем с «кыт» (в названии Скифы). Звук «г», как известно, легко переходит в «к», а букву с считаем приставочною в слове Скиты. Что у Греков «Скиты» могло быть видоизменением слова «Геты» или «Гиты» *с* приставкою с по эолийскому произношению, было высказано еще Салмазием, лейденским профессором в XVII веке».[53]

Но скандинавское происхождение готов отрицать не только Иосиф Флавий. В комментариях к работе польского историка М. Меховского «Трактат о двух Сарматиях» имеется такое замечание: «Что касается существа затронутого нашим автором (Меховским. – *А. Г.*) «готского вопроса», то, несмотря на... преобладание пангерманской трактовки его, исходящей из Иордана, новейшие археологические исследования позволяют наметить иное решение. Мы имеем в виду насыщенную фактами работу В. И. Равдоникаса «Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья».[54] Анализируя данные последних раскопок в Крыму и сопоставляя их с иными доныне известными материалами, В. Равдоникас решительно отрицает происхождение крымских готов из Скандинавии или Прибалтики, а вместе с тем ставит под сомнение и этническое единство готов, вообще, и старую методологию в решении готской проблемы». С таким выводом согласуется и мнение Г. В. Вернадского: «Под именем «скифы» подразумевались племе-

---

[53] См.: *Иловайский Д. И.* Начало Руси. М.: Олимп, 2002. Гл. VI.

[54] Готский сборник. Известия ГАИМК. 1932. Т. XII. Вып. 1–8. С. 5–106.

на различного этнического происхождения... Скифское государство было скорее конфедерацией сильных кочевых родов».[55] Согласен с В. Равдоникасом и известный украинский историк М. Брайчевский: «Мы не будем рассматривать сложнейшую проблему готов и их миграции на юг, заметим лишь, что тезис о скандинавской прародине готских племен встречает в последнее время весьма серьезные возражения. Но независимо от того, имела ли данная миграция место или нет, нельзя рассматривать причерноморских готов в качестве чистых германцев. Если переселение и было, то масштабы его исключают мысль о преобладании германского этнического элемента в Северном Причерноморье в III—IV вв. Недаром для позднеантичных авторов готы были аборигенами причерноморских степей, а их этноним в источниках выступает синонимом названия «скифы».

Поэтому как к полностью соответствующему вышеизложенному мы должны отнестись к следующему высказыванию Д. И. Иловайского: «Но, по всей вероятности, это название (Скандинавия. — *А. Г.*) перешло на север из более южных стран, точно так же, как и название Скифия, которое постепенно видоизменялось и иногда получало весьма широкое применение. В тесном смысле это была нынешняя Южная Россия, в обширном — пределы ее на севере простирались до берегов океана, на востоке терялись в степях Средней Азии. Впоследствии это имя если не в чистом, то в видоизмененном виде сохранилось за некоторыми странами, и преимущественно за Скандинавией или Скандией? Мы позволяем себе следующую догадку: не отсюда ли происходит и то недоразумение, на котором основан столь распространенный в средние века обычай производить народы из туманной и едва известной Скандинавии? Если и можно назвать какую страну истинной, а не мнимой vagina gentium, так это древнюю Скифию в ее тесном смысле, то есть южную половину России, с прилегающими к ней частью Дунайской равнины и Карпатской областью. Здесь еще, по известию Геродота, обитали столь многие народы. Отсюда они постепенно расселялись на север и на запад. Впоследствии, когда имя Скифии перенесено было на отдаленные берега Северного моря, с этими берегами смешались воспоминания о Скифии, как о древнем отечестве, и летописцы начали эти воспоминания приурочивать преимущественно к Скандинавии».[56]

[55] *Вернадский Г. В.* Древняя Русь. С. 72.
[56] *Иловайский Д. И.* Указ. соч.

Отдадим должное историку, чья научная интуиция на полтора века опередила подобные выводы Т. Хейердала. Следовательно, «этот самый остров Скандза», из которого «по преданию вышли некогда готы с королём своим по имени Бриг» был «древней Скифией в ее тесном смысле, то есть южной половиной России» или, по Иордану, «крайней частью Скифии, соседствующей с Понтийским морем».

Но тогда к истории готов нужно подходить с той же позиции, что и к истории асов, обитание которых на севере Европы стало результатом их миграции с юго-восточных её окраин, а отсюда уже и недалеко до вывода о том, что готы пришли в Малую Швецию (Северную Скандинавию) вместе с асами. И точно так же как «имя Ас (женская форма Аса) стало распространённым личным именем в Скандинавии, а слог «ас» использовался в образовании таких мужских имён, как Асмунд, Аскольд и т. п.», корень «гот» нашёл своё место на севере Европы: «Лишь только сойдя с кораблей, они ступили на землю, как сразу же дали название тому месту. Говорят, что до сего дня оно так и называется Готискандза»,[57] но корабли эти пришли сюда (повторимся) из «крайней части Скифии, соседствующей с Понтийским (Чёрным) морем».

Таким образом, и роксоланы Страбона, и росомоны Иордана — это потомки того народа, который в древности населял пространства Восточной Европы и назывался в разные времена разными именами: киммерийцы, скифы, сарматы, готы.

В свете сказанного стоит подчеркнуть, что всё большее распространение среди учёных приобретает мнение, что Великого переселения народов в тех масштабах, которые имеет в виду официальная историография, не было, а гораздо большее значение имела «последовательность этнического и расового напряжения» (по выражению Г. В. Вернадского). Означенную «последовательность», рассматривая скифо-сарматскую проблему, имел в виду Е. Классен: «Но народ не может исчезать, как туман, ни двигаться, как шашки. Могли ли бы два огромные скифские царства двинуться всею своею массою, не оставя следов за собою, на изглажение которых нужна жизнь целой генерации. При движении такой массы путь не мог быть тропинкою, или ездовою дорогою; для их пути нужно было в ширину целое царство; а такому громадному действию надлежало бы отозваться у всех

[57] *Иордан.* Указ. соч. С. 65.

соседних народов. Но ни греки, ни персы, ни арабы ничего не говорят о таком исполинском движении, которого, в сущности, и быть не могло.

По какой же причине Скифов вдруг не стало, и на их местах очутились одни Сарматы?

Всё это произошло оттого, что народ остался на том же месте, но явился только под другим именем; новое имя его Сарматы. Всё дело объясняется тем, что колония Сармато-Скифов была ближайшим скифским поселением к грекам, а греки, начав, по какой-то неведомой причине, называть ближайших Скифов Сарматами, распространили впоследствии это же название и на всех Скифов. Римляне последовали грекам.

Что Скифов назвали Сарматами, явствует и из того, что не могла же небольшая придонская колония разрастись в такое огромное племя, какое названо было греками этим именем. Теория расположения народного весьма известна и народы не грибы, для которых достаточно одной ночи, чтобы появиться во множестве даже и там, где их прежде и не бывало».[58]

Миграция народов, конечно же, имела место и оказывала в ряде случаев значительное влияние на демографическую картину Европы, но этносы, как это принято считать, не сменяли друг друга полностью. Асы (аланы), свены, иверы, росомоны и многие другие — это, в свою очередь, имена племён, на которые по вполне понятным и естественным причинам разделялся восточноевропейский суперэтнос. Древние росы (народ рос), обитавшие на севере Таманского полуострова — одно из таких племён. И это главный вывод в свете рассматриваемой темы.

9

Одним из аргументов, к которому наиболее часто обращаются исследователи в попытках понять этническую природу Руси, являются названия днепровских порогов, приведенные в двух вариантах — славянском и росском — византийским императором Константином Багрянородным в своём знаменитом трактате «О управлении империей».

[58] *Классен Е. И.* Древнейшая история славян и славяно-русов. М.: Амрета-Русь, 2005. Гл. «Куда исчезли скифы и сарматы».

Уже само по себе такое разделение говорит о том, что двухвариантные названия порогов существовали параллельно, доказывая тем самым, этническое различие росов и славян. Понятно также и то, что во времена Константина Багрянородного, росские имена порогов ещё не исчезли полностью, а славянские не утвердились окончательно, однако, ясно, что росские предшествовали славянским, ибо обратное предположение совершенно противоречит логике. «Очевидно, было бы ошибкой, – пишет уже знакомый нам М. Брайчевский, – относить возникновение приведенной Константином Багрянородным "русской" номенклатуры Днепровских порогов к середине X в. Она, несомненно, намного старше и, скорее всего, восходит к последним векам до нашей эры, когда сарматские полчища затопили южнорусские степи. Именно эта номенклатура была исходной и приобрела международное значение; славянская представляет собою переводы или кальки сарматских названий. Она сложилась не ранее III–IV вв. (а скорее – после разгрома гуннов), когда наши предки (славяне. – *А. Г.*) начали активную колонизацию Степного Причерноморья и освоение днепровского водного пути».

Излишне напоминать, что сообщения «Повести временных лет» о начале Руси попросту обязывали считать языковую основу росских названий порогов скандинавской, но общепризнанно, что их трактовка на такой основе является весьма спорной и «натянутой». Поэтому, в свете вышеизложенного, показательно мнение М. Брайчевского: «Этнонимика с основой "рос" является сарматской, то есть иранской. Можно предположить со значительной долей правдоподобия, что загадочные "росо-готы" представляют собой иранский компонент готского объединения, восходящий к собственно готам (скифам). Заметим, что в источниках имеется параллельная форма "готаланы", "аланоготы", "вала (но) готы" и т. д., по-видимому, выступающая в качестве закономерного варианта: аланы также принадлежат к иранской группе племен и этнонимически сопряжены с иранской Русью ("роксаланы").

Сказанное определяет принципиально иной подход и к постановке нашей темы, посвященной "русским" названиям днепровских порогов у Константина Багрянородного. Их объяснение следует искать не в скандинавской, а в иранской филологии. Действительно, обращение к иранским корням дает результаты гораздо более убедительные, чем традиционные шведские этимологии. В качестве исходно-

го материала принимаем осетинский язык, признаваемый за реликт сарматских языков (осетины считаются потомками аланов, а аланы составляли одну из наиболее значительных и многочисленных сарматских племенных групп)».

Разумеется, в работе М. Брайчевского, которая здесь цитируется, даётся подробный анализ русских названий днепровских порогов с позиции иранской филологии и сравнительно с таковой скандинавской (германской) — желающие могут обратиться к подробностям; мы же ограничимся выводом: «Таким образом, все семь имен (порогов. — *А. Г.*) получили безупречные осетинские этимологии, хорошо соответствующие тексту источника. Конечно, проявление слепой случайности здесь исключается. Предлагаемый вариант интерпретации во всех семи случаях превосходит норманнский уже тем, что не оставляет ни одного имени без надлежащего разъяснения. Следовательно, «Русь» Константина Багрянородного — это не норманнская и не славянская, а сарматская «Русь», сливающаяся с тем таинственным народом Рос, который древние авторы еще в последние века до нашей эры размещают в юго-восточном углу Восточно-Европейской равнины».[59]

Без всякого преувеличения и предвзятости вывод М. Брайчевского может быть более конкретизирован: «Русь» Константина Багрянородного — это не норманнская и не славянская, а сарматско-аланская «Русь», потому что мы не имеем права забывать о связи двух определителей: рус-аланы.

И, наконец, сравним дошедшие до нас описания русов и алан.

Ибн-Фадлан: «Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились (высадились) на реке Атиль. И я не видел (людей) с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, румяны, красны. Они не носят ни курток, ни хафтанов, но носит какой-либо муж из их числа кису, которой он покрывает один свой бок, причем одна из его рук выходит из нее. С каждым из них (имеется) секира и меч, и нож, и он (никогда) не расстается с тем, о чем мы (сейчас) упомянули. Мечи их плоские, с бороздками, франкские».[60]

Аммиан Марцелиан: «Почти все аланы высоки ростом, красивы, с умеренно белокурыми волосами. Они страшны сдержанно-грозным

---

[59] См.: *Брайчевский Ю. М.* Русские названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в 9–14 вв. Киев: Наукова думка, 1985.

[60] Цит. по: *Гумилёв Л. Н.* От Руси до России. С. 359.

взглядом своих очей, очень подвижны вследствие легкости вооружения и во всем похожи на гуннов, только с более легким и более культурным образом жизни. Они по варварскому обычаю втыкают меч в землю и поклоняются ему как Марсу-покровителю стран, по которым они кочуют».[61]

Моравская составляющая истории Древней Руси

1

История Древней Руси не может быть понята без учёта того фактора, влияние которого привело, в конце концов, к отождествлению росов со славянами.

«Как ныне установлено, славяне не были аборигенами Восточной Европы, а проникли в неё в VIII в., заселив Поднепровье и бассейн озера Ильмень. До славянского вторжения эту территорию населяли русы, — этнос отнюдь не славянский».[62] Это утверждение Л. Н. Гумилёва есть плод длительных раздумий и анализа многих исторических источников. Оно стоит того, чтобы к нему прислушаться, потому что если славяне «не были аборигенами Восточной Европы», то, следовательно, наше привычное отношение к полянам и древлянам как к славянским племенам не имеет под собой никаких оснований, кроме традиционных.

Другой, также российский историк, может быть менее известный широкому читателю, но гораздо более титулованный, чем Гумилёв, — академик Б. Рыбаков, оценивая общую направленность восточнославянского летописания, обратил наше внимание на то, что «наибольшую осведомлённость летописец (русский. — *А. Г.*) обнаруживает для середины IX в. в делах Великоморавского государства, а для IX–X вв. — в делах Болгарского царства».[63] И может быть, стоит более внима-

---

[61] См.: *Гаглойти Ю. С.* Сведения об аланах и ясах. Дарьял. 1999. № 4.
[62] *Гумилёв Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. С. 32.
[63] *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 133.

тельно присмотреться к отношениям Моравии с Приднепровьем и понять, в чём секрет такой «осведомлённости» восточнославянского летописца в моравских делах? Не в том ли, что славянская община Киева была представлена не полянами, а выходцами из Моравии? Но почему Моравии? На стыке этих двух приведенных высказываний известных российских историков и лежит отправная точка для наших дальнейших рассуждений.

2

В первой четверти IX в. на территории от Влтавы на северо-западе до Дравы на юге, образовалось государство западных славян, известное нам как Великоморавская держава. Князь Моймир, пытавшийся к своему вновь образованному государству присоединить и славянское Нитранское княжество, в 864 г. был свергнут, и на престол с помощью короля Людвига Немецкого взошёл племянник Моймира – Ростислав. Ростислав был энергичным и волевым правителем. Он расширил границы княжества, освободился от византийской зависимости, успешно сдерживал германский натиск.

В 870 г. получивший германскую поддержку племянник Ростислава Святополк захватывает власть в Моравии. Но, видимо, Святополк не сдержал каких-то своих обещаний – он был захвачен и увезен в Германию. Покаявшегося на словах узника отпустили на родину, однако князь примкнул к разгоревшемуся на тот час антигерманскому восстанию и, одержав несколько побед, освободил страну. Однако единой и независимой Моравия оставалась недолго – слишком сильным было давление на неё соседей-католиков, и уже после смерти Святополка Великоморавское государство распалось на несколько княжеств.

Главнейшим условием, повлиявшим на дальнейшую судьбу Моравского княжества, а затем и Руси, стало принятие моравами христианства по византийскому образцу, то есть православия.

Христианизация Моравии началась ещё до появления здесь Кирилла и Мефодия. В 30–40-х гг. IX в. крестились около двадцати моравских и чешских князей со своими дружинами. Однако Ростислав понимал, что принятие моравами христианства связано с усилением франко-германского политического влияния и позаботился о том, чтобы распространение новой религии было бы как можно меньше подвержено такой зависимости. Он добился того, что папа римский

Гардиан II не препятствовал проведению литургии на славянском языке, а главой новой церкви назначил Мефодия. Понятно, что подобное развитие событий вызвало противодействие католических священников. В результате их интриг Мефодий был отстранён от должности и заключён в тюрьму, где провёл три года, пока в его судьбу не вмешался папа Иоанн VIII, вернувший Мефодию не только свободу, но и сан архиепископа Великой Моравии.

Но теперь претензии к Мефодию стал высказывать ставший великим князем Святополк, упрекавший главу моравской церкви в том, что тот «учит неправильно». И вновь католический первосвященник принимает сторону Мефодия, не только оправдывая его действия и одобряя созданную Кириллом (Константином) славянскую письменность, но буквально приказывая «славить Христа» и читать Евангелия на славянском языке.

Однако ж после смерти в 885 г. Мефодия, Святополк по причинам упомянутой выше зависимости от окружавших стран отказался от «славянского пути» в христианизации Моравии. Последователи и ученики Кирилла и Мефодия, число которых было значительно, покинули родные места и ушли в Болгарию и Чехию.

Очевидно – не только в Болгарию и Чехию. Какая-то часть беженцев, минуя Польшу, добралась и до Центрального Поднепровья. Почему «минуя Польшу»? Да всё потому же: как раз в это время поляки приняли христианство, но по католическому образцу, и православные беженцы прекрасно понимали, что в этой стране рано или поздно им не избежать «варфоломеевской ночи». История человечества располагает более, чем достаточным количеством примеров, когда бегство с насиженных мест было единственным способом спасти жизни в конфликтах на религиозной почве. По всей видимости, указанные обстоятельства и стали причиной появления славян и на берегах Днепра.

Вывод о тесной связи первых киевских князей с Моравией и Чехией прослеживается и в западнославянских источниках, рассказывающих о внуке Святослава Игоревича русском князе Олеге Олеговиче, который известен историкам ещё под одним именем – Олег Моравский. Краткие сведения о нём привожу в интерпретации Н. Филина.[64]

---

[64] *Филин Н. В.* Об историческом прототипе Ильи Муромца // Армагедон. 1999. № 7.

«История изгнанника русского князя Олега дошла до нас в изложении польских и чешских историков XVI–XVIII вв. От Олега Моравского с XVI в. вели свою родословную представители одного из знатнейших моравских родов — графов Жеротинских. Впервые о «Колеге, сыне Колги» (Олеге, сыне Олега. — *А. Г.*), основателе рода Жеротинов, поведал в своем произведении в 1593 г. польско-чешский историк XVI в. Бартоломей Папроцкий.

Колег, сын Колги, сообщает Папроцкий, был племянником киевского князя Ярополка Святославича (972–978). Из-за преследований со стороны своего дяди Олег вынужден был бежать в Чехию, куда он прибыл с большим запасом золота и серебра. В Чехии изгнанник отказался от титула «князь» и принял достоинство рыцаря. Олег явился основателем моравского рода Жеротинов.

Начало рода Жеротинов Папроцкий относит к 861 г., хотя заимствованная им из русских летописей история борьбы за власть сыновей Святослава — Ярополка, Олега и Владимира происходила в 70-е гг. X в. Использование Папроцким летописного рассказа имело целью возвести генеалогию основателя рода Жеротинов к известному русскому знатному роду Рюриковичей.

О русском князе Олеге, основателе рода Жеротинов, сообщается также и в так называемой «летописи Яна Амоса Коменского» — древней рукописи, использованной в начале XVII в.в трудах знаменитого чешского ученого и великого педагога Я. Коменского. В 1618–1621 гг., проживая в Моравии, Коменский находился в числе приближенных знатного вельможи Жеротина. По его просьбе он написал небольшое сочинение по генеалогии рода Жеротинов. Труд Коменского не сохранился до нашего времени, однако сочинением Коменского пользовались другие чешские историки.

Во второй половине XVII в. рукопись Коменского попала в руки известного чешского историка Томаса Пешины из Чехорода. В своем труде, вышедшим в свет в 1677 г., Пешина в подробностях изложил содержавшуюся в труде Коменского историю русского князя Олега, основателя рода Жеротинов.

В 939 г., сообщает Пешина, Моравия отпала от Чехии после убийства князем Болеславом своего брата правителя Чехии князя Вацлава, и прибывший из Руси князь Олег в 940 г. был провозглашен королем Моравии: «Испытывая отвращение вследствие братоубийства, совершенного Болеславом, Моравия совсем отделилась от

Богемской империи, чтобы как и прежде, иметь собственного князя, которым стал князь из рода русских князей, по имени Олег, племянник Ярополка, киевского князя (или Ольги брат, которая была женой Игоря, отца Ярополка».

После восшествия на престол в 940 г. Олег в течение нескольких лет вел упорную борьбу с венграми, нападениями которых на Моравию руководил принц Токсис из рода Арпадов. Венграм удалось захватить часть Моравии и Велеград, столицу Олега. Олег действовал против венгров, получая военную помощь от польского князя Земомысла и своих родственников из Руси. В трехдневной битве при Брюнне (949 г.) войско Олега попало в засаду, преследуя венгров, обратившихся в притворное бегство. Большая часть его погибла, лишь немногие смогли прорваться из окружения и укрыться в близлежащей крепости и непроходимых лесах. Олег, собрав остатки войска, вынужден был навсегда покинуть Моравию и переселиться в Польшу к князю Земомыслу. По сообщению Пешины, там, в Польше, он вскоре и окончил свои дни.

Чешские историки, вслед за Пешиной излагавшие историю князя Олега, по-иному передавали завершение его биографии и сообщали о возвращении Олега из Польши обратно в Россию и участии Олега и прибывших с ним на Русь священников и моравской знати в обращении русских в христианство. Сохранилась в трудах некоторых историков и дата смерти Олега – 967 г.».

В нашу задачу не входит анализ приведенных отрывков и путаницы в датах – для нас важнее ответить на вопрос, почему Олег бежал именно в Моравию, не потому ли, что был уверен в поддержке, обусловленной давними связями между Киевской Русью и Моравией?

Не менее важно представлять и то, что моравы, сделавшие Олега своим правителем, знали о его варяжском происхождении, о чём свидетельствует тот рассказ, что «Олег, прибыв в Чехию, якобы, не мог оставить русские привычки и часто употреблял русское выражение «иди к черту», которое Папроцкий передает как «иди к врагу». От этой его привычки, утверждал писатель, пошло его прозвище «враг» и прозвание всего его рода «враговский». В этом прозвище, несомненно, в действительности отражается древнерусское «варяг», «от рода варяжского», заимствованное автором из недошедшего до нас источника, повествующего о русском князе, варяге по происхождению».

Несомненно, заслуживающим внимания в свете рассматриваемой темы является факт существования преданий о крещении Руси

и свержении идолов богатырем-христианином Ельей Моровлиным, захороненным в киевских пещерах, от которого некоторые авторы производят эпический образ широко известного Ильи Муромца.

Интерес к древней истории Моравии для нас не есть лишь дань истории одного из народов Европы, вообще, но обусловлен её тесной связью с историей Киевской Руси. В этом плане очевидна следующая историческая последовательность: начиная с середины IX в. значительная часть принявшего христианство в православной форме населения Моравии, перемещается под давлением германского католичества, минуя католическую Польшу, на восток и находит пристанище в Киеве и его окрестностях, принадлежавших язычникам-русам.

Переселившиеся на новые места моравы, конечно же, должны были участвовать в делах и блюсти интересы приютившего их народа. Именно с такой позиции следует воспринимать сообщение арабского анонима, относящееся к IX в.: «Народ страны росов воинственный. Они воюют со всеми неверными, окружающими их, и выходят победителями. Среди них есть группа из морован».[65]

Эта цитата, учитывая её временную привязку, весьма показательна и полностью подтверждает наши предположения о значительной роли моравов в образовании российской государственности.

К середине X в. славянская христианская община Киева, имея своих сторонников также и в среде правящей верхушки, обретает настолько серьёзное влияние, что становится способной к борьбе за власть в Киеве.

Поражение русов в Балканской войне и смерть князя Святослава на Днепровских порогах, которая, по мнению некоторых историков (например, Л. Гумилёва), была спровоцирована славянами-христианами Киева, стали тем переломным моментом, когда власть в Киеве от русов практически перешла к славянам.

Отныне Киевская Русь развивается как славянское государство, имея государственным языком славянский (моравский), а государственной религией — воспринятое от моравов христианство в православной форме исповедания (не потому ли византийские источники молчат о крещении Руси, что они к этому не имели никакого отношения?)

О роли моравских славян в жизни Киевской Руси сообщают и европейские источники, например, хроника Х. Фризе. Факт моравско-

---

65 Цит. по: *Гумилёв Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. С. 180.

го влияния на Русь IX–X вв. подтверждается также данными археологических раскопок в Киеве, из которых следует, что часть местных захоронений древности относится к выходцам из Моравии. «Хроника всего света» Мартина Бельского и «Хронограф Западнорусской редакции» сообщают о Моравской империи, включавшей в X в. земли русского государства. «Святоплуг Моравский король держал в то время русские земли. Чешская хроника Пулкавы конца XIV в. включает в состав Моравии времён Святополка «Полонию и Руссию».[66] Русский список XVII в. «Пространного жития Кирилла Философа», списанный с сербского списка, хранившегося в монастыре на Афоне, содержит своеобразную титулатуру моравских князей: «Ростислав бо и Святополк князь моравский и Туровский и всей России».[67]

Как известно, имена русских князей имели два этнических базиса — норманнский и славянский, но если норманнские имена князей: Олег, Рюрик, Игорь продолжали существовать из поколения в поколение, то именно те, которые мы считаем восточнославянскими: Добрыни, Малы, Путяты, Никиты — совершенно отсутствуют, зато изобилуют Ростиславы, Святополки, Ярославы, Владимиры — из омнастикона славян западных.

О том, что прародиной славян были придунайские земли, восточнославянские летописцы знали: «По мнозях же временах (в древние времена) сели суть славяне по Дунаеви, где ныне есть Угорьска земля и Болгарьска», «В Моравы бо доходил и апостол Павел и учил ту. Ту бо есть Илурик (Иллирия), его же доходил апостол Павел, ту беша славяне первое (тут обитали первые славяне)». Знали они также и то, что «Тако же и те славяне, прешедшие (подчёркнуто мной. – *А. Г.*), седоша по Днепру и нарекошася поляне».

Возвращаясь к отправной точке наших рассуждений, мы убеждаемся, что приведенные выше высказывания двух историков полностью соответствуют друг другу. С одной стороны, «славяне не были аборигенами Восточной Европы»; с другой — те славяне, которые её заселили, по понятным теперь причинам «наибольшую осведомлённость обнаруживали для середины IX в. в делах Великоморавского

---

[66] *Кузьмин А. Г.* Падение Перуна. М., 1988. С. 129.

[67] *Лавров П. А.* Материалы к истории возникновения древнейшей славянской письменности. Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 277.

государства». Важным итогом такого соответствия будет и то, что определение «восточные славяне» не является определением общности, существовавшей параллельно со славянами западными, но общности, образовавшейся в результате миграции последних. Поэтому с этнической точки зрения Киевскую Русь следует называть не первым государством восточных славян, а первым государством славян в Восточной Европе, что весьма существенно для понимания истории российской государственности.

Еврейско-хазарская составляющая истории Древней Руси

1

Изучающий историю государства идёт от общего к частному. Имея перед собой государство как «post factum», он выясняет, какую роль в его становлении играли те или иные факторы. Их можно, разумеется, разделить на главные и второстепенные, но важно понимать, что если, несмотря на многие усилия, вопрос образования державы продолжает оставаться неразрешённым, значит, какой-то фактор в расчётах упущен или его значение принижено.

Я совершенно убеждён в том, что ни история Киевской Руси, ни её продолжения — Малороссии (Украины) — не может быть понята без учёта того фактора, который, продолжая принятую схему, назовём «еврейско-хазарской составляющей» истории Древней Руси. И если о хазарской её части, хотя бы вскользь упоминали учёные, то вторая, еврейская, часть совершенно не учитывалась. И не потому, что отношение к евреям не исключает известной доли предвзятости, но потому что не только в истории Древней Руси, но и в истории самой восточноевропейской еврейской диаспоры они называются хазарами. Но не в соответствии с законом этнического обобщения, поскольку евреи жили на территории Хазарского каганата, а в совершенном убеждении в том, что те, кого жители Восточной Европы считали

евреями, на самом деле были принявшими иудаизм хазарами. Это глубокое и серьёзное заблуждение, препятствующее пониманию истории Европы, вообще, и Киевской Руси, в частности, что, я надеюсь, вскоре выяснится.

2

Сначала предыстория. Известно, что еврейский народ делился на двенадцать племён или колен, называемых согласно библейской традиции «двенадцать колен израилевых» по именам двенадцати сыновей патриарха Иакова. Понятие «Израиль» используется и как топоним, и как этноним, то есть слова «евреи» и «Израиль» могут выступать как синонимы. В числе двенадцати колен евреи вышли из Египта, жили в пустыне, завоевали и заселили «землю обетованную». Цари Давид и Соломон были из большого и сильного колена Иуды, занимавшего южную часть еврейского государства. Это колено и соседнее ему колено Вениамина по причине близости к престолу имели некоторые преимущества, выражающиеся, например, в меньшем налоговом бремени по сравнению с другими племенами. Естественно, такой откровенный протекционизм не нравился оставшимся десяти коленам, и лишь легендарная мудрость Соломона, надо полагать, противостояла недовольству народа. Но после смерти царя в 977 г. до н. э. в стране разгорелся конфликт. Представители колена Эфраима, также большого и сильного, занимавшего северную часть страны, обратились к преемнику Соломона, его сыну Реховаму с просьбой: «Отец твой наложил на нас тяжкое иго; но ты облегчи жестокую работу отца твоего и тяжкое иго, которое он наложил на нас, и мы будем служить тебе».[68]

Но Реховам, не взявший ни от смелого и мужественного деда, ни от мудрого отца ничего, кроме права наследования престола, ответил: «Отец мой наложил на вас тяжкое иго, а я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду бить вас скорпионами».[69]

Такой надменный ответ послужил поводом для начала гражданской войны между поддержавшими Реховама коленами Иуды и Вениамина и остальными десятью коленами. Но войны не случилось,

[68] 2-я Пар. X, 4.
[69] 2-я Пар. X, 11.

благодаря пророку Шемаю, убедившему норовистого нового царя не идти с войском против возмутившихся. Но произошло ещё более страшное — единое еврейское государство распалось на два: южное, которое отныне стало называться Иудеей, и северное, именуемое по-разному: или Эфраима, или Десятиколенным, или Израилем, или по имени столицы — Самарийским. Раскол привёл к ослаблению каждого из царств: отсутствие единства и различная политическая ориентация в конце концов кончились трагически для обоих государств, но раньше — для Северного царства. В последней четверти VIII в. до н. э. царь северян Пеках заключил с арамейским царём Рецином союз, имевший своей целью борьбу против Ассирии. К своему союзу Пеках и Рецин попытались приобщить и Ахаза, ставшего царём Иудеи, но безрезультатно, так как последний боялся выступить против могущественной Ассирии. Тогда союзники объявили ему войну и разгромили некоторые города Иудеи. Ахаз же обратился за помощью к Ассирии с выражением преданности её царю Тиглатпаласару: «Я раб твой. Прийди и спаси меня от рук царя арамейского и иудейского, ополчившихся на меня». Царь Ассирии не заставил просить себя дважды, и в 735 г. до н. э. он сначала захватил Дамаск и умертвил непокорного Рецина, а затем двинул войска на «десятиколенное» царство и оторвал от него добрую половину территории. Оставшиеся области признали власть Ассирии, а жители столицы — Самарии убили недальновидного политика Пекаха. Казалось бы, горький опыт должен был бы научить чему-то следующих царей уже и без того разорённого царства, однако Гошеа, сменивший на троне Пекаха в 724 г. до н. э., заключил тайный договор с Египтом против той же Ассирии, о чём стало известно её правителю Салманасару, и вскоре последний покоряет Северное царство. Египет, как говорится, и ухом не повёл. Гошеа был схвачен и отправлен в темницу, но надо отдать должное жителям столицы — они сопротивлялись ещё три года. В 722 г. до н. э. Самария пала.

Видимо, ассирийским царям надоели интриги коллег Северного царства, и они прибегли к испытанному способу уничтожения побеждённой страны — принудительному переселению народов («политике Насаху»), справедливо полагая, что тем самым значительно уменьшают вероятность возникновения сопротивления. Так что большинство жителей Северного царства были изгнаны из родных земель: «В девятый год царствования Ошеи царь ашурский взял Шомрон, и изгнал

он израильтян в Ашур (Ассирию), и поселил их в Халахе, и в Хаворе, при реке Гозан, и в городах Мадайских»,[70] а опустевшие города и сёла заселили пленниками из Вавилона, Куты, Авы, Хамата, Сефарваима, ставших отныне жителями бывшего царства Израильского.

3

С этого момента и следует отсчитывать историю еврейской диаспоры, но дело в том, что подходить к ней с привычных позиций проблематично, так как по отношению к ассирийским пленникам вся эта история начинается и заканчивается уже известным сообщением о местах их расселения. Далее следы изгнанников теряются, положив тем самым начало величайшей загадке еврейской истории — загадке пропавших колен, которая имеет в виду исчезновение из сферы общения народов десяти еврейских племён (колен), изгнанных ассирийцами со своей родины в конце последней четверти VIII в. до н. э.

Но евреям двух оставшихся племён — Иуды и Вениамина — ещё полтора века после разрушения Самарии проживавших на своих землях, да и потом, после покорения вавилонянами Южного царства, не потерявших связей с родной землёй, конечно же, была не безразлична судьба пропавших соплеменников, и они с большим интересом относились к любой информации, касающейся их возможных мест обитания. Одно из таких сведений попало в Иерусалимский талмуд: «В три изгнания увели их: одно по ту сторону реки Самбатион, второе в Дафни, что в Антиохии, а третье скрыто тяжёлым облаком».[71] Теперь «загадка пропавших колен» получила своё продолжение в «загадке реки Самбатион», о поиске месторасположения которой и пойдёт речь далее.

В приведенном сообщении из Талмуда каждое из трёх перечисленных изгнаний на сегодня имеет своё официальное объяснение:

1. «Река Самбатион» — мифическая, так как не определено её даже приблизительное местонахождение. Упоминание реки Самбатион в средневековых еврейских хрониках: «Шесть дней в неделю она шумна и бурлива, вздымает вверх песок и камни, а по субботам отдыхает и утихает» считается метафорическим, объясняющим при-

[70] Мелахим II,17: 1–17: 8.

[71] Иерусалимский Талмуд. Сангедрин, 53б.

чину невозвращения изгнанников, которые в обычные дни не могли преодолеть бурного течения воды, а в субботу не хотели этого делать из-за святости дня.

2. «Дафни» — очевидно, что в Иерусалимском Талмуде использовано лишь как известный его составителям географический ориентир, потому что «Дафни» – предместье города Антиохия, основанного в 300 г. до н. э. Селевком I Никатором и названного им в честь отца, знатного македонянина Антиоха, а переселение «северян» произошло в VIII в. до н. э. С 64 г. Антиохия входила в состав римской провинции Сирия и служила резиденцией наместника

3. «Тяжёлое облако» — также метафора, подчёркивающая всю тяжесть ситуации, в которой очутились изгнанники, лишённые родины.

Но следует подчеркнуть, что определение «легендарная» или «мифическая» река Самбатион приобрела лишь после многочисленных и бесплодных попыток её поиска по всему миру, то есть к реке Самбатион долгое время относились как к географической реалии – к этому подталкивало уже само о ней упоминание. Сказано: «по ту сторону реки Самбатион», – и если бы речь шла о некой мифической реке, то для чего в таком случае понадобилось такое уточнение? Иными словами, были те, кто знал о реально существующей реке Самбатион, как о месте расселения еврейских пленников — отсюда и конкретность – «по ту сторону реки». Ясно и то, что Самбатион не находилась в границах подвластных Ассирии территорий, ибо о нёй знали бы, как знали о «Халахе, Хаборе, реке Годан, городах Мидии». Напрашивающийся вывод таков: Самбатион не была местом расселения еврейских изгнанников ассирийцами, поэтому есть все основания полагать, что часть изгнанников из Северного еврейского царства оказалась за пределами Ассирийской империи.

Закономерен вопрос: а что, вообще, известно о географическом имени собственном Самбатион кроме того, что оно упомянуто в Иерусалимском Талмуде? Оказывается, совсем немного, а если быть точными, то можно говорить лишь о единственном случае, когда византийский император Константин Багрянородный в своём сочинении «О русах, приезжающих из России на моноксилах в Константинополь» сообщает, что «Все они (лодки. – *А. Г.*) спускаются по реке Днепру и собираются в Киевской крепости, называемой Самбатас». Следовательно, городу Киеву предшествовала (или существовала параллельно с ним) крепость, имя которой точно соответствует

имени реки, ставшей, согласно легенде, местом проживания евреев, изгнанных ассирийцами из Северного царства. Российский историк Б. Рыбаков считает, что предшествовала. «Торговый, а, может быть, и таможенный пункт у Киевских высот существовал задолго (подчёркнуто мной.— *А. Г.*) до постройки Кием «града», получившего его имя... Император хорошо знал Киев и упоминал его неоднократно, но в данном случае назвал, очевидно, какую-то часть города, связанную с рекой, гаванью, затоном. Уже высказывалась мысль: не является ли название киевской крепости Самбат древним именем торгового пункта, подступавшего к самому Днепру? Этимология слова не ясна».[72]

Казалось бы, ничего общего между рекой Самбатион из Иерусалимского Талмуда и крепостью Самбатас из сочинения императора Константина нет, но похожесть географических имён заставляет присмотреться к ним более внимательно. Обратим внимание на то, что крепость Самбатас располагалась на реке Днепр, нижнее течение которой до недавнего времени перегораживали огромные скалы и валуны-пороги, создававшие серьёзное и опасное препятствие для всех по этой реке плывущих. Вот что пишет о днепровских порогах один из самых известных исследователей Приднепровья академик Д. И. Яворницкий: «Река Днепр, свободно и плавно несущая свои воды, встретив несокрушимые препятствия в виде лав, скал, гряд и мысов, с непостижимой силой ударяется в разные стороны, бешено бросается с одного камня на другой, высоко вздымает огромные валы пены и всем этим производит такой страшный шум и стон, который слышится уже на далёком расстоянии от порога».[73]

Не правда ли описание порогов Яворницким походит на рассказ средневековых еврейских хроник: «Шесть дней в неделю она шумна и бурлива, вздымает вверх песок и камни».

Так ли уж, в свете проведенной параллели, случайна похожесть названий Самбатион и Самбатас? По всей видимости — не случайна и, как результат всему сказанному, мы можем сделать вывод, что «задолго» до основания Киева, на том месте, где впоследствии суждено возникнуть этому городу, находилась крепость Самбат, в которой

---

[72] *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 100.

[73] *Яворницкий Д. И.* История запорожских казаков. Киев: Наукова думка, 1990. Т. 1. С. 54.

жили евреи — потомки ассирийских пленников. Однако такой вывод противоречит не только официальной российской историографии, но и мнению историков еврейской диаспоры, считающих, что в Восточной Европе евреи, как общность, появились не ранее XII в.

Тем не менее, имеются документы, показывающие, что на территории Древней Руси евреи проживали гораздо ранее, чем принято считать. В конце прошлого века в библиотеку Кембриджского университета поступили еврейские рукописи, хранившиеся в генизе (хранилище) синагоги египетского города Фустат-Миср. В 1962 г. среди множества манускриптов профессором Норманом Голбом был обнаружен тот, который впоследствии получил название «Киевское письмо». Этот документ представляет собой обращение киевской еврейской общины к общинам других стран и городов с просьбой о помощи некому Якову-бар-Хануке, попавшему в долговую тюрьму по не зависевшим от него обстоятельствам.

«Киевское письмо» практически единодушно относят к первой половине X в., следовательно, еврейская община города, имевшая к этому времени тесные связи с другими общинами мира существовала гораздо раньше. Итак, перед нами два факта:

1 Изгнание евреев из Северного царства в последней четверти VIII в. до н. э.
2. Проживание какой-то их части на берегу реки Самбатион (Днепра).

А что же между двумя этими фактами?

От момента разрушения ассирийцами Самарии с известной степенью точности можно отсчитывать и начало ещё одного исторического процесса: ослабления и падения ассирийского царства, завершившегося к концу VI в. до н. э. И это обстоятельство должно быть взято нами в расчёт как причина того, что на фоне внутренних и внешних неприятностей и неурядиц, сопровождавших распад державы, ассирийцам не было никакого дела до каких-то там евреев, расселённых на окраинах империи и не оказывающих никакого влияния ни на одну из сторон жизни государства.

И, тем не менее, самарийские изгнанники официально считались пленниками и в любой момент могли быть превращены в рабов. Это хорошо понимали евреи, имевшие закреплённый в поколениях исторический опыт пребывания в Египте, закончившегося рабством. Разумеется, ассирийские пленники не были так организованы, как еги-

петские. У них не было своего Моисея, и они выходили из Ассирии разрозненными группами разной величины без единства времени и цели, оседая по пути там, где местность представлялась им безопасной и удобной для проживания. Нетрудно определить и главное направление их движения. Возвращение на родину, ставшую ареной беспрерывных войн, было совершенно бессмысленным (мы помним, что ассирийцы заселили Самарию пленниками других покорённых народов), а дорогу на восток преграждали пустыни. Пленники шли на северо-запад, в междуречье Волги и Дона, и на земли, примыкающие к северным берегам Чёрного моря, где по доходившим до мигрантов слухам, обитавшие там племена вели сравнительно мирное существование, где хватало земли и воды, а природа и климат, особенно в морском прибрежье, почти не отличался от ближневосточного.

Свидетельства о проживании евреев в Крыму относятся к началу I в. до н. э., а если исходить из логики их продвижения, то на Кавказе они появились и того раньше. Уточним, что «среди евреев Кавказа ещё в XIX в. было живо предание, что они потомки исчезнувших колен, поселённых в Мидии ассирийскими царями» (в августе 1998 г. в Грузии отмечалось 2600-летие со времени появления там евреев).[74]

4

Нет ни малейшего сомнения в том, что российские историки страстно желали, чтобы этимология слова «Самбат» основывалась бы на славянских языках и в основу понимания этого слова были заложены гидронимы суводь — «водоворот» или соводь — «соединение вод». Не углубляясь в анализ славянской трактовки топонима «Самбат», отметим, что приведенная выше цитата Б. Рыбакова, под рукой у которого были специалисты-языковеды, завершается словами: «Этимология слова не ясна».

Заслуживает внимания и та гипотеза, сторонники которой считают, что моделью легенды об основании Киева стало древнее армянское предание о трёх братьях: Куаре, Мелтее и Хореане, построивших три города в стране Полуни.

Если в Куаре видеть Кия, в Хореане — Хорива, а в стране Полуни — земли полян, на которых, как известно, был основан Киев, то,

[74] Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим. Т. 4. С. 426.

несмотря на выпадение имени Мелтей из общей концепции, повод для размышлений, безусловно, есть, тем более что, продолжив градостроительство, братья возвели и город Керкей, вокруг которого было множество деревьев и травы и раздолье для охотников (ср. в «ПВЛ»: «был кругом города лес и бор велик и ловили там зверей»). Но, основываясь на армянском базисе упомянутого предания, исследователи пошли и того дальше, связав его с тем фактом, что у армян имеется имя Смбат, так что, если не сами братья, то кто-то из их окружения и стал основателем «Докиева».

Однако ж, наличие имени собственного Смбат у армян, оказывается, имеет к ним косвенное отношение. «В истории древней и феодальной Армении в IX–XI веках н. э. и всего Закавказья исключительную роль сыграл знатный род Багратуни (Багратидов). Его происхождение восходит еще к периоду Урарту. Уже тогда этот род играл весомую роль в жизни государства, к IX в. до н. э. объединившего племена и народы Армянского нагорья в рабовладельческую монархию восточного типа. В научной литературе (и за ее пределами) Багратидам обычно приписывается еврейское происхождение. В обоснование делается ссылка на сообщение армянского историка V в. Мовсеса Хоренаци, который в обращении к своему меценату-марзпану Сааку Багратуни дает разъяснения относительно происхождения рода. Соответствующая глава называется «Ряд наших царей и их перечисление от отца к сыну». В ней историк пишет, что армянский царь Грачья (Храчеа) выпросил у царя Вавилона Навуходоносора, уведшего в плен иудеев, одного из полоненных иудейских вождей по имени Шамбат и поселил его в нашей стране с большими почестями. «Летописец утверждает, что именно от него происходит род Багратуни, и это правда». Далее Хоренаци пишет, с каким трудом армянские цари склонили потомков Шамбата к идолопоклонничеству, и в конце добавляет: «Ибо некоторые не заслуживающие доверия люди произвольно, не считаясь с истиной, утверждают, что твой венцевозлагающий род Багратуни происходит от Хайка. По этому поводу скажу: не верь подобным глупостям, ибо в этих словах нет ни следа или признака правды, ни отдаленного намека на нее, они только и бубнят пустые речи и разные нелепицы про Хайка и про подобных ему. Но узнай, что твое имя Смбат, которым Багратуни часто нарекают своих сыновей, это по-настоящему, на их прежнем, то есть иудейском язы-

ке — Шамбат».[75] Таким образом, оттолкнувшись от упомянутой армянской легенды об имени Смбат, мы пришли к языку евреев.

Профессор Кембриджского университета Омельян Прицак, кстати, украинец по происхождению, считает: «Решение проблемы, видимо, очень просто. Киев начал свою историю в Каролингский период как пост торговли с Югом, то есть, в основном, с балканскими странами, где употреблялся в качестве lingua franka балкано-латинский. В наименовании Самбатас конечное «с» является обычным греческим именным суффиксом, Sambata точно соответствует реконструированному балкано-латинскому sambata (суббота)... В Центральной Европе по субботам устраивали ярмарки. Поэтому многие рыночные центры названы «Субботний (рынок)».[76]

Но вернёмся к Иерусалимскому Талмуду. Он был завершён к концу IV в. (4128 г. от сотворения мира по еврейскому, 368 г. — по общепринятому календарю. Следовательно, о Самбатионе как месте расселения изгнанников знали ещё в IV в., и если связь между рекой Самбатион и крепостью Самбат представляется убедительной, то выдвинутая О. Прицаком версия происхождения названия Самбат не ранее 2-й половины VIII в. (Каролингский период) благодаря торговым людям «балкано-латинских» стран не находит подтверждения.

Вместе с тем можно и нужно согласиться с О. Прицаком в том, что в основе названия «Самбат» лежит слово «суббота», но это — ивритское «шабат» (сабат), к которому представители балкано-латинских стран, включая греческого императора, имели лишь то отношение и заслугу, что донесли его в своей транскрипции к восточным берегам Средиземного моря. Таким образом, можно представить этимологически-историческую картину преобразования топонима «Самбатион»:

В IV в. в результате разделения Римской империи на две части: западную (Римскую) и восточную (Византийскую) провинция Палестина отошла к Византии, имевшей гораздо более тесные связи с Восточной Европой, чем Рим. Греческие купцы рассказывали о необычной (шумящей) реке и о селении, расположенном на её берегу, в котором живут евреи, называющие себя потомками ассирийских

---

[75] См.: *Матевосян Р.* К вопросу о происхождении Багратидов // Армянский вестник. 2001. № 1.

[76] *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. С. 82.

изгнанников. Название селения было передано в европейской языковой транскрипции — Sambat.

Евреи, для которых сообщение о Самбате по понятным причинам было важно и интересно, добавили к слову «самбат» именной ивритский суффикс — «он»: Самбат-он (например: хол**он** — окно, мал**он** — гостиница, — кени**он** — место для покупок и т. д.), и в таком виде Самбатион попал в Иерусалимский Талмуд.

Понимая, что греки вели отсчёт географических ориентиров со «своей стороны», мы представляем, что к Самбату они могли прибыть лишь после преодоления порогов — того места, где «она (река Самбатион) шумна и бурлива, вздымает вверх песок и камни» — вот откуда указание на то, что пленники живут «по ту сторону реки», то есть после порогов, справедливо считавшихся у плывущих по Днепру узловой точкой.

Напомним, что в древнерусском эпическом творчестве река Днепр называется весьма показательными именами: «Израй-река» и «Софет». В этимологии гидронима «Софет» без сомнения лежит ивритское «шабат» — «суббота».

5

Та, считающаяся природной, способность евреев к торговле была, по сути, свойством приобретённым, заложенным самими условиями существования евреев в диаспоре. Возможности купца-еврея были более предпочтительными, потому что практически в каждой стране мира он мог найти единоверцев, способных оказать ему помощь и поддержку, начиная от предоставления ночлега и до получения денежной ссуды. В свою очередь связи между еврейскими купеческими гильдиями разных стран в гораздо меньшей степени зависели от политических предпочтений их правителей, ограничивавших или вообще не допускавших евреев к общественно-политической жизни своих держав.

Сочетание этих и других факторов, благоприятствующих развитию торговли, привело к тому, что в начале Раннего Средневековья еврейские купцы становятся монополистами в торговле между Европой и Азией. Их называли раданитами.

О раданитах почти ничего неизвестно. Чуть ли не единственным можно считать упоминание раданитов арабским географом Ибн-Хордадбахом в «Книге путей и государств»:

«Путь купцов-евреев раданитов, которые говорят по-персидски, по-румски, по-арабски, по-франкски, по-андалузски, по-славянски: они путешествуют с запада на восток и с востока на запад морем и сушей. Они возят евнухов, служанок, мальчиков, шелк, меха и мечи. Садятся на корабли во Франции на Западном море, направляются к Фарме... На обратном пути они берут мускус, алоэ, камфару, корицу и другие произведения восточных стран...».[77]

Л. Гумилёв и того лаконичней: «Рахдонитами называли еврейских купцов, захвативших в свои руки монополию караванной торговли между Китаем и Европой». Он же дал и своё объяснение этимологии этого слова, производя его от двух персидских: rah — «дорога» и don — «знать», то есть — знающие дороги, утверждая тем самым, что основу раданитов составляли выходцы из Иранской еврейской общины.[78] Но обратим внимание, что у Л. Гумилёва это слово имеет форму «рахдониты» — отличную от принятой, что объясняется стремлением историка произвести его от иранских корней, хотя хорошо известно, что еврейских купцов, монопольно торговавших между Европой и Азией называли «радания» — без серединного «х». Сомнение в иранском происхождении слова заключается и в его функциональном наполнении: «знающие дороги» — определение довольно расплывчатое и относится скорее к путешественникам и к проводникам, чем к самим купцам, чья главная функция заключалась именно в продаже товаров, а не в знании дорог.

Интерес, проявляемый историками к раданитам, ограничивался упомянутой скудостью сведений о них, из чего был сделан вывод и об ограниченности влияния раданитов на жизнь современных им государств. Однако, при более внимательном взгляде, оказывается, что их деятельность гораздо более весома, чем представляется, а роль раданитов в истории Восточной Европы в некоторых случаях можно считать определяющей.

Чтобы подтвердить высказанное мнение, подойдём к факту существования раданитов с функциональной, так сказать, позиции, то есть позиции их реальной деятельности и задумаемся над тем, а не слишком ли легковесно мы воспринимаем определение «монополия»,

---

[77] *Булгаков П. Г.* Книга путей и государств Ибн-Хордадбеха // Палестинский сборник. Л., 1958. Вып. 3/66. С. 127–136.

[78] *Гумилёв Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. С. 127.

притом что с монополизмом раданитов в торговле между Европой и Китаем согласны все учёные, имевшие отношение к этому вопросу. Но что такое монополия вообще? Прежде всего, хозяйственная или торговая организация (объединение) полностью контролирующая в той отрасли, где она действует, цены на товары и услуги. Итак, если раданиты было монополистами, то представим себе:

1. Какой она (монополия) была по масштабам, если держала в своих руках «львиную долю» торговых операций между Европой и Азией.

2. Какую массу вопросов и проблем приходилось решать: разведку новых торговых путей и рынков, создание базовых посёлков, обустройство остановок (станций), включая строительство помещений для отдыха людей и животных, содержание дорог, волоков, источников воды.

3. Какой чёткой и разветвлённой должна была быть система управления, чтобы обеспечить такой размах деятельности.

Так что, возвращаясь к этимологии слова «раданиты», его можно и следует объяснить, исходя из самой сути существования монополии. В Раннем Средневековье, да и многим позднее, в понятие «монополия» вкладывался смысл, значительно отличавшийся от современного, но основной его стержень и тогда, и сейчас был один — господство немногих, диктат в границах их деятельности. На иврите «родан» — «неограниченный властитель, диктатор», и такое объяснение происхождения слова «раданиты» представляется гораздо более убедительным, чем основанное на иранских наречиях.

6

Но неужели деятельность такой огромной организации осталась незамеченной? Это не так. Значительный интерес представляет сообщение аль Масуди (X в.), основанное на более ранних источниках:

«Русы — многочисленные народы, подразделяющиеся на различные племена; среди них — одно племя, называемое Лудаана; они наиболее многочисленны и ходят по торговым делам в Анатолию, Византию, Константинополь и к хазарам».[79]

[79] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Т. 2. С. 99–106.

Разумеется, это сообщение многократно прокомментировано российскими историками, но наиболее характерен комментарий Б. Рыбакова: «Масуди был хорошо осведомлён о западной половине славянства. Он впервые ознакомил мир с балтийскими славянами. При описании Черноморья он тоже больше говорит о западной его половине. Упоминаемые им «лудаана» плавают не только в Хазарию, но и к анатолийскому берегу, к Константинополю.

Особенно важно указание на племя Лудаана, в котором следует видеть летописных уличей — улучан, простершихся «оли до моря». Юго-западная граница уличей доходила до Дуная».[80]

Даже не читая приведенных выводов, можно предвидеть, что здесь и под русами, вообще, и под племенем «лудаана» нам предлагают понимать только славян, хотя совершенно непонятно почему Рыбаков решил, что Масуди имел в виду «западную половину славянства», а под «лудаана» следует понимать улучан, о которых и слышать не слыхивали в Анатолии и Византии?

Однако, оказывается, что в «Каспийском своде», из которого взята приведенная цитата, она выглядит несколько иначе. Во-первых, то, что Б. Рыбаков предлагает читать как «племя», на самом деле переводится, как «разряд», то есть это слово имеет не этническое, а так сказать, организационное содержание; во-вторых, «страна Андалус» первоисточника заменена на «Анатолию»,[81] и, наконец, составитель «Свода» известный востоковед Б. Н. Заходер, считает, что «лудаана есть не что иное, как испорченное обозначение евреев «ар-радания» (раданиты. — *А. Г.*).[82]

Следовательно, рассматриваемый отрывок из Масуди должен выглядеть и выглядит у Б. Заходера так: «Русы — многочисленный народ, подразделяющийся на различные разряды; среди них — один разряд, называемый раданиты; они наиболее многочисленны и ходят по торговым делам в Андалус, Византию, Константинополь и к хазарам».

Действительно, такое положение, что еврейские купцы являются одним из «подразделений» росов, выглядит, по меньшей мере, удивительным.

---

[80] *Рыбаков Б. А.*Указ. соч. С. 346.

[81] Классический пример исторической «корректировки»: нет ни единого упоминания о славянских купцах, торговавших в Испании во времена Масуди (1-я пол. IX в.).

[82] *Заходер Б. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 90.

7

Но обратимся и к другой стороне деятельности еврейской торговой монополии, без которой её существование было бы невозможным — к военному обеспечению торговых сделок и операций. Монополия как организация нуждалась в охране торговых караванов во время их движения, постоянных баз и пунктов отдыха, наиболее опасных с точки зрения нападения участков пути, волоков, в разведке новых караванных троп и дорог т. д. И это лишь то, что касается «сухопутной» торговли. А где морская? Морские торговые караваны должны были охраняться так же, как и сухопутные — ведь морское пиратство в те времена было таким же естественным способом существования, как и разбой на суше. И коль скоро мы говорим о значительной по своим масштабам еврейской торговой организации, то мы должны говорить и о такой же значительной или даже превосходящей её организации военной, обеспечивавшей торговую деятельность еврейских купцов. Раданиты были богатыми и (что не менее, а может быть, и более важно) постоянными заказчиками военных услуг, и такие услуги оказывали им росы. Трудно представить себе лучших партнёров. Многие из народов, среди которых жили евреи, были хорошими воинами — но росы были к тому же и прекрасными мореходами, и в их лице раданиты приобрели, так сказать, полный пакет военной поддержки, за которую росы получали договорную плату, а затем, возможно, и твёрдый процент от прибылей, превративший их из наёмников в компаньонов, то есть речь должна идти об экономических отношениях между евреями и росами, которые можно определить как торгово-военный союз. Именно союз росов и евреев имел в виду Масуди, применяя к ним термин «разряды», то есть структурные подразделения.

8

Мы выяснили, что торговый «разряд» союза состоял из евреев, которых называли раданитами. Но в таком случае должен был иметь своё название и «разряд» военный, ни в чём не уступавший по своему значению торговому. Масуди приводит название и военно-разведывательного подразделения организации «Русь»: «Город румов, известный как Масна, который препятствует тем кораблям

кузакана (подчёркнуто мной. – *А. Г.*) и других русских разрядов, которые прибывают в это море. Византийцы называют их «русия».[83]

Военный «разряд» союза «Русь» носил название «кузакана», в котором Б. Рыбаков почему-то видит «киевлян», не приводя никаких обоснований такому утверждению. А вот этимология, к услугам которой мы неоднократно прибегаем, поможет нам понять, кто стоит за этим загадочным словом. На иврите «хазак» – сильный, а не таким ли обобщающим именем могли называться те, на чьих плечах лежала более опасная, требующая определённых черт характера и соответствующих физических данных часть деятельности торгово-военного союза, то есть, в основе «кузак-ана» лежит ивритское «хазак», начальное «х» которого вполне могло читаться и произносится как «к».

Так что гораздо более убедительным из прочих толкований слова «кузакана» будет то, что мы имеем дело с арабским переложением хорошо нам известного термина «казак».

Правомочен вопрос: если в указанный союз входили и росы, и евреи, то почему в исторических источниках фигурируют росы, а не евреи, хотя торговые операции вели последние? Дело в том, что авторы этих источников, упоминая организацию, имели в виду не её самоназвание, но то, как её называли «извне». А слово «еврей» само по себе не говорило ничего, поскольку евреи жили во многих странах того времени, и приходилось уточнять о каких именно евреях – французских, испанских и т. д. идёт речь? Поэтому этноним «росы» имел параллельное наполнение: торговый союз евреев с росами. Тому же, что под этнонимом «росы» подразумевалась и организация, есть ещё одно доказательство – оно в сообщении Идриси: «Шумен – многолюдный город, в котором есть русская управа (контора). Это цветущий город, в нём многолюдные базары и изобилие природных богатств. Он расположен на горе».[84] Если здесь «русская» – этноним, то тогда слово «управа» (контора) требует уточнения. Какова её функция, потому что сочетание «шведская контора» или «немецкая контора» ничего не говорит о том, чем она (эта контора) занимается, но в данном случае «русская» – не этноним, а указатель принадлежности к торговой организации, и Масуди не сомневался, что будет понят правильно.

---

[83] Там же. С. 346.
[84] Там же. С. 180.

9

В свете полученной информации стоит рассмотреть дошедший к нам из глубины веков рассказ о том, что в начале IX в. к берегам Южной Франции подошла эскадра кораблей, которую местные жители приняли за еврейскую, но оказалось, что их команды состояли из норманнов. Не встретив сопротивления, они высадились на берег и разграбили прибрежные города. А вот комментарий к этому событию Л. Гумилёва: «Прибрежные жители... стали жертвой норманнских пиратов. Невозможно предположить, что ошибка была делом случая, прибрежные жители умеют разбираться в оснастке кораблей. Очевидно, евреи просто ссудили свои корабли норманнам, разумеется, за долю в добыче».[85] Из повествования и комментария к нему следует, что:

1. Евреи в Средние века располагали флотом, корабли которого имели лишь им присущую оснастку (согласимся, что это факт малоизвестный).
2. Принадлежащие евреям корабли были хорошо знакомы в портах Европы (и надо понимать, не только Европы).
3. Корабли евреев имели хорошую репутацию — доверием к ним и воспользовались норманнские пираты.

Л. Гумилёва можно понять: ему приходится привлекать детективную фабулу, чтобы объяснить то, что невозможно объяснить исходя из привычных представлений, но, вряд ли, он и сам верит в то, что купцы, независимо от их этнической принадлежности, могли годами завоёванное доверие променять на одноразовую и сомнительную «долю в добыче». Как бы там ни было, и само событие, и комментарий к нему Л. Гумилёва лишь подтверждают наши заключения о союзе между росами и евреями, приведшему к созданию крупнейшей торгово-военной организации Раннего Средневековья. Росов — тех же (как мы помним) потомков асов, что шведы, даны или норвежцы, в данном случае приняли за норманнов, под которых им не было никакой необходимости маскироваться, как и в 844 г., когда они напали на Севилью, о чём доподлинно известно из исторических хроник.

Из факта существования флота, принадлежащего евреям и росам, с железной необходимостью вытекает и факт существования портов,

[85] *Гумилёв Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. С. 170.

говоря современным языком, приписки этого флота. Конечно же — это «Остров Русов» — северная часть Таманского полуострова, где соседями русов были евреи, о которых рассказал Ибн ал Факих: «...затем они (купцы. — Прим. авт.) идут по морю к Самкушу-еврею, после чего обращаются к Славонии».[86] Не приняв ничью сторону в давнем споре о том, что следует понимать под «Самкушем-евреем» — Тмутаракань или Керчь, отметим то важное для нас обстоятельство, что, в любом случае, «Самкуш-еврей» находился на берегу Керченского пролива. Тех же, кто всё-таки настаивает на существовании действительно хазарской торговли, отошлём к высказыванию всё того же Масуди о том, что «ни Саманиды, ни хазары не имели флота».

10

Вывод, что еврейская международная торговля в Раннем Средневековье может стать тем зеркалом, в котором отражается сам факт существования Руси и следы её деятельности, не случаен и является результатом объективного анализа соответствующих исторических источников.

Этой теме, по сути, посвящена работа «Еврейская диаспора и Русь» израильского автора Ирмы Хайнеман, которая в своих рассуждениях исходит из двух основных посылок:

1. Проживание «большого количества евреев в районе Кавказа и северного берега Чёрного моря, переселённых туда царём Навуходоносором после разрушения первого Иерусалимского Храма в 586 г. до н. э.».[87]
2. «Евреи, отказавшиеся от иудаизма в пользу язычества в соответствии с термином, принятым в Торе и «Книге Маккавеев» назывались «раша» или «рашия».[88]

Известно, что ивритское «шин» во многих языках произносится как «с»[89] — отсюда появляются слова «рос», «русь», «расия»,[90] «росия», и на стыке этих двух посылок И. Хайнеман выдвинула гипотезу, со-

[86] *Заходер Б. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 84, 85.
[87] *Хайнеман И.* Еврейская диаспора и Русь. Иерусалим, 1983. С. 11.
[88] Там же. С. 11.
[89] В славянских, как правило, например: Шимон — Симон, Иешуа — Иесус.
[90] До недавнего времени «Рассея» существовало как параллельное «России».

гласно которой, «рашия», или евреи, отвергнувшие иудаизм в пользу язычества, составили ядро сформировавшейся в Северном Причерноморье и распространившей свою деятельность на Восточно-Европейскую равнину военно-торговой организации Русь, сыгравшей решающую роль в создании Киевского государства и давшей ему своё имя.[91]

Профессор Кембриджского университета О. Прицак также предполагает существование торгового союза «Русь», но считает, что он объединял купцов Центральной и Восточной Европы, и противопоставляет его объединению восточных, главным образом, еврейских купцов-раданитов: «...Только две международные компании были причастны к евроазиатской торговле рабами: еврейская Radhaniya и нееврейская Rus. Предметный анализ источников показывает, что обе торговые организации не действовали одновременно: первая действовала ранее. Фактически корпорация Русь сменила корпорацию Радгания в Восточной Европе. ...Теперь перед нами неожиданное явление. Русы, которые только что вынырнули из безвестности, уже являются полноправными международными купцами? Кто они такие, эти русы? Они, наверняка, не были примитивной племенной группой без знания географии, иностранных языков и экономики. У них должно было быть понятие купеческого права, они должны были иметь доверие и кредит в мире торговли.

История показывает нам, что международная торговля крепко связана с империями, которые только и могли защитить купца и обеспечить ему доверие. В VIII–IX вв. существовали лишь две таких: Римская (западная или восточная) и Арабская (сасанидско-персидская). Как показали мои исследования обе компании — Радгания и Рус имели свою базу в римской южной Галлии, во-первых, в приморских районах Арль–Марсель, и во-вторых, в районе Родезу (бассейне реки Гаронны) — старого Ruthenicis. Это кельтско-латинское название Rut-eni или Rut-i сменилось, согласно филологическим законам, в среднефранцузском языке на Rus-i; в средненемецком языке опять-таки Ruti дало закономерное Ruzzi».[92]

К заключению, что «обе компании — Радгания и Рус имели свою базу в римской южной Галлии (Франции)» О. Прицак пришёл, основываясь на уже известных нам сообщениях арабского географа Ибн-

[91] Там же. С. 15.

[92] См.: *Прицак О.* Откуда есть пошла русская земля. Лекция, прочитанная в Гарвардском университете 24.10.1975.

Хордадбеха в «Книге путей и государств», написанной в середине IX в.: «Путь купцов-евреев раданитов, которые говорят по-персидски, по-румски, по-арабски, по-франкски, по-андалузски, по-славянски: они путешествуют с запада на восток и с востока на запад морем и сушей. Они возят евнухов, служанок, мальчиков, шелк, меха и мечи. Садятся на корабли во Франции (подчёркнуто мной. — *А. Г.*) на Западном море, направляются к Фарме... На обратном пути они берут мускус, алоэ, камфару, корицу и другие произведения восточных стран...».[93]

«Путь купцов Русь «джинс сакалиба» ...Купцы тогда выходят из Испании и страны Франков (подчёркнуто мной. — *А. Г.*), направляются в Танжер и Марокко, оттуда следуют через Африку до столицы Египта».[94]

Обратим внимание, что один из самых известных востоковедов говорит о русах, как о «только что вынырнувших из безвестности», при этом именно восточные источники неоднократно упоминают русов, обитавших в Раннем Средневековье в районе Северного Причерноморья, на что указывают и существовавшие там в указанное время топонимы и гидронимы: северная часть Чёрного моря именовалась Русским морем, нижнее течение Дона — Рекой Русов, в устье же Кубани располагался город Росия.

Очевидно, профессор Прицак намерен северопричерноморских русов, а также тех, о которых рассказывает византийский император Константин Багрянородный в своём труде «О русах, совершающих походы на моноксилах», противопоставить «южногаллийским», но «вынурнывшими из безвестности», скорее, представляются последние. Весьма вероятно, что имевшие свою страну и, несомненно, участвовавшие в европейской торговле русы могли иметь свою торговую базу в «римской Южной Галлии», но с тем, что происхождение названия «русь» связано с «районами Арль–Марсель» и «бассейном реки Гаронны», согласиться невозможно.

Вывод же И. Хайнеман о происхождении названия «русь» не убедителен и даже не с исторической точки зрения, а с точки зрения общественной психологии. Согласившись с тем, что слово «раша» стало названием военно-торговой организации евреев, мы должны согласиться также и с тем, что это слово являлось самоназванием живших

---

93 *Булгаков П. Г.* Указ. соч.

94 Там же.

в Северном Причерноморье евреев, так как указанный термин является сугубо еврейским, встречающимся лишь в Торе и «Книге Маккавеев». Поэтому более чем сомнительно, что факт «отказа от иудаизма в пользу язычества» стал их главным национальным символом, тем более что «раша» имеет в иврите и параллельное, более распространённое значение — «злодей, злой злобный». Вряд ли для купцов иных стран, куда также входило большое число евреев (например, Испании, Персии, Греции), могло оставаться в тайне, что их парнёры именуют сами себя «злодеями», а для такого вида деятельности, как торговля, это не могло не иметь отрицательного значения.

11

Название днепровского водного пути «из варяг в греки» стало «притчей во всеязыцех» и предметом особой гордости славянских летописцев.

Мы уже говорили о том, что древние имена днепровских порогов сохранил для нас живший в середине X в. византийский император Константин Багрянородный, чьи записки зачастую являются единственным свидетельством важных фактов из истории Древней Руси. В своём сочинении, рассказывающем о сборе и транспортировке дани у русов, высокородный писатель упоминает и днепровские пороги, причём приводит их названия в двух вариантах: росском (Ессупи, Геландри, Леанти, Струвун, Улфорс, Эйфорс, Варуфорс) и славянском (Неясыть, Вергун, Островунипраг, Вулнипраг, Напрази).

Помним мы также и то, что «все семь имён (росских имён порогов. — *А. Г.*) получили безупречные осетинские этимологии, хорошо соответствующие тексту источника».

Само слово «порог» считают производным от греческого «форос» — водопад, но причём здесь греки, если речь идёт только о росских и славянских названиях? Да и император греков не упустил бы возможности подчеркнуть аргумент, связывающий соотечественников с описываемым им важным водным путём. Поэтому, как продолжение рассуждений, хотелось бы высказать следующие соображения по поводу происхождения слова «порог».

Радaниты и росы, добравшись до Днепровских порогов, сразу, конечно же, не стали давать имя каждому отдельному порогу, но определили, что вполне понятно и естественно, это природное явление в целом.

На что же должны были обратить внимание первопроходцы с точки зрения практической, с точки зрения возможного судоходства — на бурное, чрезвычайно быстрое течение воды в месте расположения порогов.

Есть в иврите глагол «лифроц». Его отглагольное существительное «парац» (перец), имеет несколько значений, в том числе и «сильный, лавинообразный поток». Конечное «ц» воспринимается на слух и произносится как «з», а для русского языка характерны чередования «з» и «г»: друзья–друг, князь–княгиня. В украинском языке такое чередование — правило: берег — на березі, дорога — на дорозі, то есть, «параг» — это тот же «параз», получившийся в результате фонетических изменений: парац–параз–параг, а именно так выглядит слово в «славянском» варианте. Греческая же фонетическая транскрипция «форос» от ивритского «парац» также вполне убедительна: «п» меняется на «ф», «ц» — на «с» (парац–фарас–форос). Первоначальный смысл ивритского (росского) «парац» — «бурное течение», а затем, как это часто бывает при новом словообразовании, одним и тем же словом стали называть и следствие явления, и его причину: бурное течение воды — следствие, скалы, перегораживающие реку — причина. Каждая такая скала стала называться «парац» — «параг» с добавлением слова-определителя, отражающего какие-то её особенности. Доказательством правильности сделанных выводов может служить и то, что у славян слово «порог» имеет ещё один смысл — место, граница раздела, то есть первозначение этого слова — то место, та грань, где заканчивалось спокойное течение реки и начиналось быстрое.

Но если мы говорим о деятельности торговой монополии раданитов на Днепровском водном пути, то здесь могли остаться следы их деятельности, потому что Днепровские пороги преодолевались и плывущими вниз по течению реки, и против него. Остановка перед первым по течению реки порогом была обязательной для одних, чтобы подготовиться к преодолению препятствий, для других — подвести, так сказать, итоги их преодоления, и невозможно представить, что здесь ещё до появления раданитов не жили бы те, кто умели провести суда между скал. Естественно, что к месту обязательной остановки судов постепенно стекались кормившиеся «от порогов» мастера по корабельному делу: плотники, конопатчики, кузнецы и прочие, образовавшие населённый пункт.

Излишне говорить, что такой посёлок должен был существовать постоянно и вне зависимости от того, под чьей властью находились

его обитатели, потому что постоянной была необходимость в их специальных знаниях и умении, хотя, конечно же, множество различных обстоятельств влияло во времени на интенсивность движения судов по днепровскому водному пути.

Итак, дело за малым — взять карту и определить, что несложно, где находился первый по течению реки днепровский порог (на местности это сделать невозможно, так как пороги были затоплены в середине 30-х гг. XX в. после постройки Запорожской плотины). На старых картах Екатеринославской губернии как раз напротив первого порога указаны два селения, поглощённые ныне крупнейшим индустриальным центром Украины Днепропетровском (бывшим Екатеринославом). Одно из селений называлось «Мандриковка», второе — «Лоцманка».

Днепропетровские краеведы объясняют, что название «Мандриковка» происходит от имени проживавшего здесь некогда запорожского казака по прозвищу «Мандрика». Название «Лоцманка», вообще, не вызывает сомнений, так как указывает на профессию его обитателей. Однако, всё не так просто, и для того, чтобы подобрать ключ к расшифровке названий этих селений, следует исходить, наверное, из отмеченного факта их особенного, в начале порогов, месторасположения.

Судоходное движение по Днепру с течением времени становилось всё более оживлённым, а проводка судов через пороги требовала специальной подготовки, опыта, знания и учёта множества условий, как-то: точного расположения всех имеющихся препятствий, водоворотов, скорости течения воды в различных местах и зависимость её от времени года или погодных условий. Из числа жителей посёлка выделились те, кто стал заниматься проводкой судов через пороги профессионально.

Так вот, «проводник» на иврите — «мадрих (мадрик)», множественное число — «мадриким». Существуя в славянской языковой среде, это слово претерпело соответствующие изменения: во-первых, приобрело серединное «н», что является следствием его «удобопроизносимости» (слогового деления) для славянской фонетики и, во-вторых, в качестве топонима оно обрёло характерную украинскую форму — Мандриковка.[95]

---

[95] Существует версия, связывающая топоним «Мандриковка» с ивритским словом «мадрега» — ступень (пороги сравниваются со ступенями), но и в этом случае имеется в виду ивритский корень.

Но станция возле первого порога стала узловой не только для купцов, переправлявших свои товары по воде, но и для тех, кто избирал «комбинированный» способ передвижения: по Днепру до порогов, а затем, переложив грузы на вьючных животных, — на юго-восток к Дону или прямо на Волгу. Поэтому в Мандрике жили не только те, кто проводил суда через пороги, но и те, кто вёл караваны в дальние края. Для местного населения определение «мадрик» (мандрик) становится нарицательным, обозначающим путешествующих людей вообще. Вот почему это слово уникально в том смысле, что ему нет аналогов в славянских языках, ибо оно имеет особую причину своего образования и основывается на ивритском корне, что вполне объяснимо, так как именно территория Украины была местом наиболее тесных контактов евреев и славян. В пользу высказанного предположения о происхождении топонима, говорит и тот факт, что несколько ему подобных расположены на юго-востоке Украины — там также проживали в древние времена те, кто указывал дорогу торговым караванам.

Можно привести ещё одно существенное доказательство в пользу сделанного вывода, для чего придётся подняться на северо-запад от днепровских порогов, а именно к реке Свирь, соединяющей великие озёра — Онежское и Ладожское. В своём течении Свирь также порожиста, и свидетельство существования такого препятствия находим в названии расположенного на Свири районного центра Подпорожье. Но, оказывается, здесь же находится ещё одно прибрежное селение, название которого весьма и весьма показательно — Мандреги, и такую схожесть имён свирской Мандреги и днепровской Мандрики (Мандриковки), расположенных именно у порогов и в пределах знаменитого купеческого пути «из варяг в греки», даже самый предвзятый критик наших рассуждений не сочтёт случайным.

Так что по поводу основания посёлка на Днепре казаку Мандрике придётся отказать в первородстве, тем более, что нам известно правило топонимической равновероятности: происхождение топонима от имени собственного равновероятно происхождению имени собственного от топонима, а это означает, что славный запорожский казак, избравший местом жительства правый берег Днепра чуть выше первого порога, мог, как раз, получить своё прозвище от той местности, в которой проживал.

Когда в связи с мусульманскими завоеваниями в Центральной Азии и на юго-востоке Европы количество купеческих караванов,

проходящих через Киев, сократилось, «мандрики» занялись только проводкой судов между порогов, и первоначальный смысл слова был забыт. Тех, кто продолжал выполнять эти функции, стали называть понятным международным словом «лоцманы» — отсюда происходит название соседнего посёлка — Лоцманка.

Совершенно очевидно, что узловая станция на пути «из варяг в греки» должна была охраняться от разного рода набегов и налётов ещё и потому что тот, кто контролировал пороги, контролировал и движение по Днепру. Однако значение Предпорожья заключалось не только в наличии самих порогов, но и в географических особенностях этой территории. Имеются в виду притоки Днепра: Орель, Самара, Сура; и если Орель впадает в него несколько выше начала порогов, то два последних — в непосредственной близости. Разумеется, такая ситуация создавала дополнительные трудности в организации охраны. Так, например, Самара через систему волоков связывала Предпорожье с Чёрным морем, и казаки, что достоверно известно, использовали при определённых обстоятельствах этот путь как альтернативный днепровскому. Свидетельством сказанному может служить возведение здесь поляками даже в XVII в. крепости Кодак, предназначенной контролировать подходы к порогам.

Вполне понятно, что дошедшие до Киева и основавшие там крупный торговый центр — крепость Самбат росы не могли по вышеизложенным причинам обойти вниманием пороги, не обеспечив их, насколько это было возможно, охраной. Но что даёт нам повод рассуждать подобным образом? То, что географические имена собственные в днепровском Припорожье совпадают с таковыми в Приволжье, где проходила восточная граница Хазарского каганата. Сравним: Самара — левый приток Днепра и Самара — левый приток Волги (впадает в неё в районе города Самара). Сура — правый приток Днепра и Сура — правый приток Волги (впадает в неё в районе Чебоксар).

Вряд ли можно назвать такое совпадение случайным, скорее, необходимо искать причину такого совпадения. Вероятно, она в том, что на иврите — языке в Хазарском каганате, несомненно, распространённом, корень «шамар» (самар) — образует слова со значением «охрана», а корень «шур» (сур) — «всматриваться», что могло найти отражение в топонимах и гидронимах охраняемых территорий, и такое утверждение не голословно: «Река Сура разделяет владения

царей московского и казанского»,[96] то есть и в древности являлась естественной границей Хазарии.

Нет никакого сомнения в том, что именно с еврейскими купцами связано название уже хорошо известной нам крепости Самбат, омываемой водами Израй-реки.

Раданитам обязаны своим названием города, в чьё имя входит слово «ям», например, Гаврилов-Ям в Ярославской области России, или Ям Польский на Украине. Дело в том, что в древние времена, поскольку торговые караваны двигались лишь в светлое время суток, преодолеваемые ими расстояния измерялись в днях пути. С наступлением ночи делалась остановка для отдыха. Такая остановка, завершающая день пути, называлась «йом» (в русской транскрипции «ям»), потому что на языке раданитов это слово обозначает «день». Места остановок постепенно обустраивались: строились помещения для отдыха людей и животных, для хранения товаров, здесь же производился ремонт дорожной амуниции, подковывали лошадей. Тех, кто встречал, обслуживал, провожал и сопровождал караваны до следующей станции, называли ямщиками (ям-щик), но со временем это название сохранилось лишь за кучерами. Некоторые из станций, расположенных в местах пересечения караванных путей, разрастались, превращаясь в крупные населённые пункты, где, как правило, проводились ярмарки.

Есть косвенные свидетельства пребывания раданитов на севере Восточной Европы и кроме упомянутого селения Мандреги на Свири. Русское народное творчество сохранило память о богатом новгородском купце Садко, в имени которого лингвисты не без основания видят еврейское имя Цадок.

12

Если мысленно соединить прямой линией места расселения ассирийцами пленников Северного еврейского царства и среднее течение реки Самбатион (Днепра), то окажется, что пересекаемые этой прямой земли принадлежали Хазарскому каганату.

Интерес к истории хазар не является величиной постоянной по той причине, что этот этнос не имеет продолжения: нет той нации, ко-

[96] *Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии. М., 1988. Гл. «О военном деле в Руссии».

торая вела бы своё начало от хазар — вот почему к хазарам обращаются лишь постольку, поскольку их история пересекается с историей ныне здравствующих народов. Кроме того, хазарская тема является ещё и, если можно так выразиться, «неблагодарной», потому что нет надёжных исторических источников, рассказывающих о жизни и деяниях хазар, а те, что есть — спорны и противоречивы. Мнения о роли хазар в мировой истории настолько различны, что уже одно это «отпугивает» исследователей, вынужденных обращаться к фактам, каковые в большинстве случаев сами требуют доказательств. Поэтому из нескольких версий о происхождении хазар и образования ими государства выделим две полярных:

1. Хазары представляли собой конкретный, реально существовавший народ.
2. Под словом «хазары» нужно понимать сумму наций, лишь объединённых общим, не являющимся этнонимом именем.

Понятно, что сторонники каждой из приведенных версий приводят в их защиту аргументы и доводы, каковые мы и рассмотрим.

13

Те, кто отстаивают факт существования хазар как отдельного этноса, имеют на то все основания: в различных письменных источниках древности имеется достаточно большое количество упоминаний не оставляющих сомнений в том, что на исторической сцене Раннего Средневековья жил и действовал такой народ.

«Хазары стали известны византийским и персидским авторам в IV в., а армянским — в III в.», — пишет Л. Гумилёв, имея в виду «Историю Армении» Моисея Хоренского, в которой сообщается, что между 193 и 213 гг. «толпы хазар и баслов (барсилов), соединившись, прошли через ворота Джора (Дербентский проход)... перешли Куру и рассыпались на сю сторону её»,[97] хотя следует отметить мнение известного российского историка, автора наиболее полного исследования по истории хазар М. И. Артамонова, который считал, «что упоминание хазар в столь раннее время — анахронизм».[98]

[97] Цит по: *Артамонов М. И.* История хазар. С. 115.
[98] Там же. С. 131.

Важные сведения о хазарах оставил в своих записках Ибн Фадлан, служивший при дворе халифа Муктадира, который в 921 г. направил его с дипломатической миссией к волжским булгарам. Путь Ибн Фадлана пролегал через Персию, Бухару и Хазарию, о которой он, в частности, сообщал: «Хазарский царь имеет большой город на реке Атил: он состоит из двух частей, на одной половине жили мусульмане, а на другой царь со своей свитой... Хазары и их царь исповедуют иудаизм. Живёт каган во дворце из обожжённого кирпича».[99]

Известно также, что «в 625 г. Ираклий (византийский император) направил некоего Андрея, «мужа умного и изобретательного, с обещаниями несметных сокровищ» к хазарам, и наместник «северного царя по имени Джебу-хаган, второй в царстве его... с большой готовностью дал ответ, говоря: «Я выйду на мщение против врагов его (Ираклия), прийду сам с храбрыми войсками моими на помощь ему».[100]

И всё же главным источником по истории хазар считается так называемая «хазарская переписка», имевшая место в начале второй половины X в. между кордовским вельможей Хасдаем ибн Шапрутом и хазарским царём Иосифом. Следует отметить, что Кордова была местом, куда стекались купцы и путешественники многих стран, принося вместе с рассказами о своих странствиях вести со всего света. Ещё в IX в. путешественник по имени Эльдад а-Дани поведал кордовским евреям о том, что «колено Шимона и половина колена Менаше обитают в стране кузарим, вдалеке от Иерусалима, на расстоянии шести месяцев пути, и они многочисленны и исмаильтяне платят им дань».[101] Эта информация к тому времени, когда в Испании жил Хасдай ибн Шапрут, превратилась в легенду, но легенда эта постоянно обновлялась и дополнялась новыми сведениями, и тогда министр кордовского халифа решил их проверить и послал письмо правителю Хазарии посредством византийских купцов. Письмо не дошло до адресата по той причине, что Византия никак не была заинтересована в налаживании связей между Испанией и Хазарией. Но ибн Шапрут, понимавший толк в политике и разгадавший «греческие хитрости», написал второе письмо и послал его, хотя и более длинным (через всю Европу), но более надёжным

[99] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л.: Изд–во АН СССР, 1939. С. 85.
[100] Цит по: *Гумилёв Л. Н.* Древние тюрки. М., 1993. С. 184.
[101] *Кандель Ф.* Очерки времён и событий из истории российских евреев. Иерусалим: Тарбут, 1988. Очерк второй. С. 39.

путём. В письме ибн Шапрут задал множество естественных в подобных случаях вопросов: кто вы, откуда, как живёте и т. п. На письмо из Кордовы ответил не кто иной, как сам каган Хазарии Иосиф. В ответном послании содержались сведения о социально-политическом устройстве Хазарского каганата, о населявших его народах, о природе и географических особенностях страны — в общем, хазарский каган добросовестно отвечал на поставленные вопросы, что и обусловило уже отмеченную историческую ценность переписки.

Конечно же, сообщается о хазарах и в русских летописях: хазары присутствуют в истории государства Российского уже в первых строках «Повести временных лет»:

«В год 859. Варяги из заморья брали дань с чуди, и со славян, и с мери, и со всех кривичей. А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма».

«В год 862. ...И было у него (Рюрика — официального основателя Киевской Руси) два мужа... И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: "Чей это городок?" Тамошние жители ответили: "Были три брата Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хозарам". Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали много варяг и стали владеть землёю полян».

Считается (об этом далее), что русские стали, в конце концов, могильщиками Хазарского каганата: «В год 965. Пошёл Святослав на хозар. Услышав же, хозары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хозар и столицу их и Белую Вежу взял». Понятно, что приведенные сообщения как бы обрамляют те тесные контакты и отношения, имевшие место между Киевской Русью и Хазарским каганатом, итог которым подвёл М. Артамонов: «Хазарское государство нельзя не учесть как важнейшее условие образования Киевской Руси».[102]

14

Мнение тех, кто выражает сомнение в существовании хазар как отдельного этноса, основывается, что вполне разумеется, на критике тех же исторических источников, к части которых об-

[102] *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 186.

ратились и мы. Действительно, при более внимательном к ним подходе возникают некоторые противоречия и неясности. Взять, хотя бы упомянутую «хазарскую переписку». Не странно ли, что Хасдай ибн Шапрут, образованнейший человек, да ещё и состоящий на службе в пошлинном ведомстве, ничего не знает об одном из самых больших государств своего времени, хотя через земли Хазарского каганата проходили великие караванные пути, один из которых имел своей начальной точкой именно Кордову?

На сомнительность же летописных сообщений по поводу хазар, как уже упоминалось, обратил внимание ещё Н. М. Карамзин: «Невероятно, чтобы козары, бравшие дань с Киева, добровольно уступили его варягам, хотя летописец молчит о воинских делах Аскольда и Дира в странах днепровских: оружие, без сомнения, решило, кому начальствовать над миролюбивыми полянами».[103] А как относиться к рассказу о войне Руси с хазарами, уложенному летописцем в несколько строк — и это о таком-то судьбоносном для его страны событии. Отсутствуют не только деталей и подробностей, коими изобилуют повествования о событиях гораздо менее значимых, но даже общие моменты победоносной войны с государством, армия которого успешно противостояла лучшим армиям мира и остановила продвижение мусульман на запад. Отметим, что балканский поход Святослава, окончившийся его полным поражением и собственной смертью, расписан в летописи куда более пространно.

Таким образом, с одной стороны, имеются достоверные сведения о существовании народа хазар, но с другой, констатируем, что эти сведения противоречивы. В подобных случаях, когда спор не может быть разрешён и в распоряжение учёных не поступили какие-то новые данные (например, археологических раскопок), историки прибегают к методу логического анализа событий, взяв за отправную точку рассуждений какие-то наиболее известные факты, связанные с исследуемой темой. У хазар это, без сомнения, факт принятия ими иудаизма.

Общепринятая версия по этому поводу сообщает, что в начале VIII в. тюркский народ хазар перешёл из языческого вероисповедания в иудейское. И вот, что сказано об этом в ответном письме хазарского царя Иосифа Хасадаю ибн Шапруту: «Хазары были язычниками, небольшим народом. Они вели войны с племенами, которые были многочисленнее и сильнее их, но с помощью Бога прогнали их

---

[103] *Карамзин Н. М.* Предания веков. М.: Правда, 1988. С. 69.

и заселили всю страну. После этого прошли поколения, пока не появился у них один царь, имя которому было Булан, он был человек богобоязненный и уповал во всём на Бога».[104]

Причиной перехода хазар в новую веру считают их нежелание примкнуть к какой-либо из великих религий, поскольку это влекло бы за собой зависимость от государств, какие эти религии исповедовали. Но такой подход спорен, ибо религиозный нейтралитет хазар никак не обеспечивал их безопасность — скорее, наоборот, лишал хазар сильных союзников. И всё-таки, почему хазары предпочли иудаизм другим, гораздо более распространённым религиям?

Ответить на этот вопрос следует, отбросив ничем не подкреплённые легенды о религиозных диспутах, якобы устраиваемых государями для выбора веры, но, помня, что религии распространяются «снизу», а утверждаются «сверху». Иудаизм у хазар не случаен, так же как не случайно христианство и у славян. И причина этому та, что на территориях, с которых начинался Хазарский каганат, то есть на землях между Тереком и Сулаком, на Таманском полуострове, на берегах Азовского моря, гораздо ранее хазар проживал народ, имя которому — евреи. Иными словами, какая-то часть изгнанных со своих мест жителей Северного еврейского царства, пришла в Северное Причерноморье и на Кавказ вскоре после изгнания, то есть за пять-шесть веков до н. э., а затем уже в разное время и по разным причинам к ним присоединялись их соплеменники.

Компактное проживание евреев в указанных местах, ставших географическим ядром Хазарского каганата подводит нас к вопросу: из множества племён и народов, живших в Раннем Средневековье на юго-востоке Европы, почему только хазары, по сути ничем не отличавшиеся от соседей, создали своё государство? И если при равных прочих условиях один народ продолжает пасти овец, постепенно перемещаясь по бескрайним степям и долинам, а другой — создаёт институты государственного управления, то следует искать причину такого различия. В этом случае — она в евреях: они стали тем стержнем, вокруг которого образовался Хазарский каганат. Это государство — многонационально, но его глава и военачальники — представители наиболее многочисленного народа — хазар. Однако политику каганата и его международное представительство осуществляли ев-

[104] *Кандель Ф.* Указ. соч.

реи. Вместе с тем, возможно предвидеть то возражение, что соседство с евреями может быть достаточным условием для создания хазарами своего государства, но не необходимым. Для того чтобы выявить необходимое условие, следует обратиться к тому моменту истории европейского Средневековья, которому до сих пор не придаётся должного значения — имеется в виду еврейская торговая организация раданитов. Еврейская торговля именно в монопольной форме не могла не опираться на государство — таким государством и стал для неё Хазарский каганат. Напомним О. Прицака: «История показывает нам, что международная торговля крепко связана с империями, какие только и могли защитить купца и обеспечить ему доверие».[105]

Иными словами, Хазарский каганат образовался как государство вокруг того экономического ядра, которое представляло собой указанную торговую организацию еврейских купцов для обслуживания её торговых интересов. Такая гипотеза (а ценность любой гипотезы определяется тем, насколько больше она объясняет по сравнению с прочими), позволяет понять некоторые, казавшиеся противоречивыми, сведения о существовании Хазарского каганата. То, например, почему ни в каких исторических источниках не встречаются упоминания о действительно хазарских купцах, о хазарах-дипломатах, нет никаких свидетельств существования именно хазарской письменности — и это притом, что государство хазар просуществовало не менее трёх веков? Но особый интерес в свете высказанного предположения, представляют сообщения о религии хазар. Обратим внимание на то, что путешественники, имевшие непосредственное общение с хазарами, отмечали, что иудаизм исповедует лишь правящая верхушка каганата: каган и его приближённые, как и сообщает о том Фарисей ал-Истахри: «Царь их иудейского вероисповедания, и говорят, что свита его числом 4000 человек. Хазары — мусульмане, христиане и иудеи и среди них есть идолопоклонники. Самый малочисленный класс — иудеи, а самый большой — мусульмане и христиане, но всё-таки царь и приближённые его — иудеи».[106] То, что евреями в Хазарии были только царь и его приближённые, подтверждает и ибн Хаукал. Установив-

---

[105] *Прицак О.* Указ. соч.

[106] Цит.по: *Караулов Н. А.* Сведения арабских географов IX и X вв. по Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1901. Вып. 29. С. 43.

шееся мнение, что хазары исповедовали иудаизм, и под словом «хазары» следует понимать, так сказать, народные массы, ничем и никак не подтверждается. К сему такая деталь: прочтём внимательно уже знакомый нам отрывок из ответного письма кагана Иосифа Хасдаю ибн Шапруту, где он говорит о языческом прошлом хазар: «...хазары были язычниками, небольшим народом. Они вели войны с племенами, которые были многочисленнее и сильнее их, но с помощью Бога прогнали их и заселили всю страну. После этого прошли поколения, пока не появился у них один царь, имя которому было Булан, он был человек богобоязненный и уповал во всём на Бога». Но с помощью какого Бога хазары «прогнали» другие племена, и на какого Бога «уповал» язычник Булан, если только после того, как «прошли поколения», он покончил с идолопоклонством у хазар? А может быть, нужно говорить не о принятии хазарами новой веры, но о возвращении определённой части жителей государства, а именно, главенствующей верхушки к вере отцов, что явственно следует из анализа так называемого «Текста Шехтера», в котором несколько раз говорится о «возвращении» хазарских евреев к вере отцов.

Подведём краткие итоги наших рассуждений. Потомки евреев, изгнанных со своей исторической родины и расселившиеся не землях Кавказа и Северного Причерноморья (разумеется, речь идёт лишь о какой-то их части, избравшей торговлю средством существования), создают организацию, которая к VI–VII вв. становится монополистом торговли между Европой и Китаем. Вокруг этой организации по вполне понятным причинам начинают объединяться племена и народы, обитавшие в этой же местности. В таком объединении проявляются признаки государственности, поскольку оно имеет экономическую базу своего существования, структуру управления, армию, письменность. Но должен быть установлен ещё один государственный институт — государственная религия, притом, что никто не посягал на вероисповедания любого народа, входившего в состав хазарского государства, и множество вер сохранилось в неприкосновенности, что также замечали и подчёркивали современники. У правителей каганата не было никаких сомнений по поводу того, какая религия должна стать государственной, но за тысячу лет, которые прошли со времени разрушения Самарии до рассматриваемого периода, многое из религии отцов или забыли, или утратили, поэтому было принято решение восстановить её в наиболее полном виде, то есть вернуться к истин-

ному иудаизму, очищенному от влияния других религий. С этим согласился и Л. Гумилёв: «Заслуга Булана была в другом: он удалил из своей страны идолослужителей и убедил других князей и верховного князя евреев восстановить забытую веру; он соорудил шатёр, ковчег, светильник, стол-жертвенник и священные сосуды».[107] В то же время нет ни малейшего сомнения в том, что многие важные посты, определявшие политику государства и его интересы, занимали также и князья входивших в каганат племён.

Не военные успехи князя Святослава явились причиной исчезновения с исторической сцены Хазарского каганата (вплоть до XIV в. земли, примыкающие к Крымскому и Таманскому полуостровам, именовались на географических картах Хазарией), но заложенный в его основу организационный принцип — это государство начало распадаться гораздо ранее — с середины IX в., когда мусульманские завоевания перерезали торговые связи между Европой и Китаем и упомянутая торговая монополия пришла в упадок. Не стало экономической основы государства, и оно так же незаметно исчезло, как и образовалось.

15

Еврейско-хазарская «составляющая» истории Древней Руси заключается в соседстве и сотрудничестве Таврической Руси с Хазарским каганатом от времени его зарождения и до исчезновения с исторической сцены.

Созданный мощнейшей торговой организацией купцов-раданитов для обслуживания её интересов, каганат стал базой взаимовыгодного партнёрства для евреев и росов, обеспечивавших важную военно-охранную сторону торговой деятельности Хазарии на территории Восточной Европы. Не только сопровождение купеческих караванов, но и охрана торговых баз, опорных пунктов, пристаней, волоков вызывала необходимость постоянного присутствия в указанных местах росских военных контингентов, что и привело к распространению росов в Восточной Европе.

В некоторых наиболее крупных и бурно разраставшихся торговых факториях как, например, в Среднем Поднепровье и Приильменье, соответственно значительными были и росские гарнизоны.

[107] *Гумилёв Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. С. 122.

А поскольку количество людей, обслуживающих торговлю, всегда превосходит количество людей, её организующих, то и места их концентрации стали связывать с их национальным именем — росы: отсюда появление и Киевской Руси и приильменского росского анклава.

Распространение власти каганата в Восточной Европе фактически осуществлялось росами, представлявшими каганат в виде управляющих и наместников подвластных территорий. С ослаблением Хазарского каганата росы постепенно превращались в их полноправных правителей. Но росы претендовали только на те бывшие хазарские провинции, на которых они закрепились и которые входили в сферу их жизненных интересов. Одной из первых под официальную росскую зависимость попала Тмутаракань, которая находилась вблизи от столицы росов и которую росы всегда считали расположенной на их территории (напомним: «От города Матраха до города ар-Русийа 27 миль»).

Вместе с тем не стоит полагать, что Хазарский каганат безропотно уступал свои права даже недавним партнёрам. Дошедшие до нас источники о военных столкновениях между росами и хазарами относятся именно к этому периоду: «Между жителями Матрахи и жителями Русии постоянная война».

Окончательною точку над «i» в хазарско-росских отношениях поставил князь Святослав. Он не имел своей целью захватывать и не захватывал хазарских территорий: князь росов лишь дал понять хазарским правителям, что те земли, которые фактически и так принадлежали росам, теперь переходят к ним окончательно.

Заслуга росских князей перед российской государственностью состоит в том, что они не растерялись в процессе распада каганата и продолжали исполнять прежние функции, но теперь уже от своего имени. Так что им оставалось лишь объявить данникам о перемене хозяина и применить оружие там, где было выказано несогласие с переменами:

«В год 884. Пошёл Олег на северян и победил северян, и возложил на них лёгкую дань, и не дал им хазарам дань давать, сказав: «Я им противник, а не вам».

«В год 885. Послал Олег к радимичам, спросив: «Кому дань даёте?». Они же ответили: «Хазарам». И сказал им Олег: «Не давайте хазарам, но мне давайте».

И в завершение темы два замечания:

Русь всегда оставалась независимой от Хазарского каганата и все их отношения следует рассматривать только как партнёрские.

Еврейско-хазарская составляющая истории Древней Руси должна учитываться лишь как организационно-политическая в отличие от двух первых, которые должны учитываться также и как этнические.

Кто такие варяги?

1

Во вступительной части «Повести временных лет» летописец несколько раз подчёркивает, что нынешнее Балтийское море в прошлом называлось Варяжским:

«Ляхи же и пруссы, чудь сидят близ моря Варяжского. По этому морю сидят варяги: отсюда к востоку — до пределов Симовых, сидят по тому же морю и к западу — до земли Английской и Волошской. Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманны, готы, русь, англы, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, фряги и прочие, — они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем Хамовым».

«Когда же поляне жили отдельно по горам этим (Киевские горы), тут был путь из Варяг в Греки и из Греков по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское».

Судя по летописному рассказу, варяги представляли собой значительную часть населения, обитавшего вдоль берегов Балтийского моря, и если в древности Балтийское море действительно называлось Варяжским, то о народе этом должно было быть известно не только русскому летописцу, но в большей степени народам подле этого моря обитавшим. Тем не менее, ни теми же ляхами, ни пруссами варяги, как племя или народ не упоминаются.

Это обстоятельство можно без преувеличения назвать странным, и результатом его осмысления должен стать вопрос: а действительно ли было так, как рассказывает Нестор? Нет, мы не имеем права усомниться в знании учёным монахом географии, но судите сами:

«И по тому же морю (Варяжскому. — *А. Г.*) можно доплыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю (Варяжскому! — *А. Г.*) к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море». Следовательно, под «тем же» Варяжским морем следует понимать всё водное пространство, огибающее Европу от Санкт-Петербурга до Стамбула, то есть, согласно Нестору, столица Византии стояла на берегах... Варяжского моря. Далее, как будто всё соответствует действительности: «А от Царьграда можно приплыть в Понт море». Но и Понт море не является для летописца цельным: «А Днепр впадает устьем в Понтийское море; это море слывет Русским».

Зная же дальнейшее содержание «Повести», можно предположить, что Чёрное море (Понт) стало называться Русским уже после образования варягами-русами Киевской Руси, но нас уже убедили в том, что «сведения об обладании Русью тмутараканским берегом более поздние, чем записки об «Острове Русов», они относятся лишь к XI–XII веку».

Однако «географические новости» на этом не кончаются. «Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и приплыл в устье Днепровское и оттуда отправился вверх по Днепру... и пришёл к славянам, где нынче Новгород. И направился к варягам, и пришёл в Рим. Побывав в Риме, пришёл в Синоп». Согласимся, что «первозванный» избрал далеко не самый короткий и удобный путь к тогдашней столице мира от устья Днепра, и надо полагать, что он, «побывав в Риме», «пришёл в Синоп» уже по более целесообразному маршруту. Ни на чём не основанная настойчивость летописца по поводу северного происхождения варяг на фоне отвлечённых географических представлений создаёт впечатление о его намерении увести нас от действительного положения дел.

2

Определение «варяги» впервые употреблено и фигурирует только в русских летописях. Сначала «изгнали варяг за море», а потом к тем же варягам пошли, хотя, нет — не совсем к тем же: обратим внимание, что сейчас летописец уточняет: «к варягам, к руси», которые «назывались русью подобно тому, как другие называются шведы, а иные норманцы и англы, а ещё иные — готландцы».

Заметим, что в приведенном ранее отрывке варяги и русь представляют собой два отдельных этноса: «Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманны, готы, русь, англы, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, фряги и прочие...». Теперь же летописец рассматривает их как единый народ: «к варягам, к руси», подчёркивая при этом, что национальным определителем является слово «русь». По национальности эти варяги были русами, подобно тому, как есть иные нации — шведы, например, или норманны, или англичане, или готландцы.

Но достоверно известно, что никакого этноса «варяги» ни на севере Европы, ни в каких-то иных местах не было, и, следовательно, летописца следует понимать так, что некий народ «варяги» имел и параллельное имя — «русь». Заметим следующее: «В поисках соответствующего термина в древних северных языках, Байер нашел лишь единственно приближенно напоминающее «варяг» слово «вэрингьяр» (vasringjar), употреблённое в именительном падеже множественного числа, и лингвисты до сих пор затрудняются хотя бы искусственно смоделировать именительный падеж единственного числа от этого термина. «Вэрингьяр» упоминается в древних северных источниках только для обозначения «наемных телохранителей византийских императоров», как правило, называвших себя «русами», а не «норманнами» или «свеями»,[108] то есть определение «варяг» пришло на север с юга, а не наоборот. А поскольку велик соблазн для российских историков обнаружить у варяг славянские корни, то такие попытки предпринимаются уже на протяжении почти трёх столетий. Но вся этническая аргументация обоснования славянского происхождения варяг не увенчалась успехом, поэтому в настоящее время можно считать единодушным мнение, что название «варяг» является функциональным указателем, то есть варяги — это те, кто исполняли конкретную службу, определявшую и соответствующий ей социальный уровень. Но и здесь исследователи по понятным причинам разделились на тех, кто этимологию этого слова выводит из норманнских языков, и тех, кто ищет её в славянских. Как видим, «норманизм» и «антинорманизм» продолжают сохранять свои позиции, но в другой плоскости. Вот характерный пример «лингвистического антинорма-

---

[108] См: *Анохин Г. И.* Новая гипотеза происхождения государства на Руси. Вопросы истории. 2000. № 3.

низма», взятый у того же Г. И. Анохина: «Итак, сущность термина «русь» — соционим, а не этноним. То обстоятельство, что южноприильменские славяне отличались от всех других славян (новгородских льноводов, рыбаков, животноводов и земледельцев) дополнительным специфическим хозяйственным занятием — солеварением — должно было дать синоним их названия по хозяйственному признаку. И корень «вар» (от глагола «варити», то есть выпаривать соль) лег в основу синонима названия русов-варяг, варяга, то есть солевар!»[109]

Приведём несколько словарных значений слова «варяг».

У В. Даля: «варяг» — «мелкий торговец», «разносчик товара»; «варяга» — «проворный», «бойкий», «расторопный человек»; «варяг» — «торговый гость, купец»; «воряг» (украинский язык) — «борец, крепкий, рослый человек».

У М. Фасмера — в «Этимологическом словаре русского языка»: «варяг» — член союза (братства).

Как видим, ни в одном словарном значении слова «варяг» нет даже намёка на его возможное этническое толкование. Историк и лингвист с мировым именем О. Прицак имеет на происхождение слова «варяг» такую точку зрения: «На протяжении Средневековья основателями городов в евразийской степи, а также в районе Mare Balticum (Балтийского моря) было не коренное население, а чужеземные, международные торговцы. В Евразии ими были иранцы, в юго-восточной Европе ими вначале были евреи, а затем немцы-саксонцы Ганзы.

От VIII до X столетий было только два типа торговых поселений в Евразии: на востоке персидский var, разновидность ориентального города (который имел индивидуального собственника) или смесь «вара» с классическим полисом; а на Западе постоянное или полупостоянное торговое поселение для путешествующих купцов, так называемое по немецки vik (по романски portus), вблизи замка (burg) или епископского стола. Границей между этими двумя типами «var» и «vik», была река Лаба (Эльба).

Как в вике, так и в варе были местные и чужеземные работники, которые служили купцам охранниками, наёмниками, мореходами, помощниками и тому подобное и которые в определённой мере напоминают позднейших казаков в Восточной Европе. На запад от Эльбы

[109] Там же.

этих людей называли викингами (вик); на восток от Эльбы они были известны как варяги (вар).

Постепенно эти работники отделялись от своих работодателей и действовали по своему усмотрению; поскольку они знали все подробности данного промысла, их налёты были успешны и поэтому средневековые летописцы усматривали в этом «чудотворную» руку.

Напрасно пытались установить национальность викингов и варягов, потому что у них её не было: они были, прежде всего, профессионалами, готовыми служить каждому, кто нуждался в их умении и мог заплатить за их заслуги».[110]

Определение «варяги» употребляется в летописи всего несколько раз и только по отношению к группе людей: «И пошли за море к варягам, к руси», «Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варяг», «Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей».

Варягами, да и то косвенно, названы только Рюрик с братьями — все остальные князья — русские; нет варяжской земли, но есть «русская земля». Варяги участвуют, практически, во всех военных походах, но все официальные договоры заключаются «от роду русского». О варягах не знает никто, кроме русских летописцев, утверждавших, что «те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы», «и от тех варягов прозвалась Русская земля».

И вот такое одновременное единение и противопоставление варягов и руси, наводит на мысль, что варяги — это не только некая социальная, как принято ныне считать, прослойка руси, но и её параллельное название, отражающее какой-то отличительный статус части её обитателей, применяемое и понимаемое лишь внутри государства.

Основываясь на ранее сделанных выводах, мы считаем, что варягами называли ту часть русов, которые имели отношение к торговой организации купцов-раданитов, так как главное смысловое наполнение слова всё-таки имеет отношение к торговле: имеются в виду именно те из русов, которые оставались на вновь освоенных территориях, навсегда оставив родину. Под этим углом зрения может быть предложено этимологическое толкование слова «варяг», которое учитывает все приведенные выше рассуждения и выводы. С этой целью обратимся к языку тех, с кем на протяжении нескольких веков

[110] *Прицак О.* Указ. соч.

тесно взаимодействовали русы: к купцам-раданитам. На их языке корень «барах» в современном его варианте — это «убегать», «спасаться бегством», но во времена гораздо более древние данное слово могло иметь и другой оттенок, связанный с переменой места жительства, эмиграцией вообще (и как результатом бегства, в частности).[111] Разделение по каким-то причинам общей этнической массы всегда связано с появлением новых определений, характеризующих изменения статуса её составляющих (например, викинги — у норманнов, казаки — у русских и украинцев). В дальнейшем определение «варяг» распространилось на всех иностранцев, служивших на Руси. О беспроблемности фонетического преобразования славянами ивритского «барах» в «варяг» — и говорить не стоит.

Показательно мнение известного русского историка С. М. Соловьёва: «Сличив разные толкования учёных, можно вывести верное заключение, что под именем варягов разумеются дружины, составленные из людей, волею или неволею покинувших своё отечество и принуждённых искать счастья на морях или в странах чуждых; это название, как видно, образовалось на западе у племён германских. На востоке, у племён славянских, финских, греков и арабов таким же общим названием для подобных людей было Русь (рос), означая, как видно, людей-мореплавателей, приходящих на кораблях морем, входящих по рекам внутрь стран, живущих по берегам морским. Прибавим сюда, что название русь было гораздо более распространённым на юге, чем на севере и что по всем вероятностям, русь на берегах Чёрного моря была известна прежде половины IX в., прежде прибытия Рюрика с братьями».[112]

В приведенном высказывании для нас важно отметить «все вероятности» «южного» начала Руси с тем лишь уточнением, что и название «варяги» образовалось не «на западе, у племён германских», а в среде обитания самих русов, определяя тех из них, кто «волею или неволею покинул своё отечество».

Иными словами, когда посланцы союза племён «...пошли за море к варягам, к руси», то они вполне могли отправиться не на север от Ильменского озера, а в южную от него сторону, где в районе Среднего

---

[111] Далее это предположение получит дополнительное подтверждение.

[112] *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Харьков: Аст Фолио, 2001. Т. 1. Гл. 3.

течения Днепра существовала большая росская колония, или к Азову и Тамани, где издревле жил народ «Рос». Разве ж у Нестора сказано, что варяги обитали на севере? Он говорит «за морем», а для него, как мы убедились, это понятие весьма и весьма растяжимое. Что же до перечисления летописцем варяг среди северных народов и упоминания русов в одном ряду с норманнами и готландцами, то мы не забыли, что у Лиутпранда из Кремоны они соседствуют с печенегами и хазарами.

Красивое слово «парадигма»

Парадигма — это концентрированное выражение системы устоявшихся взглядов на какое-то явление, объясняющее условия существования и развития этого явления: например, парадигма взаимодействия небесных тел в Солнечной системе — гелиоцентрическая: Земля вращается вокруг Солнца.

Парадигма может меняться, иногда на противоположную. В не столь уж и отдалённом прошлом человечество использовало геоцентрическую парадигму: Солнце вращается вокруг Земли. Изменение парадигмы происходит тогда, когда она перестаёт отвечать на вопросы вновь накопленного опыта или противоречит ему.

Парадигма истории Древней Руси основывается на летописном рассказе, повествующем о так называемом «призвании варяг»: «В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти».

Казалось бы, намёк летописца на норманнское происхождение варяг более чем прозрачен, но утверждать, что он имел в виду именно это — нельзя, так как приведенная строфа имеет двоякое толкование:

1. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие (варяги) называются шведы... и т. д., то есть определение «варяги»

является определением суперэтноса, объединяющего народы севера Европы, в состав которых входит и племя «русь»: здесь Русь — скандинавский народ.

2. Те варяги назывались русью подобно тому, как и другие (народы) имеют свои имена, то есть русь в этническом плане точно такой же самостоятельный этнос, как шведы, норманны, англы...; здесь нет указания на этническую принадлежность руси и возможны различные предположения о её происхождении, в том числе и славянском.

По тому, как историки относятся к первому или второму варианту, их стали разделять на «норманистов» и «антинорманистов», и стоит заметить, что только перечисление названий тех работ, в которых каждый доказывает свою правоту, заняло бы несколько увесистых томов. Основоположниками «норманнской» школы стали немецкие учёные Готлиб Зигфрид Байер (1694–1738), Герард Фридрих Миллер (1705–1783) и Август Людвиг Шлёцер (1735–1809), у которых были все основания верить в «призвание варяг», поскольку они сами были приглашены в Россию из Германии для установления исторической истины по поводу происхождения российской государственности. Возможно, познакомившись со славянскими коллегами, они искренне удивились, не понимая чем вызвана необходимость их участия в столь деликатном для каждой нации деле, но, справедливости ради следует подчеркнуть, что и Миллеру, и Байеру, и, в особенности, Шлёцеру российская историческая наука всё-таки обязана. И хотя автор популярных ныне работ по истории Руси Валерий Дёмин иронически именует их «тевтонской троицей из петербургской «Академии-де-Сиянс» (никогда не понимал, почему обвиняют приглашённых, а не приглашающих? — *А. Г.*), стоит привести мнения Шлёцера с оценкой русского летописания: «Философских идей об истории народов никто не станет требовать от приднепровского инока XI века; мало говорит он о внутренней истории Руси; его более занимают внешние события, войны и т. п. Но, несмотря на все недостатки, русский летописец возвышается над позднейшими исландскими и польскими рассказчиками на столько же, на сколько рассудок, хотя часто заблуждающийся, возвышается над постоянною глупостию».[113]

[113] *С. М. Соловьёв*. Шлёцер и антинаучное направление. Ссылка: Русский вестник.1856. Т. 2. № 8. С. 453–489.

Шлёцер пропагандировал российскую историю и в самой Германии, и в других странах, считая и называя себя русским патриотом, так что вряд ли можно упрекнуть «тевтона» в надменности и пренебрежении к трудам Нестора.

К «антинорманистам» относят, в первую очередь, М. В. Ломоносова, открыто и бескомпромиссно выступавшего против своих немецких коллег. Его истинным продолжателем нужно считать Ю. И. Венелина (1802–1839), утверждавшего, в частности, что «Русь или русы как народ норманнский, скандинавский, никогда не существовал, и есть только плод жалкого толкования или фантастического произведения некоторых изыскателей. Не поняли Нестора! Да еще как не поняли!»[114]

В эту же плеяду входит и тогдашний директор Эрмитажа С. А. Гедеонов (1815–1878) – автор двухтомного труда «Варяги и Русь». У него под варягами понимаются прибалтийские славяне – вагры, совершенно уничтоженные крестоносцами.

Но почему Миллера, Байера и Шлёцера называют «норманистами»? Потому только, что они первыми и серьёзно отнеслись к изучению восточнославянских летописей и прочитали то, что в них написано? И если, рассказывая о «призвании варяг», Нестор-летописец знал об их славянском происхождении, то, надо сказать, ему удалось настолько хорошо замаскировать этот факт, что заблуждение «норманистов» вполне объяснимо. А к какому «лагерю» следует отнести одного из самых авторитетнейших российских историков Д. И. Иловайского – совершенно убеждённого в том, что: «Существование Азовской или Таманской Руси объясняет нам упоминаемые Арабами походы Руссов на Волгу и в Каспийское море в 913 и 944 гг. – походы, наделавшие много шуму на Востоке, но о которых русская летопись ровно ничего не знает. Эти походы естественнее всего приписать Руси Тмутраканской, а не Киевской (а тем менее Скандинавской)... Эта Русь может разъяснить нам отношения к Корсуню. Если б она была не более как нормано-русская колония, основанная во времена Святослава или Владимира св., то каким образом Киевские князья могли удерживать за собой такое далекое владение, отрезанное от Киевской Руси степями и кочевыми народами? Надобно было держать в

[114] *Дёмин В. Н.* Варяги – последние пассионарии Севера. Мир Севера. 1999. № 3–4.

покорности туземное население и в то же время защищаться от Казар, Печенегов и Греков; для этого требовались сильный гарнизон и постоянные подкрепления из Киева. Между тем, наоборот, уже сын Владимира св. Мстислав Тмутраканский является таким могущественным князем, который громит соседние народы, одолевает своего старшего брата Ярослава Киевского и захватывает себе все русские области на востоке от Днепра. По всей вероятности, до прихода Печенегов и Половцев пределы Тмутраканского княжества на севере почти сходились с пределами Чернигове-Северской земли, и тогда понятны будут их связи, о которых еще живо помнит автор Слова о Полку Игореве. В то же время на юге, в восточной части Крыма, пределы Тмутраканской Руси сталкивались с Византийскими владениями.

Когда составлялся наш летописный свод, Черноморская Русь приходила уже в забвение; поэтому весьма могло быть, что в рассказах о первых князьях она смешивалась с Киевскою Русью».[115]

Так, где же истина? Она в том, что анализ источников, касающихся истории Древней Руси, приводит нас к берегам Чёрного, а не Балтийского моря — отсюда «есть пошла Русская земля».

Правильность сделанного вывода мы можем проверить, сделав его «ключом» к расшифровке хорошо знакомых летописных сообщений, а «ключ» этот для удобства дальнейшего использования назовём «южной парадигмой».

---

[115] *Иловайский Д. И.* Указ. соч.

ГЛАВА II

Рюрик

1

«В год 862. Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: "Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами". И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — в Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля».

2

Наиболее вероятным кандидатом, от которого можно было бы произвести летописного Рюрик — это датский конунг Рорих, но в таком случае уместен вопрос: почему новгородцы «искали себе князя» не среди соседей-шведов, а у более отдалённых

датчан? Впервые сопоставление Рюрика Новгородского и Рориха Ютландского сделал в 1836 г. профессор Дерптского университета Ф. Крузе. Рорих родился в 800 году, в 837–840 гг. и после 850 г. владел Фрисландией с ее главным городом Дорестадом, полученными от франкского императора, которому обязался служить и платить дань. В 857 г. ему была уступлена в Ютландии южная часть Датского королевства, но и здесь было неспокойно. Рориху приходилось оборонять свои территории и вторгаться в пределы соседей. Он совершил сухопутные и морские походы на Гамбург, Северную Францию, Данию, Англию, даже на свои владения во Фризии. Рорих принадлежал к харизматическому клану Скьолдунгов, что вели родословную от Скьолда, сына Одина, верховного бога скандинавов. Никаких упоминаний о том, что, оставив свои владения, Рорих сделал столь важный для себя и своих близких шаг и перебрался в Приильменье, где и окончил свой век, нет.

3

В соответствии с южной парадигмой происхождения Руси, географическим вектором продвижения росов по землям Восточной Европы была река Днепр. Поднимаясь вверх по её течению, они последовательно закрепились в запорожье, предпорожье, но главной территорией освоенной росами на этом направлении было Среднее Поднепровье, получившее затем известность как Киевская Русь. Освоение росами новых территорий, в общем и главном, носило характер торговой экспансии, и если поначалу местные племена встречали пришельцев настороженно, то вскоре осознавали все преимущества их присутствия.

Дальнейшее продвижение привело росов в Приильменье, которое для межконтинентальной торговли имело значение даже большее, чем Среднее Поднепровье. В определённый момент сложившиеся в регионе отношения потребовали централизованного управления. Занять почётную, но хлопотную должность согласился («вызвался») Рюрик — представитель княжеской династии росов. На новое место службы, понимая что это надолго, а, может быть, и навсегда, он отправился со своей челядью и с выделенной ему дружиной. Князья местных племён усмотрели в такой форме правления то преимущество, что теперь обрели объективного судью межплеменных конфликтов,

не вмешивавшегося при этом в их внутренние дела. Слухи о сложившейся в Приильменье ситуации распространились в округе, дошли до берегов Скандинавских и были записаны шведским хронистом, осмыслившим их по-своему. В его интерпретации устное предание превратилось в письменное и затем в неправильном переводе на русский оно и предстало перед «Нестором». Доказательством этому может служить замечание Б. Рыбакова: «Историки давно обратили внимание на анекдотичность «братьев» Рюрика, который сам, впрочем, являлся историческим лицом, а «братья» оказались переводом шведских слов:

«Синеус» — «sine hus» — «свой род»

«Трувор» — «thru varing» — «верная дружина».

Другими словами, в летопись попал перевод какого-то скандинавского сказания о деятельности Рюрика, а новгородец, плохо знавший шведский язык, принял традиционное окружение конунга за имена его братьев».[116]

Понимание шведским хронистом факта появления Рюрика в Приильменье, как «призвание», вполне убедительно. Историки утверждают, что имеется достаточное количество подобных примеров. Почти во всех работах, посвящённых «призванию варяг» приводится рассказ о призвании бриттами саксов: «И вот, когда распространилась молва о победоносных деяниях саксов, (жители Британии) послали к ним смиренное посольство с просьбой о помощи. И послы (из Британии), прибывшие к саксам, заявили: “Благородные саксы, несчастные бритты, изнуренные постоянными вторжениями врагов и поэтому очень стесненные, прослышав о славных победах, которые одержаны вами, послали нас к вам с просьбой не оставить (бриттов) без помощи. Обширную, бескрайнюю свою страну, изобилующую разными благами (бритты) готовы вручить вашей власти. До этого мы благополучно жили под покровительством и защитой римлян, после римлян мы не знаем никого, кто был бы лучше вас, поэтому мы ищем убежища под крылом вашей доблести. Если вы, носители этой доблести и столь победоносного оружия, сочтете нас более достойными по сравнению с (нашими) врагами, то (знайте), какую бы повинность вы не возложили на нас, мы будем охотно ее нести”. Саксы ответили на это кратко: “Знайте, что саксы — верные друзья бриттов и всегда будут (с ними),

[116] *Рыбаков Б. Н.* Указ. соч. С. 298.

в равной мере и в их беде, и в их удачах"... Затем в Британию было послано обещанное войско (саксов) и, принятое бриттами с ликованием, вскоре освободило страну от разбойников, возвратив жителям отечество».[117]

Почему же рассказ о Рюрике стал краеугольным камнем русской истории? Да потому, что летописец получил чёткое указание «забыть» о Таврической Руси и поменять начальное место пребывания росов на противоположное, а единственным упоминанием русов, где они связывались с Севером Европы был шведский вариант легенды о Рюрике и его «братьях»: («sine hus» и ««thru varing»). Таким образом, рассказ о призвании варяг» стал результатом следующей последовательности:

- появление представителя княжеского рода росов в Приильменьи;
- фиксация этого факта шведским хронистом как приглашения росов союзом племён;
- использование русским летописцем шведского повествования о Рюрике и росах;
- русский летописец соотносит легенду о Рюрике с первым известным ему упоминанием росов византийскими источниками – отсюда 862 г.

4

Продолжим чтение летописи: «В год 879. Умер Рюрик и, передав княжение своё Олегу – родичу своему, отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот ещё очень мал».

Новгород оказался «злым» местом для Рюрика и его семьи: и Синеус, и Трувор (здесь мы следуем тексту летописи), и Рюрик умерли, практически, в одночасье. Мало того, единственным наследником трёх братьев остался лишь малолетний Игорь. Но и его, беспричинно бросив новгородский стол на произвол судьбы, Олег забирает с собой в поход на Киев.

Что, не похоже на правду? А как прикажете летописцу связать Новгород с Киевом, если по замыслу его патронов росы должны были продвигаться с севера на юг? И не только это: следовало подчеркнуть,

[117] *Видукинд Корвейский.* Деяния саксов. М., 1975. Кн. I.

что в Новгороде законных наследников Рюрика не осталось, так что все князья там — ставленники Киева, и об этом всегда должно помнить своенравным новгородцам.

Мы не располагаем прямыми свидетельствами принадлежности Рюрика к таврическим росам, но можем привести косвенное, показывающее, что сделанное предположение о направлении их продвижения на северо-запад верно. «Е. В. Барсов в конце 70-х годов записал и опубликовал легенду, согласно которой «подлинное имя Рюрика было Юрик и явился он в Новгород из Приднепровья. Новгородцы «залюбили» его за ум-разум и согласились, чтобы он стал «хозяином» в Новограде».[118] И если это так (а легенды, как правило, имеют под собой историческое основание), то подтверждается и сделанное ранее предположение о происхождении слова «варяг»: навсегда оставившие Таврическую Русь русы (в данном случае — Рюрик «со своим родом» и «верной дружиной») именовались варягами.

Аскольд и Дир

1

«И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: «Чей это городок?» Те же ответили: «Были три брата — Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде».

Этот эпизод можно было бы считать не противоречивым, если бы не одно уже известное нам обстоятельство, на которое обратил внимание ещё Н. Карамзин, чей труд «История государства Российского» является основой официальной российской историографии. Напомним: «Невероятно, чтобы козары, бравшие дань с Киева, доб-

[118] *Дёмин В.* Указ. соч.

ровольно уступили его варягам, хотя летописец молчит о воинских делах Аскольда и Дира в странах днепровских. Оружие, без сомнения, решило, кому начальствовать над миролюбивыми полянами».

Один из «столпов» российской истории совершенно справедливо усомнился в том, что хазары, находившиеся в ту пору на вершине своего могущества, уступили такой важный со всех точек зрения район, как Среднее Приднепровье, небольшому варяжскому отряду, направлявшемуся наниматься к грекам на военную службу.

Очевидно, что война за владение важнейшим пунктом на Днепровском водном пути должна была быть масштабной и не могла остаться незамеченной. Но, если «...летописец молчит о воинских делах Аскольда и Дира в странах днепровских...», то логично предположить, что таковых не было вообще, потому что не было никакого «перехода» Киева от хазар к варягам. Под 862 г. киевскими князьями в «Повести временных лет» названы Аскольд и Дир, которые якобы первоначально являлись боярами Рюрика, но отпросились у него в поход на Константинополь и попутно овладели Киевом. Эта версия, имеющая широкое хождение в зарубежной литературе, убедительно отведена еще А. А. Шахматовым. Анализ летописных известий привел его к заключению, что эти князья IX в. — потомки Кия, последние представители местной киевской династии. Позже к аналогичным выводам пришли Б. А. Рыбаков, М. Н. Тихомиров и другие исследователи, подтвердившие свои изыскания свидетельством польского хрониста Яна Длугоша, который писал: «После смерти Кия, Щека и Хорива, наследуя по прямой линии, их сыновья и племянники много лет господствовали у русских, пока наследование не перешло к двум родным братьям Аскольду и Диру. Аналогичная летописная традиция отразилась и в «Киевском Синопсисе». Княжили братья, по-видимому, в разное время. Дира упоминает аль-Масуди, но его сведения основываются на более ранних источниках. Согласно Масуди, Дир, самый выдающийся из славянских князей, владел многими городами и обширными территориями, в его столицу приезжали мусульманские купцы. Значительно больше сведений сохранилось об Аскольде. Отрывочные записи Никоновской летописи, почерпнутые из каких-то более древних, не дошедших до нашего времени источников, представляют его как крупного государственного деятеля, занимавшегося не только внутренними делами страны, но и международными. Об этом свидетельствуют его походы на Константинополь, печенегов, волжских болгар. Особенно большой резонанс

получил поход русских дружин 866 г. на Константинополь. Несмотря на относительную неудачу, он сыграл решающую роль в утверждении международных позиций Киевской Руси».

Впрочем, об этом рассказывает летопись: «В год 866. Пошли Аскольд и Дир войной на греков и пришли к ним в 14-й год царствования Михаила. Царь же был в это время в походе на агарян, дошел уже до Черной реки, когда епарх прислал ему весть, что Русь идет походом на Царьград, и возвратился царь. Эти же вошли внутрь Суда, множество христиан убили и осадили Царьград двумястами кораблей. Царь же с трудом вошел в город и всю ночь молился с патриархом Фотием в церкви святой Богородицы во Влахерне, и вынесли они с песнями божественную ризу святой Богородицы, и смочили в море ее полу. Была в это время тишина и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и снова встали огромные волны, разметало корабли безбожных русских, и прибило их к берегу, и переломало, так что немногим из них удалось избегнуть этой беды и вернуться домой».[119]

Однако, если Аскольд и Дир — потомки полянских князей, правившие Киевом в результате «непрерывного наследования», то почему византийцы называют их «русью»? Ведь, имя «Русь» околокиевские земли получили только после прибытия туда варягов, и, значит, первым русом, ступившим на эту землю в 882 г., был Олег.

Но вернёмся к официальной версии освободительной миссии Аскольда и Дира. В этой связи хотелось бы ещё раз напомнить о достаточно хорошо в настоящее время известном так называемом «Киевском письме», написанном евреями киевской общины в середине X в. Мы не будем вдаваться в подробности, скажем только, что оно написано на иврите, кроме одного, стоящего отдельно от основного текста, слова, которое известный учёный О. Прицак считает хазарским и переводит как «я прочитал».[120] То есть, по мнению О. Прицака, пока ещё не опровергнутому, указанное слово является визой хазарского чиновника, удостоверяющей его ознакомление с содержанием письма. Но в таком случае, коль скоро хазарский чиновник контролирует киевскую почту во время княжения Игоря Старого, сына Рюрика, то где же результаты антихазарских усилий и Аскольда с Диром, и Олега?

---

[119] *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 55.

[120] *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. С. 62.

2

Если же всё-таки довериться летописному сообщению, то Аскольда и Дира следует поставить в один ряд с самими выдающимися государственными деятелями в истории человечества, потому что всего за четыре года они: выиграли войну за независимость Киева от Хазарского каганата; превратили подчинившихся им полян в воинов и мореходов, организовав широкомасштабное строительство кораблей; стали известны миру как правители государства Русь («Русь идет походом на Царьград»). Напомним, что район Приильменья Русью ещё очень длительное время не назывался, так что новое имя Среднее Поднепровье, выходит, получило от небольшого отряда русов, возглавляемых Аскольдом и Диром.

И такие их способности никак не вяжутся с той легковерностью, которая не только привела их к смерти, но, что гораздо удивительнее, стала причиной перехода Киева под власть Олега. Именно «перехода», так как и в этом случае все боевые действия закончились расправой над Аскольдом и Диром, о сопротивлении же гарнизона крепости Киева пришельцам, как выяснилось, ничего не известно.

Но если, согласно Шахматову, Аскольд и Дир — законные владетели Киева, наследовавшие Кию, Щеку и Хориву «по прямой линии», то летописный рассказ об их варяжском происхождении и прибытии в Киев, выходит, очередная выдумка Нестора. И в этой связи стоит напомнить о том, что по Лаврентьевскому списку диалог Аскольда и Дира с киевлянами выглядит несколько иначе: «И поидоста по Днепру, и идуче мимо и узреста на горе градок. И упращаста и реста: «Чии се градок?» Они же реша: «Была суть 3 братья: Кии, Щек, Хорив, иже сделаша градоко-сь, и изгибоша, и мы сидим, платяче дань родом их, козаром».

Согласимся, что между «а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам» и «мы сидим, платяче дань родом их, козаром» — существенная разница: по Ипатьевскому списку Кий, Щек, Хорив и киевляне — одного (полянского) роду-племени, а по Лаврентьевскому основатели Киева — Кий, Щек и Хорив — хазары, этнической связи с киевлянами не имеющие. Но ни в том, ни в другом случае факт выплаты дани хазарам киевлянами не отрицается.

А не является ли этот факт на фоне бескровного перехода власти в городе сначала к Аскольду и Диру, а затем к Олегу подсказкой к разрешению выявленных противоречий?

Начнём с того, что выразим несогласие со славянской принадлежностью Аскольда и Дира уже потому, что их имена не славянского происхождения. Понимая это, и страстно желая видеть в «боярах Рюрика» славян, Б. Рыбаков предложил читать их имена как единое — Осколдир, связывая его с названием реки Оскол и жившим на её берегах племенем сколотов, которых академик причислил к славянам. Но Аскольд — вполне самостоятельное и бывшее достаточно распространённым у народов Европейского Севера имя собственное. Мы уже знаем, что «... имя Ас (женская форма Аса) стало распространённым личным именем в Скандинавии. Несколько норвежских княгинь в девятом и десятом веках носили имя Аса. А слог «ас» использовался в образовании таких мужских имён, как Асмунд, Аскольд (подчёркнуто мной. — *А. Г.*) и т. п.».

С таким наблюдением согласуются и те, также известные нам выводы, основанные на анализе скандинавских эпических преданий, что предки нынешних норвежцев, датчан и шведов в древнейшие времена проживали в районах Северного Причерноморья и Кавказа под именем асов, и отсюда они в середине I в. переместились (под угрозой подчинения Риму) на север Европы под предводительством вождя, которого звали Один.

Итак, имя Аскольд связано с жившими в Северном Причерноморье асами, имевшими, как выяснилось, единый этнический корень с русами, и поэтому у нас нет оснований подвергать сомнению ни принадлежность Аскольда и Дира к русам, ни рассказ «ПВЛ» об их княжении в Киеве. Уточнению подлежит иной момент — тот, что они прибыли в Поднепровье с юго-востока, а не с севера. Такая версия даёт основание искать гораздо большую зависимость между Киевской Русью и Хазарским каганатом, так как территории Северного Причерноморья в IX–X вв. находились под юрисдикцией последнего.

Обратим внимание на ту важную для нас деталь, что Аскольд и Дир «собрали у себя много варягов», под которыми мы ранее предложили понимать русов, переселившихся в Киев (в данном случае) с берегов Тавриды.

Русы Аскольд и Дир выполняли в Киеве ту же наместническую от имени Хазарского каганата функцию, какую Рюрик исполнял в Новгороде — вот почему Лаврентьевский список считает их хазарами, и «летописец молчит о воинских делах Аскольда и Дира в странах днепровских». Далеко не случайно и уточнение, что будущие владе-

тели Киева по отношению к князю Рюрику «не родственники его, но бояре». Оно имеет логическое продолжение, оправдывающее внутрирусские «разборки», закончившиеся гибелью Аскольда и Дира.

Олег

1

«В год 882. Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своего мужа. Оттуда отправился вниз, и взял Любеч, и также посадил мужа своего. И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, и сам приступил, неся младенца Игоря. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де "мы купцы, идем в Греки от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим". Когда же Аскольд и Дир пришли, выскочили все остальные из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: "Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода", и показал Игоря: "А это сын Рюрика". И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли Аскольда на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Ольма поставил церковь святого Николы; а Дирова могила — за церковью святой Ирины. И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: "Да будет это мать городам русским". И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозвавшиеся русью. Тот Олег начал ставить города и установил дани словенам, и кривичам, и мери, и установил варягам давать дань от Новгорода по 300 гривен ежегодно ради сохранения мира».

2

Любой комментатор истории древней Руси сообщает, что русское Олег — есть транскрибированное скандинавское Хельг. В скандинавских же наречиях Хельг переводится, как «предсказатель»,

что равноценно русскому «вещун» — отсюда «вещий» (то есть, обладающий даром предсказателя) Олег.

Но если Олег от Хельг, то, значит, Нестор пользовался скандинавским источником, точнее, его переводом, в котором применительно к одному и тому же человеку фигурирует и само его имя — Хельг, и его смысловое наполнение — «вещий».[121] Однако далеко не всегда смысловое содержание имени соответствует действительной характеристике его носителя: Леонидом может называться робкий и хилый человек, а Виктор — никогда и ни в чём не побеждать. Таких «двойных» переводов достаточно много и они, следует заметить, вносят иногда значительную путаницу при анализе исторических источников. Не нужно далеко ходить за примерами: даже в данном конкретном случае неизвестно, был ли Олег действительно «вещим» или его парапсихологические способности — лишь следствие смыслового перевода его имени? Вы никогда не задумывались, любезный читатель, над тем, что летописный рассказ о смерти Олега, предсказанной ему «вдохновенным кудесником» есть не что иное, как ироничная насмешка славянского летописца над «вещими» способностями князя, не только не предвидевшего причину собственной кончины, но даже не понявшего правильно истинного предсказателя?

3

Если днепровский путь «из варяг в греки» действительно имел то значение, которое ему придаётся в российской исторической науке, то в Новгороде не могли не знать, кто правит Киевом, учитывая, что Аскольд и Дир распоряжались здесь 20 (!) лет. Но нет никаких сведений о взаимоотношениях Новгорода и Киева за этот период. Считал ли Рюрик киевских князей только своими вассалами, или они были от него независимы, или каждый оставался при своём мнении — неизвестно. Однако нет сомнений в том, что Олег был уверен в первом и использовал его как главный аргумент при свержении Аскольда и Дира, обосновав свои действия отсутствием у них законного права на княжение в Киеве.

Летопись никак не объясняет того, почему в 979 г. Олег, возглавив объединённые силы, покидает Приильменье, отправляется вниз

---

[121] Ещё одно доказательство того, что летописец пользовался шведским источником.

по Днепру, захватывает Киев, в котором правили его соплеменники — Аскольд и Дир, и делает его столицей русского государства. Этому событию с одной стороны предшествует смерть Рюрика, а с другой — при Олеге находится совсем ещё маленький сын умершего князя — Игорь. Очевидно, эти три обстоятельства являются звеньями единой логической цепи, и нам предстоит выяснить: какой?

Зададимся вопросом, был ли Киев конечной целью задуманного Олегом плана по созданию государства в Среднем Поднепровье? Судя по летописному развитию событий — да! Летописец подчёркивает, что речь идёт не о простом разбойничьем набеге (пограбили — и ушли), а о намерении обосноваться: «в Смоленске...посадил своих мужей, в Любече...также посадил своих мужей...и сел Олег княжа в Киеве».

Но поскольку рассматриваемый летописный отрывок по сути дела является описанием военной акции, необходимо проанализировать его и с военно-тактической точки зрения. Когда ладьи Олега приблизились к киевским горам, он, выяснив, кто правит стоящим на них городом, понял, что прибыл к конечной цели своего предприятия. Дабы усыпить бдительность защитников города, Олег создаёт впечатление немногочисленности своего отряда, для чего часть ладей была оставлена «позади», а в тех ладьях, которые должны были продолжать движение, воины укрылись от взгляда наблюдателей; понятно, что такие приготовления должны были происходить на относительном удалении от Киева. Далее следует фраза «и сам приступил, неся ребёнка Игоря», которую комментаторы единодушно понимают, как «вышел на берег с маленьким Игорем». Но совершенно непонятно, зачем Олегу понадобилось выходить на берег «неся ребёнка Игоря», если он вновь вернулся на ладью и «подплыл к Угорской горе». Когда бы между «приступил, неся ребёнка Игоря» и «подплыл к Угорской горе», был хоть маленький намёк о встрече Олега с Аскольдом и Диром, всё было бы вполне объяснимо. Спрятав, чтобы не вызывать подозрений, воинов, Олег идёт к Аскольду и Диру, которых он, несомненно, знал. Уже сейчас Олег должен был использовать «легенду» о том, что он сопровождает идущих к грекам купцов, а Игорь — его сын (или внук).

Но в летописи нет ни слова о предварительной встрече Олега с бывшими соратниками и, значит, варяжские суда, будучи неопознанными, спокойно проследовали в непосредственной близи от Киева,

так как Угорское располагалось ниже по течению реки. «В. Пархоменко обратил внимание на одну важную деталь: убийца Аскольда и Дира (Олег) двигался к Киеву с юга, а не с севера. Это видно из того, что он вначале подошёл к Угорскому холму (Угорское). Оно было расположено на западном берегу Днепра к северу от позднейшего Печерского монастыря, примерно в 2 км к югу от Подола, приречной (деловой) части города».[122]

Можно ли представить такое, чтобы военачальники Киевской крепости не предусмотрели невозможность подобной ситуации в принципе? А Олег стал бы рисковать своим причалившем в Угорском небольшим (он не мог выглядеть более купеческого) отрядом притом, что связь и взаимодействие с оставшимися в засаде (уточним, что Олег находился в Угорском, а засада оставалась выше Киева по течению реки) значительно осложнилась, если не прервалась вообще? Невозможно поверить также и в то, что продвижение эскадры Олега из Новгорода вниз по Днепру, захват им городов и тем более Любеча, входившего в сферу влияния Киева, оставались тайной для Аскольда и Дира, имевших заслуженную славу опытных и храбрых воинов, но выставленных сейчас наивными простофилями.

Удивляемся мы и покорности киевлян, открывших убийцам своих князей ворота прекрасно укреплённой крепости — а ведь в городе находилась княжеская дружина. И если Олег опять прибегнул к хитрости, то в таком случае она должна была быть ещё более изощрённой, чем по отношению к Аскольду и Диру, и наверняка бы осталась в народной памяти. Дело, очевидно, в другом — в том, что киевляне видели в Олеге представителя действительно законной власти, наделённого правом судить и казнить. И вот как будет выглядеть рассказ с точки зрения предложенной парадигмы.

4

Двадцатилетнее успешное правление Аскольда и Дира Киевской Русью вплоть до появления у неё признаков государственности и укрепления международного авторитета, привели к естественному в таких случаях стремлению её руководителей обрести

[122] *Голб Н. Прицак О.* Указ. соч. С. 87.

независимость от метрополии, чему там, что также естественно, воспротивились. Но решать возникшую проблему просто силой на Тамани не хотели, видя в Аскольде и Дире серьёзных противников и боясь вовлечь Русь в большую гражданскую войну. Навести должный порядок с тем, чтобы в дальнейшем управлять Поднепровской Русью, поручили опытному и умеющему просчитывать ходы наперёд («вещему») военачальнику Олегу. Вот и сейчас он, взвесив все «за» и «против», решил для достижения поставленной цели использовать аргумент законности власти, для чего прихватил с собой совсем юного княжеского отпрыска Игоря. Расчёт был таким: на ближайшие 15 лет власть в Киеве в виде регентства над Игорем Олегу была гарантирована. Кроме того, во время проведения задуманной операции, представлявший законных наследников младенец, обязанный находиться постоянно при Олеге, не мог сболтнуть лишнего из-за неумения разговаривать.

Начальник Угорской крепости, узнав о приближающихся со стороны юга кораблях, ничего не заподозрил: сопровождение купеческих караванов было одним из основных занятий русов. Имитация впечатления немногочисленности воинов в данном случае не вызывает никаких нареканий со стороны военных специалистов. При подходе к Угорскому, когда Киев находился выше по течению реки, ничто не мешало Олегу «спрятать одних воинов в ладьях», а «других оставить позади». Естественным выглядело и приглашение Аскольду и Диру: «Придите к нам, к родичам своим».

«Когда же Аскольд и Дир пришли, выскочили все остальные из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: “Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода”, и показал Игоря: “А это сын Рюрика”. И убили Аскольда и Дира». И только теперь, подойдя со всеми своими воинами, которым незачем было скрываться, к Киевской крепости, Олег вышел на берег: “приступил, неся младенца Игоря”. «Аскольд и Дир, пытавшиеся нарушить закон предков, — сказал он стоящим на стенах киевлянам, — убиты, а законный наследник — вот он!». Недолго посовещавшись, жители города открыли ворота Олеговой дружине.

Таким образом, анализ приведенного летописного отрывка привёл нас к тому выводу, к каковому пришёл и известный историк В. Пархоменко: варяжский отряд во главе с Олегом приближался к Киеву с южной, а не с северной стороны.

5

В русских летописях нет прямого указания на то, что Олег вёл войны с хазарами. Вывод о том, что он «мстил неразумным», основывается на летописных сообщениях: «Победил Северян и не дал им платить дань хазарам, сказав: «Я им противник, а не вам».

«Послал к Радимичам, спросив: "Кому дань даёте?" Они же ответили: "Хазарам". И сказал Олег: "Не давайте хазарам, но мне давайте"».

Но потеря хазарами данников не могла не вызвать их реакции и, значит, русско-хазарского военного противостояния. Вместе с тем, имеющееся историческое свидетельство военного столкновения между росами и хазарами никак не связано с вопросом перераспределения дани.

Фрагмент текста, приведенного ниже, был обнаружен Соломоном Шехтером в Кембридже среди фрагментов Каирской генизы и известен как «Кембриджский документ». Этот документ, состоящий из двух листов, был обозначен Шехтером как копия письма хазарского еврея, адресованного Хасдаю ибн Шапруту, министру кордовского двора Абд ал-Рахмана. Письмо было написано примерно в середине X в. Мы обратимся к той части текста, которая описывает военный конфликт между русами и хазарами, спровоцированный византийским императором Романом Лакапином:

«Сверх того Роман послал большие дары Олегу царю русов, побуждая его на собственную беду. Он пришёл ночью к городу Самкерц и взял его воровским способом, потому что его правителя тогда там не было. Когда об этом стало известно командиру Песаху, он пошёл во гневе на город Романа и губил и мужчин, и женщин. И взял три города, не считая деревень большого количества. Оттуда он пошёл на город Херсонес и воевал против него».[123]

Приводим комментарий к указанному отрывку, сделанный Норманом Голбом: «Преследование Романом Лакпином евреев Византии создало проблемы для двух царств. Автор сообщает, что в ответ на эти преследования хазары стали преследовать христиан, проживавших в их стране. В свою очередь Роман искал помощи царя Руси Олега, которого он привлёк на свою сторону, послав ему обильные дары. Однажды ночью, когда военного правителя Песаха... не было в городе Самкерчь (Тмутаракань), Олег захватил и разграбил этот город. Пе-

[123] *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. С. 141.

сах, в свою очередь, узнав о нападении, начал военные действия против византийцев, завоевал три города и много деревень. После этого атаковал Херсон...».[124]

Но мы, разумеется, обратили внимание на несовпадение во времени существования Олега Вещего и Олега, атаковавшего Тмутаракань. Вот соображения по этому поводу Л. Гумилёва: «Затем выступили русы. Вождь их в источнике назван Х-Л-Гу (Хельгу, т. е. Олег), хотя по «Повести временных лет» в это время правил Игорь Старый. Если Хельгу — имя собственное, то это был тёзка Вещего Олега, но скорее это титул скандинавского вождя, т. е. имеется в виду сам Игорь, ибо Хельгу назван “царём Росии”».[125]

Таким образом, здесь идёт речь о другом, отличном от «Вещего» Олеге, имя которого нам предлагают воспринимать как «титул скандинавского вождя», но мы не задаёмся целью выяснить его настоящее имя — важнее понять другое: откуда русы пришли под стены Тмутаракани, для чего ещё раз обратимся к законам военной тактики.

Движение вышедших из устья Днепра и обогнувших Крымский полуостров русских судов не могло остаться незамеченным? Способ же, которым была захвачена Тмутаракань, автор письма называет «воровским» (Олег пришёл ночью, когда правителя города не было), как будто речь идёт о близких людях, вероломно ворвавшихся в соседний дом и знавших, что его хозяин отсутствует.

Заметим, что интересующая нас строка в первоисточнике может быть переведена и как «Роман послал большие дары Олегу — царю русов», и как «Роман послал большие дары Олегу — царю Росии», то есть имеется в виду расположенная вблизи от Тмутаракани и уже известная нам столица «Острова Русов» («От города Матарха до городы Русийи 27 миль») и русы, легко преодолев это расстояние, вполне могли напасть на Тмутаракань «воровским» способом, используя для этой цели корабли.

Таким образом (памятуя, что, согласно летописи, в середине X в. Тмутаракань ещё не принадлежала Руси), мы получили очередное свидетельство того, что деятельность русских князей была связана с районом Северного Причерноморья.

---

[124] Там же. С. 132.

[125] *Гумилёв Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. С. 193.

Святослав

1

Смерть князя Святослава Игоревича стала переломным моментом в истории российской государственности, но не потому что смерть руководителя государства всегда связана с какими-то переменами в его политике — здесь имело место другое: переход власти к иному этносу и коренное изменение религиозных установок. Это случилось сразу же после того, как в Киеве узнали о гибели князя на днепровских порогах, и, значит, в деятельности этой личности следует искать причину указанных перемен.

2

Для судьбы Святослава и будущего Киевской Руси определяющим стало сочетание двух факторов: быстрое распространение здесь христианства и, практически, постоянное отсутствие князя, беспрерывно воевавшего за пределами своих границ. Такое положение дел привело к тому, что на поступавшие к Святославу доклады об успехах новой религии, он реагировал пока что только угрозами в адрес её старых и новых приверженцев, считая одних совратителями, а других предателями веры отцов, раскалывающими общественное единство Руси. Основы проявившейся нестабильности князь, что вполне понятно, видел в славянской общине Киева, руководители которой, в свою очередь, понимали неизбежность, в конце концов, своего поражения в конфликте со Святославом, под чьим началом была одна из лучших армий того времени. Но поражение русов в Балканской войне и почти полное истребление их войска создали условия для переворота — такова объективная сторона дела; субъективная же в том, что обещания потерпевшего поражение Святослава расправиться с раскольниками и усматривавшего в своих неудачах месть старых богов, теперь были более, чем реальны. Иными словами, над христианской общиной Киева осенью 971 г. возникла угроза уничтожения. А смертельная опасность является, как известно, мощнейшим стимулом действия.

3

Но обратимся к тому отрывку летописи, где рассказывается о гибели Святослава: «Заключив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд: “Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги”. И не послушал его, и пошел в ладьях. А переяславцы послали к печенегам сказать: “Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа”. Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову, и тут перезимовал Святослав.

В год 972. Когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку. А всех лет княжения Святослава было 28».

Вооружившись логикой и представлениями о политической ситуации вокруг имени Святослава, нам предстоит выявить наиболее вероятную версию того, что же произошло на Днепровских порогах весной 972 г.?

Начнём с тех нескольких слов, сказанных Свенельдом Святославу перед тем, как их пути разошлись после заключения мира с греками: «И сказал ему воевода отца его Свенельд: “Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги”. И не послушал его, и пошел в ладьях».

Нам предстоит ответить на два вопроса:

1. Почему пути Святослава и Свенельда разошлись?

2. Где были сказаны эти слова: в устье Дуная, сразу же после ухода русов из Болгарии, или перед днепровскими порогами?

Совершенно очевидно, что ответы на поставленные вопросы взаимосвязанны и, в свою очередь, также имеют варианты.

1-я версия:

Всё оставшееся войско русов доходит до днепровских порогов и, обнаружив печенежскую засаду, Святослав решает отправить Свенельда в Киев за подмогой, не желая рисковать «многими богатствами и пленными без числа», которых удобнее было перевозить «в ладьях».

По этому поводу заслуживает внимания та строфа летописи, в которой говорится о том, что изнурённые голодом росы «по полугривне платили за конскую голову». Кому платили? — Не друг другу же?! Тот, у кого была «конская голова», не стал бы менять её на бесполезные в таком случае деньги. Продавцы, следовательно, приходили к русам извне, и если у Святослава действительно были богатства, взятые у греков в качестве трофеев, то ему было бы на что купить для верной дружины не только «конские головы». О бедственном положении отступивших от порогов росов печенеги, ждавшие своего часа, безусловно знали и не могли не понять того, что поняли мы: никаких «богатств и пленных без числа» у Святослава не было (и быть не могло: по условиям мирного договора русы оставляли Доростол и возвращали пленных. Греки обязались не препятствовать проходу русов к морю — устью Дуная и выдать каждому из них на дорогу по две меры хлеба).[126] Так что летописное сообщение о том, что печенегов соблазнили «богатством», не отвечает логике сложившейся ситуации. Да и совет Свенельда «обойти пороги на конях» в этом случае бессмыслен, коль скоро он знал, что Святослав не намерен преодолевать пороги до прихода помощи.

2-я версия:

Святослав предвидел, (а может быть, и знал наверняка), что в связи с поражением его армии в Киеве может возникнуть чрезвычайная ситуация. Он посылает Свенельда для предотвращения нежелательного хода событий с правом действовать от его (Святослава) имени. Князь и воевода расстаются сразу же после заключения мира, и Свенельд возвращается тем же путём, что и в 968 г., «когда пришли впервые печенеги на русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга в Киеве со своими внуками — Святослав с дружиною быстро сели на коней и вернулся в Киев».

Эта версия имеет в своей основе упомянутый выше назревавший конфликт между язычниками-русами и укрепившимися в Киеве славянами-христианами. Вместе с тем следует привести и мнение историков, чей подход к причине смерти Святослава полярен представленному, то есть тех, кто считает, что Святослав, сам христианин, стал жертвой заговора киевских противников принятия новой веры. Ос-

[126] *Лев Диакон.* Указ. соч. С. 81–82.

нования для таких выводов имеются. «После смерти Ольги правил ее сын Святослав, шедший по стопам матери в благочестии и христианской вере», — сообщает архимандрит Рагужский Мауро Орбини в своей книге, изданной в 1601 г. Надо понимать, что относительно российской истории Орбини не нужно было приспосабливаться к «власть предержащим» заказчикам, и поэтому приведенная цитата не придумана им, но взята, вероятно, из какого-то не дошедшего до нас источника.

В качестве основных аргументов того, что Святослав «шёл по стопам матери в благочестии и христианской вере», приводятся два:

1. Убийство князя Ярополка Святославича — ревностного сторонника христианства.

2. Восстановление в Киеве культа языческих богов.

Эти события произошли уже после смерти Святослава, а поскольку доподлинно известно кто стоял и за тем, и за другим, то напрашивающийся вывод однозначен: возможность распространения князем Святославом на Руси христианства была остановлена (точнее, приостановлена) проязыческой группировкой, возглавляемой князем Владимиром Святославичем. После того, как у Владимира «открылись глаза» и он крестил Русь, образ первомученика Святослава бросал тень на заслуги будущего равноапостольного князя, на что было указано «Нестору», и Святослав Игоревич так и остался навсегда врагом истинной веры.

Согласимся, что приведенные аргументы достаточно убедительны, и нельзя отбрасывать ту версию, что Святослав-христианин и, следовательно, мятеж в Киеве — антихристианский. Значит Свенельд, как известно, добравшийся до Киева, оказал содействие христианину Ярополку, коль скоро тот правил государством ещё почти восемь лет! Но как же могло такое случиться, что прошло полгода, как Святослав должен был бы возвратиться с войны, а ни наделённый властью Ярополк, разделявший, выходит, приверженность отца к новой вере, ни, что ещё более странно, верный соратник князя — Свенельд — и «ухом не повели» ради его спасения. Ведь речь идёт как-никак о главе государства, однако в летописи нет даже малейшего намёка на то, что, дескать, хотели спасти Святослава — да вот не получилось, и причину этому, более-менее похожую на правду, привести. Но ничего такого нет; похоже, в Киеве не очень переживали по поводу гибели великого князя и его дружины.

4

Нет, Святослав принадлежал всё-таки к лагерю веры отцов, и христианская община Киева не сомневалась в том, что ей предстоит испытать гнев проигравшего войну князя. Об этом прямо говорит Татищев: «Он же, видя их (христиан) непокорение, наипаче на презвитеры яряся, якобы тии чарованием неким людем отврасчают и в вере их утверждают, посла в Киев повеле храмы христиан разорити и сожесчи и сам вскоре поиде, хотя вся христианы изгубити».[127]

Тому же, что Святослав не порывал с язычеством, имеется ещё одно важное свидетельство. Оно принадлежит уже известному нам Льву Диакону — современнику той последней для Святослава войны с греками, после завершения которой он вскоре был убит печенегами. В подробном рассказе об упомянутой баталии этот автор, для которого вероисповедание росов не имело никакого значения, приводит множество описаний их откровенно языческого, без малейшего намёка на христианское «поведения», включая жертвоприношения младенцев.[128] Так что можно утверждать: на момент своей гибели Святослав, князь Киевский, поклонялся Перуну и Велесу.

Но и вторая версия, будучи убедительнее первой, также имеет «слабое» место, и чтобы понять какое, ещё раз обратимся к уже знакомому нам летописному отрывку. «А переяславцы послали к печенегам сказать: “Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа”. Услышав об этом, печенеги заступили пороги». Несомненно, что «переяславцы послали к печенегам» сразу же после отплытия русов из Доростола, но следует учесть, что между «послали» и «заступили» лежит отрезок времени не менее месяца пути от устья Дуная до среднего течения Днепра, включая преодоление порогов в заведомо опасных условиях. Если в Киеве возникла угроза переворота, Святослав никак не препоручил бы наведение порядка Свенельду, пребывая столь длительное время в совершенном неведении о положении дел в столице. Гораздо разумнее было бы сделать наоборот: самому поспешить в Киев, а Свенельду поручить оставшихся русов.

---

[127] Цит. по: *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 392.

[128] *Лев Диакон.* Указ. соч. С. 78.

5

Нет среди историков единства и по поводу месторасположения Белобережья. Казалось бы, в летописи совершенно определённо говорится, что Белобережье расположено вблизи от днепровских порогов: «И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился зимовать в *Белобережье*». Наиболее вероятно, что Белобережье — это древнее название современного острова Хортица — места, русам хорошо знакомого, где располагался тот самый знаменитый дуб, под которым они приносили жертвы своим богам. Такое предположение отвечает логике сложившейся ситуации. Подойдя к порогам и увидев, что они заставлены печенегами, Святослав отступает в ближайшее место, в котором, во-первых, он будет защищён от печенежской опасности и, во-вторых, откуда возможно будет, при появлении удобного момента, совершить бросок через пороги. Расположение острова Хортица отвечает этим условиям. Однако ожидаемая Святославом военная помощь из Киева не пришла, время было потеряно, Днепр замёрз и русы были вынуждены зимовать в Белобережье. Печенеги не решились атаковать Святослава — они понимали, что русы, зная об окружении, были настороже. Понимали они также и то, что к весне войско Святослава, лишённое подвоза продуктов, будет представлять намного меньшую силу, чем сейчас, в преддверии зимы. Расчёт печенегов оказался верным: когда лёд сошёл и Святослав, убедившись, что ему следует рассчитывать лишь на собственные силы, решил прорваться через пороги — хан Куря был тут как тут.

И, тем не менее, учёные при таких, казалось бы, убедительных аргументах в пользу идентификации Белобережья с островом Хортица, считают, что оно находилось на берегу моря: в устье Днепра (Д. Лихачёв), в устье Днестра (Л. Гумилёв), в устье Дуная (А. Сахаров). Такое убеждение о расположении Белобережья на морском берегу связано с 9-й статьёй договора 944 г. между росами и греками, в которой говорится: «Русские да не творят никакого зла Херсонцам, ловящим рыбу в устье Днепра; да не зимуют там, ни в Белобережье, ни у Св. Еферия, но при наступлении осени да идут в домы свои, в Русскую землю». Из приведенного договорного пункта следует, что:

1. Белобережье перечислено в одном ряду с пунктами, прилегающими к морю — устьем Днепра и Св. Еферием — островом

Алой, располагавшимся на морском пути «из грек» к крымским берегам.

2. Белобережье является предметом повышенного внимания и интереса греков.

Единственный вывод, вытекающий из отмеченного, тот, что речь идёт о возможной военной угрозе Византии со стороны моря. Но почему греки оговорили запрет зимовки русов в перечисленных местах? Очевидно, потому что русы могли сосредотачивать здесь «живую силу и технику» в относительной тактической близости от греков, и сразу же после зимних штормов напасть на них. Иными словами, важно представлять, что именно в Белобережье, именно зимовка, именно русов была для греков нежелательна и опасна — отсюда и особые условия этого в указанном договоре.

Для более полного понимания проблемы следует учесть то обстоятельство, что на рассматриваемый момент русы являлись стороной, проигравшей войну, и не могли себе позволить провоцировать греков. Во всяком случае, у Святослава хватило здравого смысла не сделать этого, что подтверждает греческий историк Лев Диакон — современник, а может быть даже, что важно, и участник описываемых событий. «Свендеслав оставил Дористол, вернул согласно договору пленных и отплыл с оставшимися соратниками, направив свой путь на родину. По пути (подчёркнуто мной. — *А. Г.*) им устроили засаду пацинаки (печенеги)... Они перебили почти всех росов, убили вместе с прочими Свендеслава, так что немногие из огромного войска росов вернулись в родные места».[129] Как видим, грекам ничего не известно о зимовке русов в Белобережье, что (если бы таковая и случилась) невозможно, исходя из особого интересе греков к этому месту. Не странно ли, что Святослав — серьёзный противник Византии, каждый шаг которого был без сомнения объектом её внимания, на долгих полгода был потерян ею из вида?

Но где же тогда находилось Белобережье? Если на берегу незамерзающего моря, то почему русы страдали от голода и болезней, имея в своём распоряжении ладьи (излишне говорить, что печенеги не могли блокировать русов со стороны моря)? Если на Хортице — то Белобережье не могло фигурировать в упомянутом договорном документе, потому что находилось вне пределов греческого влияния и

---

[129] Там же. С. 82.

контроля. Вот почему, пытаясь примирить выявленные противоречия, и Д. Лихачёв, и Л. Гумилёв, и А. Сахаров полагают, что в сентябре 971 г., обнаружив печенежский заслон, Святослав возвратился (хотя в летописи сказано «остановился») к устью Днепра (или к устью Днестра, или к устью Дуная), а в апреле 972 г. вновь поднялся к порогам, где и нашёл свою смерть. Из трёх предложенных версий локализации Белобережья наиболее вероятна «гумилёвская». Если бы Святослав был убит в устье Дуная — практически, в пределах Византии — греки, несомненно, знали бы подробности его гибели; что до устья Днепра, то оно, как мы помним, противопоставлено Белобережью: «Русские да не творят никакого зла Херсонцам, ловящим рыбу в устье Днепра; да не зимуют там, ни в Белобережье». Поэтому согласимся с мнением Л. Гумилёва, что Белобережье располагалось всё-таки на берегу моря, в районе Днестровского лимана.

6

Ну и что, после долгих и пространных рассуждений стали мы хоть на йоту ближе к пониманию того, почему Святослав «пошёл в ладьях», почему по его милости полгода дружинники умирали от голода и болезней, почему обессиленных людей он повёл на верную смерть? И как всё это вяжется со сложившимся у нас (и не безосновательно) образом Святослава — опытного, смелого и, судя по количеству побед (включая победу над сильнейшей армией Хазарского каганата) рассудительного военачальника?

Но, может быть, мы шли по ложному пути, придя к тем выводам, к которым нас и пытались подвести, представив смерть Святослава как результат его собственной излишней самоуверенности и недальновидности, вне всякой связи с теми отношениями, каковые возникли между князем и Киевом во время Болгарского похода русов: «И не послушал его и пошёл в ладьях.., остановился зимовать в Белобережье», — в общем, сам виноват, да ещё и людей загубил.

В свете приведённых выше рассуждений, доказывающих, что голодную стоянку в Белобережье можно было легко избежать, стремление Святослава преодолеть пороги выглядит, по меньшей мере, маниакальным. Такое количество ничем не объяснимых поступков князя может объясняться (простите за тавтологию) лишь одним: отсутствием правильного подхода к пониманию его действий.

Но попробуем подойти к эпизоду смерти Святослава с той позиции, что Киевской Руси предшествовала Русь Таврическая, располагавшаяся в районе Крыма и Тамани.

Сюда, на Боспор Киммерийский, а не в Киев прибыл греческий посланник патрикий Калокир и «завязал дружбу с катархонтом тавров, совратил его дарами и очаровал льстивыми речами... Калокир уговорил его собрать сильное войско и выступить против мисян (дунайских болгар) с тем, чтобы после победы над ними подчинить и удержать для себя страну для собственного пребывания, а ему помочь против ромеев в борьбе за овладение престолом и ромейской державой. За это Калокир обещал ему огромные, несказанные богатства из царской сокровищницы».[130]

А вот как описывает этот же эпизод также византиец Иоанн Скилица: «Тогда Никифор почтил достоинством сына херсонесского протевона и отправил его к правителю Росии Свендеславу, чтобы обещаниями даров и немалых почестей склонить его к нападению на болгар».[131]

Византийские авторы никогда не называют Русское государство Росией, но только и единственно Русью, поэтому у Скилицы под Росией нужно понимать то же, что понимают под надписью на печатке жены Олега Святославича — напомним: «...в титуле Феофании нет никакой двусмысленности. Он просто указывает, что жена Олега получила город Росию в своё владение...». Иными словами, на «Остров Русов» в располагавшуюся в устье Кубани город Росию, к Святославу был направлен его сосед — сын протевона херсонской фемы Калакир, который убедил князя росов начать войну с болгарами. Однако «мобилизационное предписание» касалось не только таврических росов, но и всех подвластных Святославу племён, как это было и есть в подобных случаях, как поступал и его отец в 944 г. «Игорь же совокупив вои многие: варягов, русь, и полян, и словен, и кривичей, и тиверцев, и печенегов и пошёл на греков в ладьях и на конях». Обратим внимание: «в ладьях и на конях». Так и сейчас: Святослав от Боспора — «в ладьях», а воевода Свенельд, «совокупив» в Киеве и условленных местах прочих, — «на конях». Также и возвращались после войны: Святослав — морем, а Свенельд — степью туда, откуда, как говорится, пришли.

---

[130] Там же. С. 44.

[131] Там же. С. 121.

Следует прислушаться к мнению тех авторов, которые утверждают, что согласие Святослава на предложение Калокира продиктовано его решением обосноваться на Балканах. Летопись убеждает нас в этом: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей», и далее следуют свидетельства тому, что Святослав решил обосноваться здесь всерьёз и надолго. Он уже начал налаживать торговые связи: «туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии — серебро и кони». И даже на Русь он смотрит уже как на соседнее государство: «из Руси же — меха и воск, и мёд, и рабы».

Вполне понятна и объяснима позиция Византии, не желавшей видеть у себя под боком тех, кто, и будучи отдалены, приносили ей достаточно хлопот, и греки предпринимали всё возможные средства: и военные, и политические, дабы спровадить нежеланных соседей. Хитроумный Калокир, зная о «балканских» устремлениях Святослава и его военных возможностях, решил использовать их к обоюдному удовольствию. Его предложение пришлось как нельзя кстати: русы помогают ему утвердится на греческом престоле, а взамен получают право на уже фактически занятую ими Преславу (Переяславец). Увы, очередной правительственный переворот в Византии и приход к власти талантливого полководца Иоанна Цимисхия не только разрушили планы союзников, но и привёли русов к непривычному для них поражению в войне и вынужденному отступлению.

Тем, кто пытается нас убедить в том, что, начиная с этого момента, перед Святославом стоит единственная цель: добраться до Киева и привести в исполнение прежние угрозы, придётся отказать в логике. В таком случае князь точно уж сам пошёл бы «на конях», а не посылал много впереди себя Свенельда, да и для чего? Чтобы тот предупредил киевлян о предстоящих расправах? Нет, перед Святославом стояла куда более важная задача: как можно быстрее восстановить силы — туда, к Боспору Киммерийскому, где строились и оснащались его суда, где вокруг были единоверцы и единомышленники, спешил князь.

7

В свете выявленных обстоятельств должны быть сняты обвинения со Свенельда в предательстве своего патрона. Некоторые авторы считают, что он не должен был оставлять Святослава, вознамерившегося

преодолеть пороги, заранее зная, что их «заступили печенеги». Но даже если Свенельд и был вынужден выполнить приказ, то почему не поспешил на помощь князю, обнаружив, что тот не вернулся в Киев вовремя? Высказывалось и то мнение, что совет «обойди пороги на конях» попал в историю со слов самого Свенельда, оправдавшего себя и обвинившего князя: дескать, не послушал — и вот результат. В пользу такой оценки роли Свенельда говорит и его дальнейшее благополучное пребывание в Киеве. Выражением чувства мести за смерть отца можно расценивать и убийство Люта (сына Свенельда) Олегом (сыном Святослава).

Но мы утверждаем, что разделение путей Святослава и Свенельда было естественным разделением отрядов, направлявшихся в разные стороны после окончания войны. Свенельд, возвращавшийся в Киев (Внешнюю Русь), посоветовал князю, возвращавшемуся на Тамань (Внутреннюю Русь), быть осторожным и пожелал ему благополучно добраться до места. Всё остальное — предположение летописца, представившего свою версию рассматриваемых событий.

О действительной причине и об обстоятельствах смерти Святослава знали очень немногие и уж, конечно, не Свенельд. Его осведомлённость в данном случае была не большей, чем у Льва Диакона: «По пути им устроили засаду пацинаки (печенеги)... Они перебили почти всех росов, убили вместе с прочими Свендеслава».

8

Если бы Святослав одержал победу над греками, то у христиан Киева была бы надежда на мирное сосуществование с князем-язычником. Во-первых, у него не было бы причины предъявлять претензии к их вере, и, во-вторых, перенос столицы в Преславу и обустройство новой территории отвлекли бы внимание Святослава от «киевских» проблем. В сложившейся же ситуации у противников князя были все основания опасаться расправы, пусть не сегодня — так завтра, и нельзя было допустить, чтобы это «завтра» наступило; задуманное следовало осуществить ранее, чем Святослав ступит на Таманский берег и восстановит утраченные силы. Обратились к печенегам. У этих тоже не было большого выбора в месте и времени для атаки на русов, но то, что ладьи сделают остановку в Белобережье, знали точно. Напали сразу же, как только русы спустились на берег, не успев выставить боевое охранение.

Местом гибели Святослава были не днепровские пороги, а Белобережье, по этой причине и попавшее в летопись, а не потому, что там, став жертвами упрямства своего вождя, зимовали русы.

Но почему в летописном рассказе фигурируют пороги? Всё объясняется тем, что ситуационной основой, которую летописец выбрал для описания смерти Святослава, стали слова Константина Багрянородного о том, что «когда росы с ладьями приходят к речным порогам и не могут миновать их иначе, чем вытащив свои ладьи из реки и переправив, неся на плечах, нападают тогда на них люди этого народа пачинакитов и легко (не могут же росы двум трудам противостоять) побеждают и устраивают резню».[132] Обратим внимание на стилистический приём летописателя: «Заключив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам». Сказано: не на родину отправился, не домой, а именно «к порогам». Пороги у Нестора становятся как бы символом безответственности Святослава, обязанного знать, что здесь печенеги «легко... побеждают». Поэтому Нестор и привёл сюда Святослава и убил его именно здесь — в другом случае пришлось бы придумывать объяснение, из которого могла бы выступить правда.

Нет, мы не спорим о том, что Святослав был убит печенегами, но утверждаем, что произошло это вскоре после ухода русов из Болгарии, по дороге к Боспору Киммерийскому, когда ладьи русов причалили на кратковременный, не нарушающий известный договор с греками, отдых к Белому берегу.

Владимир

1

Казалось бы, с гибелью князя Святослава христианство должно было восторжествовать в Киеве, тем более что Ярополк, оставленный на киевском княжении, поддерживал христиан. Но го-

[132] *Константин Багрянородный.* О русах, приезжающих из России на моноксилах в Константинополь // Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. М., 1934. С. 10.

сударственной религией Руси язычество продолжало оставаться ещё восемь лет. Владимир, став великим князем Киевским, лишь обновил капища идолов. А это означает, что вплоть до крещения Руси, то есть до 988 г., сохранялись и соответствующие атрибуты языческого культа, и институт языческих жрецов, которые, по всей видимости, должны были оказать сопротивление намерениям Владимира — вряд ли таковые могли сохраняться в тайне.

Но почему всё-таки, Владимир другим религиям предпочёл христианство? Те, кто свои взгляды на христианизацию Руси основывают лишь на летописных данных, представляют деяния Владимира по этому поводу как акт демократический. Вспомним, что согласно сообщению летописца, князя посещают «болгары магометанской веры», представители западной ветви христианства, евреи и, наконец, греческий священнослужитель с целью убедить его в преимуществах своего вероисповедания. Князь с каждым из них ведёт беседы, расспрашивает о сути их веры, высказывает свои соображения и, что важно, не принимает самостоятельно окончательного решения, но советуется с «боярами своими и старцами градскими». Те же, в свою очередь, высказали весьма разумную точку зрения: «своего никто не бранит, но хвалит». В конце концов, князь и его советники пришли к выводу о необходимости отправить специальное посольство в разные страны мира, чтобы иметь более полную и объективную информацию о каждой из представленных религий, а затем уж решать окончательно. Нарисованная летописцем картина действительно могла бы продемонстрировать непредвзятость киевского князя и его окружения при выборе религии, если бы не одно обстоятельство: члены упомянутого посольства уже были христиане, и не трудно догадаться о рекомендациях данных ими по возвращении на родину.

А вот с католическими посланниками Владимир обошёлся довольно-таки грубо: «Идите, откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого». Ни «Повесть временных лет», ни другие источники не дают никакого повода для объяснения подобной реакции Владимира на предложение католических послов — принять христианство по западному образцу, но российские историки основывают ответ князя на том факте, что в 961 г. ещё при Ольге и Святославе на Русь с миссионерской целью прибыл монах Адальберт, но был изгнан и, чуть было, не убит. Ничего удивительного, что язычники-русы так обращались с теми, кто покушался на их веру, но в то же время они весьма лояль-

но относились к православию. Более того, русы, судя по летописям, беспрекословно подчинялись княгине — православной христианке. Однако, бесспорен факт, что Адальберта и его сподвижников не просто вежливо выдворили за пределы государства, но выгнали, убив некоторых из них. Значит, жили на Киевской Руси те, у кого были причины ненавидеть католиков и не за теологические разногласия? Тогда за что? А за то, что предшественники Адальберта навязывали их предкам свою веру силой, а не принявших её изгнали с родной земли. Память об этом у тех потомков моравов и чехов, которые теперь образовали новую ветвь славян — восточную, была ещё свежа. С этой позиции и нужно понимать ответ Владимира католическим делегатам, его резкий тон и смысл, который гораздо более глубок, чем упоминание о недолгом, почти тридцатилетней давности визите на Русь рядового бенедиктинского монаха.

2

Одна из версий принятия Владимиром, а затем и всеми гражданами Киевской Руси христианства именуется «корсунской», поскольку в ней утверждается, что великий князь крестился именно в Корсуни, после взятия последней в результате шестимесячной осады весной 988 г. Предыстория приобщения Владимира к православию по «корсунской» версии такова (приведём её в изложении И. А. Заичкина и И. Н. Почкаева): «При Владимире отношения Киевской Руси с Византией отличались непостоянством. Сначала киевский князь был союзником византийского императора Василия II. Когда претендующий на императорский трон полководец Варда Фока возглавил восстание малоазийской знати против Византии, Василий II обратился к Владимиру за военной помощью. Владимир снарядил и послал через Болгарию к берегам Босфора 6000 воинов. В битве под Абидосом русская дружина сражалась отчаянно и сыграла решающую роль в разгроме Варды Фоки. Достаточно сказать, что тогда погибло около 2000 русских воинов. Однако Василий II не только не отблагодарил должным образом русских, но и приказал не пускать их в Константинополь и сразу же переправить в Болгарию.

Узнав от вернувшихся в Киев дружинников о таком неблагодарном поступке императора, Владимир решил проучить греков. Он пошёл в поход на город «Херсонес» (Корсунь) и после длительной

осады взял его. Отсюда он потребовал от Византии выполнить все ранее заключённые с Русью договоры: вывести войска из устья Дуная, заплатить дань воинам (живым и мёртвым), которые помогли Василию разгромить Варду Фоку, скрепить мирный союз между Русью и Византией брачным союзом Владимира и принцессы Анны, сестры Василия II и внучки Константина Багрянородного. Владимир предупредил греков, что в случае их отказа выполнить все его требования он пойдёт войной на Константинополь. Требования Владимира были удовлетворены с одной поправкой: чтобы стать мужем Анны, он должен принять христианство. Владимир ответил, что готов креститься. С трудом уговорили Анну ехать в Русь. Наконец, она согласилась и приехала в Корсунь. По словам летописца: «Владимир тот час крестился, был назначен во св. крещении Василием и после крестин пошёл с Анной к венцу... Вернувшись в Киев, Владимир приказал рубить и жечь все кумиры, а Перуна велел привязать к хвосту коня и стащить с горы в Днепр. Народ плакал, но князю не перечил».[133]

У Н. М. Карамзина «корсунская» легенда выглядит несколько иначе: «Владимир мог бы креститься и в собственной столице своей, где давно уже находились церкви и священники христианские, но князь пышный хотел блеска и величия при сем важном действии: одни цари греческие и патриарх казались ему достойными сообщить целому его народу уставы нового богослужения. Гордость могущества и славы не позволяла также Владимиру унизиться, в рассуждении греков, искренним признанием своих языческих заблуждений и смиренно просить крещения, он вздумал, так сказать, завоевать веру христианскую и принять её святыню рукой победителя. Собрав многочисленное войско, великий князь пошёл на судах к греческому Херсону... Завоевав славный и богатый город... российский князь ещё более возгордился своим величием и через послов объявили императорам, Василию и Константину, что он желает быть супругом сестры их, юной царевны Анны, или, в случае отказа, возьмёт Константинополь. Родственный союз с греческими царями казался лестным для его честолюбия... Василий и Константин, надеясь с помощью сильного князя российского спасти трон и венец, ответствовали ему, что от него зависит быть их зятем, что приняв веру христианскую он получит и руку царевны и царство небесное. Владимир уже готовый

[133] *Заичкин И. А., Почекаев И. Н.* Русская история. М., 1992. С. 45–46.

к тому, с радостию изъявил желание креститься. Херсонский митрополит и византийские пресвитеры совершили сей обряд торжественный, за коим следовало обручение и самый брак царевны с Владимиром... Великий князь, как верный союзник императоров, немедленно отправил к ним часть мужественной дружины своей, которая помогла Василию разбить мятежника Фоку и восстановить тишину в Империи».[134]

Как видим, два рассмотренных варианта «корсунской» версии крещения Руси принципиально отличаются друг от друга. Из первого варианта следует, что военная помощь грекам предшествовала крещению, а само крещение Владимира стало следствием выполнения условия, необходимого для бракосочетания с принцессой Анной. Согласно второму варианту — русский отряд был послан на помощь грекам уже после крещения и бракосочетания князя, а корсунский поход уже сам по себе был акцией хорошо продуманной и выполненной Владимиром, давно решившим принять новое вероисповедание из византийских рук и в то же время не желавшего попадать в зависимость от Константинополя.

Но как бы там ни было, а крещение Владимир принял «от греков» и можно представить ликование в их стане, притом что жертва, принесенная варвару в лице порфироносной принцессы, оказалась не напрасной. Но что это? «Мы, наверное, знали бы дату крещения из византийских источников, но в них о крещении не говорится. Введение христианства в целом государстве Константинопольским патриархатом, акт государственно важный для политики и дипломатии Византии, её церкви, оказался не зафиксированным в империи. Невероятность этого настолько очевидна, что отсутствие таких сведений — «нулевой» вариант X в. — превратилось в аргумент католических теологов в пользу того, что крещение Руси — дело западных миссионеров... Возникает догадка, что византийские источники молчат о крещении Владимира и Ольги, потому что ни то, ни другое не осуществлялось Константинополем».[135] Так, может быть, и не было никакого похода Владимира на Корсунь, и всё это плод фантазии провизантийски настроенного «заказчика» летописи, анологичный рассказу о «призвании варяг», о мести Ольги древлянам и т. п.?

[134] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 104.
[135] *Прошин Г.* Второе крещение // Как была крещена Русь. М., 1989. С. 135.

Что до крещения Владимира в завоёванной им Корсуни, наверное, так оно и есть, а вот факт военных действий Владимира в Крыму — это событие вполне реальное. Но цель его была иная и даже более важная для Киевской Руси, чем принятие новой веры: окончательное освобождение зарождающегося восточнославянского государства от росской зависимости. Христианство никуда, как говорится, не убежало бы, а вот окрепни Таврическая Русь после поражения в Балканской войне, соберись она с силами — неизвестно, куда бы завела крутая и скользкая тропа истории потомков моравов и чехов, захвативших власть в Киеве. Продолжение славянской Киевской Руси было возможно лишь после военной победы над Русью Таврической, потому что русы, во-первых, конечно, попытались бы вернуть законно принадлежавшие им Приднепровские территории и, во-вторых, и в самом Киеве и других городах Киевской Руси было достаточное количество людей настроенных прорусски — с этим обстоятельством также приходилось считаться. И славяне считались: они «успокоили» русов, обновив пантеон языческих богов, в котором первое место было отдано росскому Перуну.

Много важных и нужных дел совершил Владимир для Киевской Руси, но, пожалуй, важнейшим из них был его поход в Крым, а затем уж крещение Руси, ставшее возможным лишь после захвата Росии и Тмутаракани и оттеснения части росов в степные районы Чёрного и Азовского морей.

Официально признанная цель корсунского похода Владимира — реакция князя на обидное обхождение греческих императоров с русскими воинами, помогшими им удержаться у власти, вызывает сомнения и по другой причине. Почему местом приложения княжеской мести стал Херсонес, если, как писал Н. М. Карамзин, «сей торговый город, построенный в самой глубокой древности выходцами гераклейскими, сохранял ещё в X в., бытие и славу свою, несмотря на великие опустошения, сделанные дикими народами в окрестностях Чёрного моря, со времён Геродотовых скифов до казаров и печенегов. Он признавал над собой верховную власть императоров греческих, но не платил им дани, избирал своих начальников и повиновался собственным законам республиканским».[136] Херсонес, по сути, не был «болевой точкой» для Византийской империи, и доказательство

[136] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 105.

тому налицо: летопись подчёркивает длительность осады Херсонеса (не менее шести месяцев), и за это время в метрополии и пальцем о палец не ударили, чтобы как-то помочь попавшим в беду соплеменникам. Греков, сообщает летописец, испугала не возможность взятия Владимиром Херсонеса, а его угроза захватить Константинополь, но угрожать Константинополю великий князь мог и из Киева, даже с большим впечатлением на греков: всё-таки поход в Крым требовал затрат и материальных, и физических. Кроме того, военная судьба весьма капризна и переменчива — славяне могли и не победить в Крыму. Следовательно, вывод о том, что корсунский поход Владимира имел своей целью единственно захват Корсуни, дабы «завоевать веру христианскую и принять её святыню рукой победителя» не подтверждается: следует говорить о подчинении Тавриды.

И только теперь, утвердившись в Таврии, Владимир ощутил себя истинным хозяином положения и главой государства. Поняли это и в Византии, заключившей всего шесть лет назад мирный договор с тавроскифами — росами: с радостью и безо всяких условий согласились там на брак сестры императора Василия II с первым лицом Киевской Руси. Ещё раз подчеркнём: если бы сватовство к Анне стало действительной причиной крещения Владимира, а затем и всей Руси, греческая церковь придала бы этому факту должное значение, однако в греческих источниках об этом нет ни слова.

3

Но и сама дата крещения Руси как будто бы точно указанная летописцем — 988 г., оказывается тоже сомнительной. Если крещению Руси Владимиром предшествовало его собственное крещение в Корсуни, то следует обратить внимание на сообщения арабских и византийских источников, что взятие Владимиром Корсуни совпадает по времени с появлением в небе «огненных столпов». Дата появления «огненных столпов» известна точно: 7 апреля 989 г. Значит, или русы приняли христианство ещё до того, как их князь был крещён в Корсуни, или летописец ошибся на год или на два, или не крестился Владимир в Корсуни... И тут невольно возникает вопрос: а почему были такие сложности с канонизацией Владимира, почему византийская церковь так упорно отказывала множеству обращений по этому поводу и русских князей, и русской церкви? Ведь Владимир стал Вла-

димиром Святым только в 1240 г. по личному указанию Александра Невского, да и то лишь в Новгородской церкви. Или не Владимира это заслуга — крещение Руси?

После битвы под Любечем в 1016 г., потерпевший поражение Святополк, прозванный впоследствии Окаянным, бежал в Польшу, а победивший — новгородский князь Ярослав, прозванный впоследствии Мудрым, захватил Киев. Летопись сообщает, что дружинники Ярослава «погоре церкви», то есть, говоря современным языком, предали огню христианские храмы. Напрашивающийся вывод — в указанный период новгородцы продолжали оставаться язычниками, использующими те же методы, как и тридцать лет назад. Добрыня внедрял в их умы православие, которое, как видим, в Северной Руси не прижилось. В чём же причина того, что один и тот же этнос, прошедший акт крещения в одно и то же время, живший в единой стране, совершенно по-разному отнесся к новой религии, одни восприняли её, а другие отторгли? В том, что Киев уже более ста лет был сначала прибежищем, а затем родиной потомков западных славян, бежавших от католических мечей из центра Европы, а Новгород, в котором славян было значительно меньше, продолжал традиции русов и, в первую голову, — веру в Перуна, которого некоторые историки и любители истории ошибочно считают верховным божеством древних славян.

Ещё раз скажем о том, что к официальному моменту крещения, Киев давно уже был в своём большинстве христианским, так что крестили действительно тех немногочисленных русов, каковые на тот момент в Киеве проживали и не могли оказать никакого сопротивления загнавшим их в Днепр княжеским дружинникам. В Новгороде всё обстояло совершенно иначе: там пришлось применять силу, присланную, по всей видимости, из стольного города.

4

Владимир — ключевая фигура в истории Российского государства, и для полноты восприятия этой личности следует привести мнение тех, кто считает, что Владимир — изначально славянский предводитель. Такое заключение основывается на исследованиях выдающегося русского историка А. А. Шахматова, утверждавшего, что «“Повесть временных лет” имеет в своей основе болгарские летописи». Что же стоит за этим выводом? Не только то, что описание со-

бытий, случившихся на Руси в IX–X вв., взято восточнославянскими летописцами у болгар, но и то, что из «болгар» на русскую почву были перенесены события, у восточных славян не случавшиеся. Так, например, известные слова Святослава «мёртвые срама не имут» пришли в «Повесть временных лет» из болгарских источников. Эти же источники сообщают, что в конце IX в. сын хана Бориса, при котором болгары приняли христианство по православному образцу, пытался восстановить язычество, но встретил сопротивление знати. Звали этого болгарского князя... Владимир. Следуя этой логике, можно предположить, что и летописный рассказ об укреплении Владимиром Киевским язычества также взят у болгар с целью усиления впечатления от будущего «прозрения» крестителя Руси, который, по всей видимости, не был сыном Святослава, а происходил из моравского княжеского рода и был ставленником той группировки, способствовавшей гибели Святослава и, в конце концов, захватившей власть в Киеве.

О граде Тмутаракани

Хазарскому походу Святослава в русской истории придаётся важное значение. В подавляющем большинстве работ, посвящённых войне с Хазарией, князь киевский представлен как мудрый политик и выдающийся полководец. Политические заслуги Святослава усматривают в том, что он избавил русское государство от тяжкого бремени дани, уплачиваемой хазарам, создал условия и плацдарм для усиления Киевской Руси в Северном Причерноморье и на Кавказе, значительно улучшил и упростил условия торговли с греками и закаспийскими странами, дальновидно присоединив хазарский город Тмутаракань и окружающие его земли к Руси. Такие политические успехи стали возможными, разумеется, после успехов военных, а Хазарский каганат был противником весьма серьёзным — достаточно сказать, что, по мнению многих учёных, Хазария сдержала натиск на запад мусульман, завоевавших к тому времени полмира. Поэтому немного разочаровывает слишком уж лаконичное сообщение в летописи о «хазарском походе» Святослава: «В год 965. Пошёл Святослав на

хазар. Услышав же хазары вышли на встречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар и столицу их и Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов».

Но даже эта краткая информация стала основой для далеко идущих выводов. Вот что пишет, например, академик Б. Рыбаков: «Русские войска воевали в Волжской Болгарии, в земле буртасов и в Хазарии, где взяли Итиль и древнюю столицу каганата — Семендер на Каспийском море. Затем были покорены народы Северного Кавказа — ясы (осетины) и касоги (адыгейские племена). Поход был завершён на Таманском полуострове, который с этого времени стал русской Тмутараканью, очевидно, на обратном пути был взят Саркел (Белая Вежа) на Дону, и Святослав оттуда пошёл не прямо на Киев, а обходным вятическим путём на север... для того, чтобы миновать приднепровские кочевья печенегов».[137]

В приведенном осмыслении Б. Рыбаковым летописного сообщения о «хазарском» походе росского князя Святослава ощущается неуверенность автора в соответствии этого сообщения действительности: слишком уж сумбурным выглядит путь Святослава. Сначала, двинувшись из Киева на Итиль, он выигрывает генеральное сражение и захватывает хазарскую столицу, затем, спустившись на юг, подчиняет ясов и касогов, оккупирует Тмутаракань, далее, преодолев расстояние от Тмутаракани до нынешней Рязани, то есть, поднявшись на север, налагает дань на вятичей («В год 966. Вятичей победил Святослав и дань на них возложил»), «взяв по пути Саркел», который почему-то оставил без внимания, направляясь в Итиль. Причём этот последний участок пути был проделан, «чтобы миновать приднепровские кочевья печенегов», в каковых русский князь не видел никакой угрозы в начале своего предприятия, когда двинул своё войско на хазар. Такое решение совершенно не соответствовало характеру Святослава: во главе победоносного войска он якобы проявляет разумную осторожность, а всего через несколько лет с изнурённым остатком дружины, возвращаясь из Болгарии, не внимает советам опытных соратников — обойти печенежские заставы на Днепровских порогах — и гибнет. Кроме того, нет никаких указаний на то, что печенеги в то время враждовали с Русью. Напротив, «росы озабочены тем, чтобы иметь мир с пачинакитами. Ведь они покупают у них ко-

---

[137] *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 377.

ров, коней, овец и от этого живут легче и сытнее, поскольку ни одного из упомянутых выше животных в Росии не водилось. Но и против удаленных от их пределов врагов росы вообще отправляться не могут, если не находятся в мире с пачинакитами, так как пачинакиты имеют возможность — в то время, когда росы удалятся от своих [семей], — напав, все у них уничтожить и разорить. Поэтому росы всегда питают особую заботу, чтобы не понести от них вреда, ибо силен этот народ, привлекать их к союзу и получать от них помощь, так чтобы от их вражды избавляться и помощью пользоваться».[138]

Обострение отношений произошло лишь через несколько лет после дипломатических ухищрений Византии и как результат Балканской войны. Возникает резонный вопрос: откуда уважаемый учёный почерпнул сведения о взятии славянами Семендера? Сказано «столицу», а не «столицы», а столицей Хазарского каганата на ту пору был богатый Итиль, а не второстепенный Семендер. И почему Святослав решил взять Саркел (Белую Вежу) на обратном пути? Чтобы дать хазарам вновь собраться с силами? Нет никаких сведений и о наложенной победителями на завоёванные города дани, что, как правило, подчёркивалось летописцем. Нет сведений и о том, что где-либо на территории Хазарии оставались росские гарнизоны.

Да и, собственно говоря, Хазарский поход росов не был столь масштабным и судьбоносным, каковым его пытаются представить. Определение «разгром», которое по этому поводу любят применять российские историки здесь не совсем уместно, так как известно, что каганат ещё существовал в конце X в. Историки, например, А. П. Новосельцев, выражают сомнение и по поводу взятия Святославом его столицы Итиля: «В изданиях Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской первой летописи градом названа Белая Вежа. Однако в некоторых изданиях «ПВЛ» статья передана иначе: «град их и Белу Вежю взя»; в «Памятниках литературы Древней Руси» дается современный перевод: «и столицу их и Белую Вежу взял». Слово «град» в древнерусском языке означало первоначально всякое укрепленное (огороженное) поселение, а затем город вообще. Так что переводить в данном случае «град» как «столица» неточно. Неверно это и исторически, ибо хазарская столица Атиль была взята русами три-четыре года спустя.

[138] См.: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М.: Наука, 1991. С. 5.

Одним словом, «ПВЛ» не содержит указаний на уничтожение Хазарского государства в 965 г., а лишь говорит о поражении хазар, потере ими Саркела и земли вятичей, а также о каких-то военных действиях Святослава в Подонье и Прикубанье».[139]

Что до Тмутаракани, то она вообще летописцем не упоминается, сказано лишь о победе над ясами и касогами, и то обстоятельство, что их земли соседствовали с Таманским полуостровом, никак не может служить доказательством захвата русами города на восточном берегу Керченского пролива.

Но почему Б. Рыбаков (и не только он) так настойчиво пытается убедить нас в обратном, почему Тмутаракань у него фигурирует среди захваченных Святославом хазарских городов, несмотря на отсутствие летописного на то указания? Да потому, что нет иной причины для объяснения того факта, каким образом Тмутаракань становится вдруг частью Киевского государства, а Таманский полуостров объявляется одним из русских княжеств?

В школьных учебниках по русской истории можно прочитать, что присоединение Тмутаракани к Киевской Руси есть акт, демонстрирующий упомянутую политическую дальновидность Святослава, получившего вместе с Тмутараканью «ключи» к торговой двери Востока, находившиеся до этого времени в руках «неразумных» хазар: отныне для восточнославянских купцов был открыт беспошлинный путь в Персию, Индию, Китай.

Да, Тмутаракань действительно была важным торговым центром, но давайте разберёмся — для кого и в каких случаях?

Не стоит говорить о торговле Киева с Византией, Ближним Востоком, Европой. Здесь Тмутаракань совершенно не при чём, а вот к торговле с Востоком она имела прямое отношение. Но обрели ли киевские купцы желаемую независимость от каганата, после отторжения от последнего Тмутаракани?

Отправляясь на восточные рынки, киевские купцы грузили свои товары на ладьи и спускались вниз по течению Днепра, преодолевали опасные днепровские пороги, затем продолжали путь по Чёрному морю. Обогнув Крымский полуостров, входили в море Азовское, затем поднимались вверх по течению Дона к тому месту, где он наиболее

[139] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. Гл. «Падение Хазарского каганата».

близко подходил к Волге, — здесь предстоял волок, то есть, суда перетаскивали посуху, далее спускались по Волге к Итилю, от Итиля — по Каспийскому морю, и от его южного или юго-восточного берега — на шумные базары Востока. Этот путь вполне можно назвать водным, но был и другой путь, так сказать, комбинированный: посуху из Киева в Итиль, а затем по Каспийскому морю и т. д. Не будем подробно рассматривать преимущества и недостатки каждого из двух возможных вариантов. Первый, очевидно, считался более долгим и тяжёлым, но менее опасным, второй — короче и проще, но с большей вероятностью быть ограбленным, так что купцы взвешивали многие обстоятельства прежде чем выбрать дорогу. Мы же обратим внимание на то, что и в том, и в другом случае купеческие караваны сходились в одной точке: всё в том же Итиле и здесь, в хазарской столице, конечно же уплачивали проездную пошлину за возможность дальнейшего продвижения в любую сторону. Таким образом, становится совершенно непонятным, зачем Святославу понадобилась Тмутаракань, в то время как его государству нужен был Итиль, а он, как выяснилось, как раз и не был захвачен. Иными словами, присоединение к восточнославянскому государству таманских земель и образование с этой поры Тмутараканского княжества не может быть объяснено как результат хазарского (965 г.) похода Святослава, коль скоро этот поход имел своей целью освобождение русской торговли от хазарской зависимости. Обладание Тмутараканью, как мы убедились, совершенно не решает этой задачи. Поэтому Тмутаракань и не упомянута в летописном списке хазарских побед Святослава — за ненадобностью. Итиль, а не Тмутаракань был той узловой точкой, в которой сходились многие караванные тропы, и через которую пролегал знаменитый и самый протяжённый купеческий маршрут того времени: Кордова–Китай.

Объективные преимущества Итиля никак не умаляют роли Тмутаракани, как важного торгового центра, но важного более для самой хазарской торговли со странами, расположенными западнее и южнее каганата — здесь значение Тмутаракани действительно велико. Тем более нужно отдать должное хазарским администраторам, понимавшим значение торговли для положения дел в государстве и сделавшим поэтому город на восточном берегу Керченского пролива беспошлинным. Вспомним, что имя Тмутаракань — это уже приспособленное к русскому произношению хазарское название города: «Тамар-Тархан», что может быть истолковано в тюркских наречиях, как «командир (намес-

тник), освобождённый от пошлин». Выражаясь современным языком, Тмутаракань была зоной свободной торговли — нынешние руководители государств, желая привлечь к себе товары и инвесторов, поступают точно так же, как это делалось и тысячу лет назад.

Таким образом, преломив вопрос о причинах вхождения Тмутаракани в состав Киевской Руси через призму нашей парадигмы, мы ответим на него без особых затруднений: к середине X в. Хазарский каганат пришёл в упадок и близкая к росам Тмутаракань попала под их зависимость, так что Святославу не нужно было её ни у кого отвоёвывать — она и так принадлежала ему. Хазарский поход Святослава был не более, чем демонстрацией силы, имевшей своей целью закрепить подчинение Тмутаракани и других территорий, отошедших от Хазарского каганата к Руси.

Из варяг в греки

«Когда же поляне жили отдельно по горам этим (Киевским горам), тут был путь из Варяг в Греки и из Греков по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское».

Упоминание в «Повести временных лет» пути «из Варяг в Греки и из Греков по Днепру» является важным аргументом при рассмотрении различных аспектов существования первого восточнославянского государства. Уже само по себе то обстоятельство, что главной составляющей этого пути была река Днепр, в серединной части которой и располагалась Киевская Русь, доказывает, что последняя не могла не быть активным участником международной торговли со всеми вытекающими отсюда последствиями.

С другой стороны, тот факт, что нынешнее Балтийское море в древности именовалось Варяжским говорит о том, что варяги не были некой незначительной этнической группой, но представляли собой хорошо известный, по крайней мере, в Европе, народ.

Вместе с тем мы знаем, что уже первые исследователи «ПВЛ» обнаружили совершенное отсутствие сведений об обитавшем где бы-то ни было народе или племени, именовавшемся варягами, и то, что Байер «нашел лишь единственно приближенно напоминающее «варяг» слово «вэрингьяр» (vasringjar), упоминающееся в древних северных источниках только для обозначения «наемных телохранителей византийских императоров».

Кроме того, днепровская водная дорога была далеко не самой удобной, если учесть, что её нижнее течение на протяжении почти пятидесяти километров до недавнего времени перегораживали пороги — огромные скалы, преодоление которых было не только делом весьма тяжёлым, но и опасным: «когда росы с ладьями приходят к речным порогам и не могут миновать их иначе, чем вытащив свои ладьи из реки и переправив, неся на плечах, нападают тогда на них люди этого народа пачинакитов (печенегов) и легко (не могут же росы двум трудам противостоять) побеждают и устраивают резню», — рассказывает греческий император Константин Багрянородный.

Поэтому вышеизложенное вызывает сомнение не в теоретической возможности, а в практическом существовании именно торгового пути «варяги–греки–варяги». Такому сомнению имеется и материальное подтверждение: «Когда мы говорим о летописном пути из «варяг в греки», — пишет профессор В. В. Мавродин, — нам обычно представляется путь, соединяющий Скандинавию и Византию, идущий транзитом через Русь. Такое представление традиционно, но неверно. Ни византийские источники, ни скандинавские саги ничего не говорят о постоянной и регулярной торговле норманнов в Царьграде. Византия не знала «норманнских» товаров, как Скандинавия почти не знала византийских. На Готланде, который вел обширную торговлю, найдено около 67 000 арабских, английских, германских, польских и прочих монет VIII–X веков, и среди них только 180 византийских, то есть около 0,25 %! В роли купцов в Константинополе скандинавы никогда не выступали».[140]

Но как понимать в таком случае то, что как раз на «купеческой» легенде основывается ухищрение Олега (себя и своих спутников он выдал за купцов, идущих «в греки») во время захвата им Киева — и,

[140] *Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., Изд-во МГУ, 1977. С. 47.

ведь, Аскольд и Дир поверили ему. Если бы мы не знали того, что знаем сейчас, то очередной раз могли бы упрекнуть Нестора, мягко говоря, в непоследовательности. Но коль скоро нам известно, что русы компактно проживавшие в Приильменье и Поднепровье, прозывались варягами, то очевидно, что и путь, по которому они добирались от устья Невы к устью Днепра и далее в Византию, назывался ими «из варяг в греки», а юго-западная часть Балтийского моря именовалась Варяжским подобно тому, как северо-восточная часть Чёрного моря — Русским.

Иными словами, Нестор использовал, так сказать, внутреннюю топонимику и гидронимику, то есть употребляемую самими русами, и им хорошо понятную, не имея в виду того, что его «повесть» будут сравнивать с другими источниками, в каковых определение «варяг» не встречается. Мы же получили очередное доказательство обоснованности летописных сообщений с учётом, разумеется, принятой парадигмы.

Итоги

1

Почему при том обилии информации о существовании народа Русь на юго-востоке Европы, этот факт не стал предметом серьёзного разбирательства со стороны историков? Такой вопрос тем более уместен, когда со всех сторон мы слышим, что «Повесть временных лет» вплоть до момента крещения Руси самыми авторитетными учёными признана «не заслуживающей доверия». Уже само по себе это обстоятельство должно было бы стимулировать выдвижение гипотез, представляющих более последовательные и логически выверенные версии происхождения российской государственности. Разве не показательно уже известное нам высказывание С. М. Соловьёва: «...название русь было гораздо более распространённым на юге, чем на севере и что по всем вероятностям, русь на берегах Чёрного моря была известна прежде половины IX в., прежде прибытия Рюрика с братьями». Не на пустом же месте сделан был выдающимся российским историком такой вывод?

2

Если под историей понимать не простое перечисление событий, но их причинно-следственные связи, то история, как наука, всегда субъективна, поскольку преломляется через личностное восприятие историка. История же, пишущаяся под контролем «свыше» — ещё и политизирована, становясь инструментом влияния в руках «власть предержащих», для того её (историю) как раз и использующих, чтобы власть свою «предержать» как можно дольше, поэтому исторические факты, ими оцениваемые, зачастую или существенно искажаются или просто замалчиваются. Умные правители никогда не пускают всё, что связано с историей на самотёк и тщательно перепроверяют каждую представленную им строку, а иногда, не доверяя и этому, сами берутся за перо, создавая нечто вроде «Краткого курса истории КПСС». Отсюда становится понятным, что исследователи для выявления истинности какого-то исторического факта, обязаны обращаться не только к самому факту, но и выяснить по возможности всё, что связано с личностью о нем сообщившей и в первую очередь о её политических пристрастиях и зависимостях.

3

Первым куратором «Повести временных лет» считают Ярослава Владимировича, у которого, якобы, были основания выводить свой род от норманнов из соображений династических браков с представителями европейских королевских фамилий. Его дочери стали королевами: Анна — французской, Елизавета — норвежской, а затем датской, Анастасия — венгерской. Возможно, и сам, посватав шведскую принцессу Ингегерду, сын Красного Солнышка решил, что дорогому тестю королю Олафу будет вдвойне приятней, когда он узнает, что родословная гордых русских князей восходит к не менее гордым викингам. Но если, как утверждают практически все учёные, начальные строфы «ПВЛ» стали следствием стремления «верхов» обосновать свои норманнские корни, то те, кому эти строфы предназначались, должны были знать о варягах. Но, тем не менее (в который уже раз повторимся) варяги ни разу в скандинавских преданиях не упоминаются, и нужно было сначала объяснить Ингегерде и Олафу кто такие варяги, а затем уже убедить их в том, что они с ними «одной

крови». Поэтому с князя Ярослава Владимировича (напомним, что его величали «Мудрым») должно быть снято подозрение в подтасовке исторических фактов из желания понравиться шведской принцессе. Кроме того, если знать, что Гаральд, принц норвежский, который искал руки дочери Ярослава Елизаветы, сначала поступил на службу к Ярославу, затем был послан им служить в Царьград, и только по возвращении «со славою» женился на Елизавете и стал норвежским королем Гаральдом II, то можно заключить, что Ярослав не ставил свой род ниже норвежского, и по этой причине он не стал бы делать столь существенные исправления в истории своего государства. Не было таковых причин и у последующих, имевших влияние на летописцев, великих князей Киевских, которые иногда излишне выпячивали свои личные заслуги в трудах и сражениях на благо отечества, не забывая при этом очернить своих противников — но не более того. Например, борцом и страдальцем, «много пота утершим за землю Русскую», предстал перед потомками Владимир Всеволодович (Мономах), но летопись, понятное дело, молчит о незаконном захвате им власти в Чернигове, приведшем к кровопролитным междоусобным войнам, в которых участвовали и призванные Мономахом половцы — те самые, которыми он через летопись попрекал Олега Святославича — законного наследника Черниговского стола, но не имевшего возможности рецензировать летописные откровения двоюродного брата.

4

Задавшись целью выяснить кто, когда и для чего корректировал историю какого-то государства, следует, прежде всего, обратиться к революционным моментам его существования, к сути реформации, к лицам её осуществляющим и тогда мы найдём ответ на заданный вопрос.

В интересующий нас период в Русском государстве реформационным моментом было крещение Руси, за которым стоит не только факт изменения государственной религии, но и переход власти в руки её представителей христиан-славян. За всем этим — князь Владимир Святославич, олицетворявший новую политическую и религиозную волю в Киеве. И на вопрос: «Кому выгодно?» ответим: «Ему», потому что история — это ещё и средство агитации, и невозможно существование новой политики без переоценки истории.

Но к чему тогда все эти летописные «церемонии» с призванием варяг, почему бы Владимиру не начать сразу же со славян? Да потому, что везде и всюду Среднее Поднепровье связывали с русами, а такого народа среди славян уж точно не было, и с этим обстоятельством приходилось считаться.

5

Шесть веков никто не сомневался в том, что всё, изложенное в «Повести временных лет», правда. А если бы и сомневался, то в любом случае при Рюриковичах история по понятной причине пересмотру не подлежала. Романовым, в чьих жилах после Елизаветы Петровны русской крови практически не было, хватило ума понять, что их этническая близость к Рюрику хоть как-то освящает правомочность их правления славянами. У руководителей большевиков к отечественной истории не было никаких претензий. Российские самодержцы дали им достаточно оснований для легитимации всякого рода терроров и чисток, поэтому они ограничились лишь перемещением акцентов, превратив бандитов в борцов за свободу народа, а патриотов — в «контру». Демонстрируя верность традициям, «Повесть временных лет» решили сохранить с условием извлечения из неё доказательств «славянства» русов, а любые попытки обратного заканчивались для новаторов в лучшем случае отлучением от науки.

С иностранными источниками поступали двояко. Они или вообще не пересекали границ СССР, или, когда такое было невозможно (например, работы древних авторов), их переводы объявлялись неправильными или неточными. Взять хотя бы хорошо знакомый нам отрывок из «Истории» Льва Диакона, из которого следует, что родиной и Игоря, и Святослава был Боспор Киммерийский — вот к нему комментарий в русском переводе этой книги: «Эти слова дали многим историкам пищу для предположения о существовании приазовской Руси. Но данная гипотеза зиждется лишь на неточности перевода, как латинского — Газе, так и старого русского — Попова». Но обойти совершенным молчанием очевидное невозможно и далее следует: «Однако Д. Л. Талис считает, что Боспор недаром связывался в сознании Льва Диакона с Русью: ведь арабские писатели называют Боспор Росией, и это далеко не единственный топоним с корнем «рос» в Крыму. Тогда по-новому встал бы вопрос об употреблении к русским эт-

нонима «тавроскифы». Но комментатор понимает, что далеко зашёл и поправляется: «Впрочем, археологических свидетельств русского присутствия в Крыму до конца X в. нет».[141] Разумеется, нет, — добавим от себя, — если в таврических русах видеть славян.

6

Итак, подведём краткие итоги. Наиболее правдоподобной выглядит гипотеза, где росы в этническом плане рассматриваются как одно из племён того, обитавшего на юго-востоке Европы народа, который был известен как киммерийцы, а затем скифы, сарматы, готы. Асы (аланы), свены, иверы, росомоны и многие другие — это, в свою очередь, имена племён, на которые по вполне понятным и естественным причинам разделялся восточноевропейский суперэтнос. Древние росы (народ рос), обитавшие на севере Таманского полуострова — одно из таких племён. Предки росов появились в Северном Причерноморье не позднее второй половины II тысячелетия до н. э. и, возможно, относились к тому же суперэтносу, что и «народы моря», атаковавшие Египет в XIII в. до н. э. И так же, как этруски, называвшие себя русенами, осели на Апеннинском полуострове, ахейцы — на Балканском, те, которые впоследствии прошли путь от киммерийцев до готов («последовательность расового напряжения»), заселили Крымский и Таманский полуострова.

Росы были народом воинов и мореходов: они не имели «городов и пашен», а главным источником их существования была военная добыча, включая рабов. Известных своей храбростью и воинским умением росов охотно нанимали для войн, набегов, личной охраны и сопровождения торговых караванов. Купцов привлекало и то, что они могли арендовать у росов полностью снаряжённые корабли. В Раннем Средневековье главным заказчиком росов становится купеческая гильдия Хазарского каганата, в отношениях с которой росы выступают уже партнёрами, осуществляя полное военно-охранное обеспечение её монополии в торговле на пространствах между Европой и Китаем.

Необходимость обустройства торговых путей привела к образованию на их продолжении базовых поселений различного функ-

[141] *Лев Диакон.* Указ. соч. Комментарии. С. 197.

ционального назначения. Тех росов, которых посылали управлять, защищать и обслуживать такие поселения и становившихся их постоянными жителями, называли «варягами». В некоторых случаях, когда речь шла о наиболее важных (узловых) участках дорог, «варягами» становились крупные отряды (дружины), возглавляемые военачальниками высокого ранга (Олег) или даже одним из князей (Рюрик).

Во времена существования Хазарского каганата Восточная Европа с точки зрения демографической представляла собой достаточно большое количество племён, не оказавших, однако, из-за своей разрозненности организованного сопротивления распространению росского влияния, но в этом и не было необходимости. Имела место не военная, а торговая экспансия, которую можно сравнить с колонизацией греками Причерноморья, но применительно к иным условиям.

Основание двух крупнейших торговых центров в пределах Днепровского водного пути, в Среднем Поднепровье и в Приильменье, привело к оседанию здесь росов, при этом за околокиевским землями закрепилось адекватное название сначала Внешняя, а затем Киевская Русь, отличавшее её от «Внутренней» (Таврической) Руси. Управленческие функции росов на вновь освоенных территориях фактически становятся наследственными.

Начиная с середины IX в. сюда переселяются славяне из Моравии и Чехии, чему ни правители Хазарского каганата (сами потомки эмигрантов), ни представляющие их росы не препятствуют, а может быть, и способствуют, видя в этом дополнительную возможность развития провинций. Но в это же самое время влияние Хазарского каганата, чья экономическая база оказывается подорванной из-за мусульманских завоеваний на его востоке, начинает заметно снижаться. На Тамани быстро поняли «откуда ветер дует» и, так сказать, передел собственности был поручен опытному военачальнику Олегу, который начинает соответствующие действия, «сажая своих людей» и убирая неугодных по своему усмотрению. Наибольшую опасность для осуществления своей задачи Олег видел в Аскольде и Дире, которые, будучи уже двадцать лет удачливыми соправителями Киевской Руси, несомненно, знали о создавшейся ситуации и вполне могли объявить себя независимыми от Таврической Руси. Но здесь, обсудив возможные варианты развития событий, решили, что следует сделать ставку на юридическую незаконность правления Аскольда и Дира, для чего Олегу был придан малолетний княжич Игорь. С помощью хитрости убив «самозванцев», Олег объявил о

независимости Киева от Каганата и о придании городу особого статуса «матери городов русских». Отныне Киевская Русь — не провинция Хазарии, а суверенное продолжение Руси Таврической. Естественно, что новую столицу должен был возглавлять принц крови, каковым и являлся Игорь под регентством Олега.

Вместе с тем в Киеве набирает силу славянская христианская община, постоянно пополняющаяся всё новыми сторонниками. Христианам совершенно ясно, что постоянные призывы к народу служителей росского языческого культа покончить с поруганием веры отцов и конкретные в связи с этим действия приведут к решающему между теми и другими столкновению, в котором у христиан, практически, нет надежды на победу. Но поражение росов в Балканской войне предоставляет потомкам эмигрантов возможность (нет, не переворота) избавиться от крепко державшего в своих руках власть Святослава и продолжить перемены, имея перед собой лишь его малолетних отпрысков. Ставка, в конце концов, делается на незаконнорожденного Владимира (отмечалась и вероятность того, что Владимир принадлежал к моравскому княжескому роду), понимавшего, что без поддержки «третьей силы» его шансы на великое княжение равны нулю. Им руководят мудрые политики, умевшие уступать, чтобы побеждать. Они убирают с пути своего «протеже» его братьев Олега и Ярополка. Важнейшим тактическим приёмом стало восстановление в Киеве культа языческих богов, что не только предотвратило войну между «Севером» и «Югом» (Киевом и Росией), но, главное, дало возможность «северянам» собираться с силами столько времени, сколько понадобится.

Корсунский поход Владимира, где он якобы принял христианство, имел перед собой иную, скрытую летописью цель: окончательную нейтрализацию Таврической Руси. Решив эту задачу, Владимир сразу же показывает своё истинное лицо: разрушает капища языческих богов и насильно крестит язычников-русов, каковых к этому моменту в Киеве было не так уж и много.

7

Кажется, в России наступили времена, когда нет препятствий для объективного анализа исторических источников и документов и возможно выяснить действительную историю государства. Уже

сейчас появилось множество работ, в которых предпринимаются попытки «склеить разбитый сосуд» и следует подчеркнуть, что те из них, в которых рассуждения и выводы не предшествуют заранее заданному ответу, так или иначе, касательно древней истории России, обращаются к северным берегам Чёрного моря. Раньше или позже появится тот, кто обобщит, как это и должно быть в науке, многие усилия предшественников и новые поколения будут искренне удивляться: как можно было столь долго не видеть очевидного?

Впрочем, человечество гораздо большую часть своего пути прошло по плоской Земле, чем по круглой.

ГЛАВА III

Заметка к приложениям

Если, уважаемый читатель, Вы оказали мне честь и, прочитав все предыдущие страницы, дошли до этой, предваряющей раздел «Приложение», который представляет собой несколько статей на заданную тему, то я хотел бы в определённом смысле перед Вами оправдаться — вернее, объяснить, почему я посчитал нужным дополнить ими основной материал.

Дело в том, что понимание этих статей без ранее изложенного требует такого количества пояснений и ссылок, что они превращают статьи в книги, притом базисная часть каждой из них будет почти одинаковой.

Поэтому, если прибегнуть к математической терминологии и сравнить основную часть книги с теоремой, то тогда предлагаемые статьи являются «прикладной» её частью (приложением), основанной на выводах «теоремы». Вот почему Вы встретите не только знакомые строки, но даже и абзацы.

Честно говоря, перефразировать их не стоит большого труда, но мне кажется лишним изменять уже найденные формулировки ещё и потому, что повторены как раз важные для наших рассуждений моменты — посему прошу не судить меня строго.

Русены и русы

1

В настоящее время всё большее число учёных, представителей самых различных отраслей знаний, разделяют ту точку зрения, что в древнейшие времена север евроазиатского континента представлял собой вполне пригодные для человеческого существования пространства, походившие своим климатом на современные субтропики.

И дело не только в том, что в мифах и легендах всех без исключения народов Европы и Азии, у которых такие мифы и легенды сохранились, имеются упоминания о связи дальних предков этих народов с Севером, но и в многочисленных находках, подтверждающих сказанное: обнаружение на острове Шпицберген за Полярным кругом окаменелых остатков морских субтропических организмов, а на Аляске — останков растений и животных в таком количестве, которое, по выражению Макговена — автора книги «Первобытный человек в Новом Свете», «потрясает». Поэтому, задавшись тем же вопросом, что и М. В. Ломоносов: откуда в северных районах России «взялись столь многие слоновые кости чрезвычайной величины в местах к обитанию им не удобных, а особливо в полуночных суровых краях сибирских и даже до берегов пустозёрских», мы согласимся с им же данным ответом: «Посему следует, что в северных краях в древние веки великие жары бывали, где слонам родиться и размножаться и другим животным, также и растениям, около экватора обыкновенным».[142]

Один из самых авторитетных ученых Древнего мира — Плиний Старший писал о гиперборейцах, как о реальном древнем народе, жившем у полярного круга, и генетически связанном с эллинами через культ Аполлона Гиперборейского: «За этими [Рипейскими] горами, по ту сторону Аквилона, счастливый народ (если можно этому верить), который называется гиперборейцами, достигает весьма преклонных лет и прославлен чудесными легендами. Вероятно, что там находятся петли мира и крайние пределы обращения светил. Солнце

[142] *Ломоносов М. В.* Избранные произведения. М., 1986. Т. 1. С. 424.

светит там в течение полугода, и это только один день, когда солнце не скрывается (как о том думали бы несведущие) от весеннего равноденствия до осеннего, светила там восходят только однажды в год при летнем солнцестоянии, а заходят только при зимнем. Страна эта находится вся на солнце, с благодатным климатом и лишена всякого вредного ветра. Домами для этих жителей являются рощи, леса; культ Богов справляется отдельными людьми и всем обществом; там не известны раздоры и всякие болезни. Смерть приходит там только от пресыщения жизнью. <...> Нельзя сомневаться в существовании этого народа».[143]

В нашу задачу не входит анализ причин тех геофизических или космических явлений, которые превратили густонаселённые и благодатные пространства евроазиатского севера в почти или совершенно безжизненную ледяную пустыню. Скажем только, что у специалистов не вызывает сомнений, что указанные климатические изменения стали возможны из-за так называемой процессии — медленного перемещения оси вращения Земли, приведшего к изменению положения её полюсов по отношению к эклиптике. Можно высказать уверенность в том, что современные и будущие методы и возможности исследований подтвердят выводы М. Ломоносова, В. Обручева, И. Великовского, и даже самые закоренелые скептики будут вынуждены согласиться с тем, что расселение народов по просторам, во всяком случае, Европы и Азии имело определённое направление — с севера на юг, если понимать, разумеется, такое направление как результирующее. Иными словами, речь идёт о некогда существовавшем «пранароде» или, точнее, сумме народов, объединённых этнической близостью и говоривших если не на одном, то на весьма похожих языках, вынужденных оставить прародину по причине изменения в худшую сторону климатических условий в местах обитания.

Ту страну, которую можно считать прародиной человечества (или его части), древние греки называли Гипербореей. Это название представляет собой сумму двух слов: Борей — «северный» и гипер — «за, сверх», и, значит, Гиперборея — то, что сегодня именуют Крайним Севером.

Но есть ещё одно общепринятое название того полюса нашей планеты, который располагается на её севере — Арктика, и эта «обще-

---

143 *Плиний Старший*. Естественная история. М., 1953. IV, 26.

принятость» также является ещё одним аргументом в пользу существования некогда единого «пранарода», если увидеть связь между географическим определением Арктика и этнонимом «арийцы», то есть жители Арктики. Иными словами, общим именем «арийцы» называли себя те, кто в древнейшие времена обитали на севере нынешней Евразии и оставили указанные территории по причине случившегося там похолодания. В дальнейшем произошло естественное разделение «пранарода» на более или менее значительные группы, образовавшие различные национальности, сохранившие вместе с тем в той или иной форме историческую память о своём арийском (арктическом) происхождении.

2

У многих читателей, по крайней мере, преклонного возраста, понятие «ариец», «арийский» ассоциируется с германскими фашистами, которые, объявив себя «истинными арийцами», сделали это слово символом борьбы за так называемую «чистоту расы» и уничтожения «неарийских» (по их разумению) народов.

Вместе с тем «арийцами» задолго до германцев называли себя представители иного этноса — индийцы. В их национальном эпосе — знаменитых «Ведах» — далёкие предки современных индийцев именуются «ариями».

Но не только предки индийцев применяли к себе этот этноним. Так именовали себя и создатели «Авесты» — древнеиранского эпоса, весьма близкого к «Ведам» и по языку, и по сюжетам. Разделение арийцев на индийскую и иранскую ветви произошло в глубокой древности, но места локализации «праарийцев», то есть места обитания ариев, ещё не разделившихся на племена и народы, остаются до настоящего времени неизвестными. В то же время в индийском и иранском эпосах рассказывается о той стране, где «полгода — день, полгода — ночь», где «одна ночь и один день вместе равны году», где «видна укреплённая богом-творцом Полярная звезда».[144] И индийские, и иранские авторы хорошо знали географические и астрономические особенности Дальнего Севера, что видно из текстов «Вед»

[144] Цит.по: *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. М.: Мысль, 1983. С. 38.

и «Авесты», поэтому следует подчеркнуть, что значительное число исследователей указанных эпосов располагают прародину ариев на далёком Севере, который, как ныне известно, был в древнейшие времена обитаем. Откуда же все они пришли? У каждого народа был свой долгий и трудный маршрут и общее направление миграций, как правило, с Севера на Юг. На то были свои и вполне естественные причины: геофизические катаклизмы и сопряженные с ними глобальные изменения климата, сопровождавшиеся в северных широтах наводнениями и всеобщим похолоданием. Вот как лапидарно описывает Авеста (кстати, название священной книги родственно русскому слову «весть») ситуацию, вынудившую прапредков иранцев покинуть страну Арйан Вэджа (прародину всех ариев) и переселиться с Севера на Юг. Первоначально царили в прекрасной стране покой и блаженство (вспомним «золотой век» и Острова Блаженных). Но вот злокозненный Ангара Манью — божество мрака и зла ниспослал на родину ариев жестокую зиму и превратил благодатный край в ледяную пустыню: «Там — десять зимних месяцев и два летних месяца, и они холодны — для воды, холодны — для земли, холодны — для растений, и это середина зимы и сердцевина зимы, — а на исходе зимы — чрезвычайные паводки».[145]

3

Уместен вопрос, а почему, собственно, мы обращаемся к ариям, какая здесь связь с заданной темой? Потому что интересующий нас район Северного Причерноморья был местом скифской концентрации: «За Герросом лежит так называемая царская страна. Местные скифы самые храбрые и многочисленные; они считают прочих своими рабами. Они живут на юг по Тавриду, на восток по ров, который выкопали сыны слепых и по Меотийский залив по пристань с названием Кримны, а часть их живёт над рекою Танаисом (Доном)».[146] У скифов были, оказывается, весьма схожие с арийскими, представления о Северной стране. Эти представления дошли до нас в изложении греческих авторов, которые основывались, в свою очередь, на рассказах самих скифов, с которыми так или иначе контактировали греки. «Об-

[145] Там же. С. 41.
[146] *Геродот из Галикарнаса.* Скифия. Киев: Довира,1992. С. 36.

ширна и многообразна была народная традиция скифов. Они обладали богатым эпосом, сложными мифологическими и религиозными представлениями. Об этом можно судить даже по отдельным отрывкам, сохранившимся в трудах античных авторов. И вот среди этих пёстрых, случайно дошедших до нас фрагментов скифского эпоса мы находим неожиданно параллели к индийским сказаниям о «полярных странах». Так Геродот пишет, что по сообщениям скифов и живущих за ними племён, далеко на севере обитают люди «которые спят по шесть месяцев»... в античной литературе об этом имелись и более подробные сведения».[147] И далее: «Ясно, что бытовавшие в Скифии представления о полярных странах происходят вовсе не оттого что скифы сами там жили — они обитали гораздо южнее. Чтобы знать о полярных областях и арктических феноменах, не обязательно было жить в этих районах. Но откуда бы ни черпались эти представления, у скифов они явно не могли явиться результатом чисто умозрительной, научной абстракции. Так же обстояло дело и у индийцев, у которых подобные сведения восходят к очень древней традиции.

Но если в отношении скифских материалов можно говорить о переплетении мифического и чудесного с реальным и конкретным, то древнеиндийская традиция, повествующая об «арктических» явлениях, уже целиком приобрела мифологическую окраску. Она засвидетельствована в сказаниях, которые пелись и слагались на земле самой Индии. Но ведь мы знаем, что Индия не была родиной ариев: их предки пришли сюда из областей, лежащих дальше к северу. Может быть, они действительно жили некогда за полярным кругом, как считал Тилак, или подобно скифам обитали недалеко от областей, где могли бытовать какие-то реальные представления о полярных странах?

А может быть, эти сходные рассказы скифов и индийцев единого происхождения и возникли первоначально в одной и той же области. Ведь, и те, и другие принадлежали к арийской группе народов. В таком случае сведения о полярных странах, о которых рассказывали в Причерноморье и в далёкой отсюда жаркой Индии, должны были восходить к единой древнейшей основе»,[148] — продолжаем цитировать Г. Бонгард-Левина.

---

[147] *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* Указ. соч. С. 26.
[148] Там же. С. 66.

Ранее было сказано о том, что греческие предания о северной стране основывались на скифской информации, но следует прислушаться и к тем учёным, которые считают, что и сами греки в своих эпических сказаниях упоминают о той же далёкой, расположенной на далёком севере стране и её жителях — гипербореях. Следовательно, можно провести параллель между северными преданиями древних индийцев, скифов и древних греков и, значит, может быть сделан вывод, что упомянутые народы в глубокой древности представляли собой единый народ, который, лишь покинув места обитания, разделился на племена, постепенно обретшие свои особые национальные черты. Поэтому, если лингвисты считают, что географические названия Арьяварта (страна ариев) — древнее название центральной части Индии и Иран (Ариан) — имеют в своей основе «арийское» происхождение, то такого же внимания заслуживает в этом смысле и связанное с нашей темой Северное Причерноморье, точнее Крымский полуостров: в имени самого первого обитавшего там в древности народа — киммерийцев также просматривается его арийское происхождение: кимр — арии. Можно предположить, что название Крым (корень «крм») есть результат позднейшей (возможно, греческой) перестановки двух букв («мр» на «рм») — явление в топонимике довольно распространённое, и тогда становится понятной этимология топонима «Крым». И здесь мы подошли к важной точке наших рассуждений: оказывается, греки знали, что родиной киммерийцев была страна, расположенная... на дальнем севере.

Такое свидетельство мы находим у Гомера в его «Одиссее». Возвращаясь на родину после завоевания Трои, Одиссей и его спутники попадают на остров, где царствовала волшебница Цирцея — та самая, с которой предавался наслаждениям Одиссей, забыв под влиянием цирцеиных чар (только поэтому!) о ждущей его Пенелопе. Но когда любовный туман рассеялся, то наш герой «бросил крылатое слово»:

«О Цирцея, исполни своё обещанье в отчизну
Нас возвратить».

На этот раз волшебница проявляет благородство:

«О Лаэртид, многохитростный муж,
Одиссей благородный
В доме своём поневоле держать тебя не желаю».

Одиссей трогается в путь:

«Корабль наш бежал, повинуясь кормилу и ветру

Были весь день паруса путеводным дыханием полны.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана.
Там киммериян печальныя область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков. Никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос,
Землю ль он покидает,
Всходя на звездами обильное небо,
С неба ль, звездами обильного,
Сходит, к земле обращаясь.
Ночь безотрадная там искони окружает живущих».[149]

Если основываться на привычной нам и принятой во всём мире хронологии, то выходит, что во времена Троянской войны киммерийцы уже жили на берегах Чёрного моря, так что приведенный отрывок следует понимать как прямой намёк Гомера на его знание действительных корней киммерийцев в смысле их расположенной на далёком севере (где, «никогда не являет оку людей там лица лучезарного Гелиос») прародины.

Строки из «Одиссеи» нашли и научное подтверждение: «они (киммерийцы) принадлежат к той же этнической группе, что и фракийцы. Характерно, что некоторые боспорские цари имели фракийские имена... С археологической точки зрения, долота, обнаруженные в Бессарабии, то есть в зоне местной экспансии фракийцев, схожи с теми, что обнаружены в Северо-Кавказском ареале к востоку от Керченского пролива. Фракийцы лингвистически принадлежали к индоевропейской семье».[150] Поэтому, считал Г. Вернадский, киммерийцы могут сами рассматриваться как арийцы. «Киммерийцы, как мы видели, были схожи с фракийцами».[151]

К сожалению, о киммерийцах известно немногое и, в основном, это лишь общие моменты их существования: «В середине VIII в. до н. э. основные провинции, находящиеся под их владычеством были в Крымском и Кубанском регионах. Отсюда киммерийцы распространились в транскавказский регион и к середине столетия атаковали

[149] *Гомер.* Одиссея. М.: Художественная литература, 1986. 10 (480–505), 11 (10–20).
[150] *Вернадский Г. В.* Древняя Русь. С. 70.
[151] Там же. С. 87.

царство Ван (Урарту). Позднее они заключили союз с народом Урарту против Ассирии».[152]

4

Главной причиной наличия огромного количества «белых пятен» и неясностей в древней истории человечества является то, что развивалась эта история на фоне постоянной миграции племён и народов. Одним же из важнейших моментов переселений был тот, что пришельцы в большинстве случаев не изгоняли местных жителей (каковые зачастую сами были пришлыми народами), не разрушали селений, но лишь ограничивали районы их обитания. «В большинстве случаев подавляющая масса местного населения, признавая политический контроль пришельцев, отчаянно держалась за свои старые дома или же селилась вновь неподалёку от прежних мест обитания. В свою очередь, каждая вновь прибывшая группа добавляла новый этнический штрих к множеству уже существующих. Итак, кроме начальной массы местного населения Южной Руси, которую Николай Марр называл яфетидами, постепенно сформировалась этническая надстройка варьирующей природы, но в целом присутствовала определённая последовательность расового напряжения», — снова процитируем Г. Вернадского.[153]

Поэтому весьма вероятно, что «скифы» — это не вообще принятое у греков название всех «варварских» народов, но второе, параллельное имя киммерийцев, вытеснившее, в конце концов, первое. Если же знать, что скифами, а точнее тавроскифами, греки называли и росов, также проживавших в Северном Причерноморье, то применительно к древним обитателям этих мест можно говорить об упомянутой выше «определённой последовательности расового напряжения», как о последовательности непрерывной, притом что её начало следует искать на севере Европы.

В свете сказанного, утверждение Г. Вернадского, что «именно в регионе на обеих сторонах Керченского пролива люди киммерийского происхождения должны были остаться даже в скифский период», может быть откорректировано в том важном для нас смысле,

---

[152] История Древнего мира. М.: Ред. вост. лит., 1989. С. 58.
[153] *Вернадский Г. В.* Древняя Русь. С. 70.

что скифы являлись этническим продолжением «людей киммерийского происхождения».

5

И сейчас логика наших рассуждений приводит нас к важному вопросу: когда и откуда росы пришли в Северное Причерноморье, коль скоро ещё в VII в. до н. э. об этом воинственном народе знали далеко за пределами его обитания.

Для ответа на этот вопрос мы уже располагаем некоторыми отправными точками, а именно: первыми упомянутыми в истории обитателями Крыма были киммерийцы, которые относились к ариям; к ариям же относились и скифы, также заселявшие эти земли; скифами, или точнее, тавроскифами греки именовали росов.

И хотя считается, что скифами греки называли всех жителей Восточной Европы — это далеко не так. Византийские авторы прекрасно разбирались в современной им этнографии, и поэтому Лев Диакон уточнял: «...тавроскифы, которых в просторечии называют росами». Но если росы — это одно из скифских племён, а предполагается этническое родство киммерийцев и скифов, то, следовательно, росы родственны киммерийцам, поэтому высказанное ранее соображение о том, что арийцы киммерийские, скифы и росы — это лишь разные имена одного и того же народа — небезосновательно.

Но мировая история знает ещё один древнейший народ, в национальном имени которого имеется корень «рус» — это этруски (эт-руски). Они обитали на севере и западе серединной части нынешней Италии, а эту местность ещё в средние века называли по их имени Этрурией. Среди историков нет единого мнения по поводу того, когда здесь появились этруски, однако достоверно известно, что они не были аборигенами этих мест. Сами себя этруски, напомним, именовали русенами.

Этруски были одним из самых цивилизованных народов своего времени, преуспевшим как на суше, так и на море.

Города этрусков отличались приспособленностью к рельефу местности, то есть предпочтение при их строительстве отдавалось соображениям обороны, а не проживания. С этой же целью городские стены возводились из огромных каменных блоков.

Умели этруски строить и хорошие корабли как вёсельные, так и парусные, а развитая металлообработка подтолкнула их к изобретению

дошедшего до наших дней двулапого металлического якоря. Этрусские моряки впервые применили и другое новшество — металлический таран, устанавливаемый на носу судна и получивший название «ростор (ростр)», то есть «российский бык» (именно отсюда происходит название известных Ростральных колонн в Санкт-Петербурге). Такое приспособление предназначалось скорее для нападения, чем для защиты. Поэтому не трудно догадаться, что этруски использовали свои корабли не только для торговли, но и для пиратских действий на морских дорогах как, впрочем, и представители других морских государств, например, греки или карфагеняне, что было в духе того времени, так как пиратство тогда являлось формой конкурентной борьбы за преобладание торговых интересов. Об особом отношении этрусков к морю можно судить и по тому, что даже к отстоящим от берегов морей городам они прокладывали судоходные каналы, достигавшие иногда длины в несколько километров.

Но есть ещё одна сторона истории этрусков, связанная с тем, что греки называли их тирренами или тирсенами, а этот этноним известен историкам и по другому поводу.

6

«В правление фараона Мернептаха дельта Нила подверглась массированному нападению со стороны обитателей Ливийской пустыни. Надпись на стене храма Карнака, дополняемая тремя другими иероглифическими текстами на гранитных колонах и стелах, рисует следующую картину. Царь ливийцев Мерери пришёл на территорию Египта со всей семьёй и привёл не только войско, но и стада. Это был не обычный набег за добычей, а вторжение с целью обосноваться на египетских землях. Вместе с ливийцами и их соседями по пустыне пришла часть «народов моря»: шердены, лукки, акаиваша, шекелша, пелешет, турша.

При Рамсесе III нападение «народов моря» возобновилось. Но среди них не было акаиваша и турша. В авангарде находились шекелша и шердены, к которым присоединились ранее не упоминаемые текра и дануна»,[154] — читаем в книге А. Немировского «Этруски», выдержки из которой будем цитировать и далее.

---

[154] *Немировский А. И.* Этруски. М.: Наука, 1983. С. 32–33.

И здесь обратим внимание на то, что «это был не обычный набег за добычей, а вторжение с целью обосноваться на Египетских землях». Иными словами, и ливийцы, и их союзники «народы моря» пришли в Египет, имея в виду поселиться на завоёванных территориях, и одному из племён союза — пелешет (филистимлянам) это удалось. Они закрепились на приморских землях к востоку от Египта. Речь, следовательно, идёт не о войнах между соседями, а о войнах, связанных с миграцией племён — и представлять это важно.

Принято считать, что обобщающее название «народы моря» племена, атаковавшие Египет, получили с «лёгкой руки» египетского писца, поскольку действовали со стороны моря. Но ведь их первое нападение, как выяснилось, происходило не со стороны моря, но со стороны Ливийской пустыни. Так, может быть, «народы моря» обозначены так египетским летописцем, не потому что нападали на его страну со стороны моря, но потому что ему было известно о связи этих народов с морем?

Следует заметить, что поставленный вопрос не был предметом дискуссий в работах историков, потому, наверное, что не имеет принципиального значения для изучения истории «народов моря». Учёных гораздо более интересовала идентификация и локализация входивших в него племён. Нам же ответ на предложенный вопрос не безразличен, поскольку, как мы увидим, является ключом к пониманию некоторых моментов раскрываемой темы. С точки зрения организационной «народы моря» представляются как союз племён, объединившихся для войны против Египта, но была ли эта цель единственным и главным основанием для единения племён? Попробуем разобраться с поставленным вопросом, для чего обратимся к некоторым племенам, входящим в «народы моря».

Лукки. «Народ лукки был союзником хеттов в битве при Кадеше. Они же действовали как пираты в Эгейском море... Идентифицируют лукки и с народом, который был известен хеттам как лукка, а грекам — как ликийцы. Но лукка, судя по хетским источникам, занимали горную область. Их страной, скорее всего, была Лиакония, а не греческая Ликия или, согласно Г. Нойману, район между Карией и Ликией».[155]

---

[155] Там же. С.31.

Пелешет. «Отождествление пелешет с филистимлянами теперь ни у кого не вызывает сомнений. Библейские авторы связывали филистимлян с островами Эгеиды».[156]

Текра. «Народ текра, также изображённый на египетских рельефах, некоторые исследователи связывают с фракийцами... Р. Барнет более осторожно считает текра тевкрами греческой традиции... Согласно Геродоту, ещё до Троянской войны тевкры переселились во Фракию... Имеются также указания на этническую связь тевкров с населением Крита... В свете преданий о миграции тевкров тождество текра и тевкров представляется весьма вероятным».[157]

Акаиваша. «Чаще всего акаиваша сопоставляются с Аххиявой, цари которой почти на равных сносились с хеттскими правителями. Одни исследователи это государство идентифицируют с Микенским царством ахейцев в Греции, а другие помещают на западе Малой Азии в непосредственной близости от границ Хеттского царства и таким образом отрицают греческий характер этой страны. В пользу балканской локализации говорят имена лиц из Аххиявы, имевших дело с хеттскими царями. В последнее время достаточно убедительно доказано, что это греческие имена».[158]

Нет единого мнения учёных и о происхождении племени «шардены». Однако можно предположить, что этому народу обязан своим названием остров Сардиния, что также указывает на расселение значительной части «народов моря» на северных берегах Средиземного моря.

Турша (турса). То племя, которое греки называли тирсенами и которое более известно под именем этруски (эт-рус).

Таким образом, даже при первом приближении к вопросу о возможной основе союза племён, известных как «народы моря», можно говорить об их географическом соседстве и действительной связи с морем, исходя из того, что нам известны места их обитания. Но вряд ли, только соседство племён и их отношение к морю могло стать тем «цементом», который соединил перечисленные племена в союз, просуществовавший по крайней мере не менее века, так как мы помним, что при фараоне Рамсесе III «народы моря» ещё раз атаковали Египет и на этот раз действительно со стороны морского побережья. Нет,

[156] Там же.

[157] *Немировский А. И.* Указ. соч. С. 32.

[158] Там же.

главная причина объединения племён была другой. «Не менее важным для суждения о происхождении филистимлян оказались археологические данные, полученные во время раскопок поселений близ Газы. Двухцветная керамика филистимлян, датируемая XII–XI вв. до н. э., напоминает микенскую керамику позднеминойского периода, типологическую близость с микенскими культовыми и вотивными памятниками обнаруживают филистимлянские терракотовые статуэтки стоящего и сидящего женского божества. Скальные гробницы, сооружённые на побережье Палестины в XIII в. до н. э., близки к микенским гробницам. Об эгейском влиянии свидетельствуют также найденные в филистимлянских поселениях фибулы такого же типа, что и кипрские. Корабли пелешет на рельефе Мидинет-Абу отличаются конструктивными особенностями от египетских судов. Приведенные данные свидетельствуют о присутствии народов Эгеиды на южном побережье Палестины в XII–XI вв. до н. э.»[159] Следовательно, кроме географической, имела место культурная и, значит, этническая близость племён, входивших в союз «народов моря». Вот почему в древности те земли, на которых обосновались пелешет (филистимляне), назывались «критским югом»,[160] чем подчёркивалась общность проживавших на разных берегах Средиземного моря народов.

Внимательный читатель заметил, что, обращаясь к племенам, входившим в союз «народов моря», мы опустили одно из них — «дануна», которое историки отождествляют с хорошо известными, благодаря великому Гомеру, данайцами. В древнеегипетских сообщениях «дануна» упоминаются при описании второй атаки «народов моря» на дельту Нила. Заслуживает внимания древнегреческий миф (точнее, легенда) о появлении данайцев в Арголиде,[161] который мы приведём в сокращённом виде: «У сына Зевса и Ио, Эпафа, был сын Бел, а у него было два сына — Египт и Данай. Всей страной, которую орошает благодатный Нил, владел Египт, от него эта страна получила и своё имя. Данай же правил в Ливии. У Египта было пятьдесят сыновей, у Даная — пятьдесят дочерей. Пленили своей красотой данаиды сыновей Египта, и захотели они вступить в брак с прекрасными девушками, но отказали им Данай и данаиды. Собрали сыновья Егип

[159] *Немировский А. И.* Указ. соч. С. 31.

[160] 1 Царств. XXX, 14.

[161] Арголида — область на северо-западе Пелопоннеса.

та большое войско и пошли войной на Даная. Данай был побеждён своими племянниками, и пришлось ему лишиться царства и бежать. С помощью Афины Паллады построил Данай первый пятидесятивёсельный корабль и пустился на нём со своими дочерьми в безбрежное вечно шумящее море.

Долго плыл по морским волнам корабль Даная и, наконец, приплыл к острову Родосу... Данай не остался на Родосе, он поплыл с дочерьми своими дальше — к берегам Греции, в Арголиду (область на северо-западе Пелопоннеса)... Извещённый о прибытии корабля, Пеласг (царь Арголиды) явился к берегу моря со своим войском... Гибель принесло Пеласгу и жителям Арголиды решение оказать защиту Данаю и его дочерям. Побеждённый в кровопролитной битве, принужден был бежать Пеласг на самый север своих обширных владений. Правда, Даная избрали царём Аргоса, но, чтобы купить мир у сыновей Египта, он должен был всё же отдать им в жёны своих прекрасных дочерей. Пышно справили свадьбу... Кончился шумный свадебный пир... Ужасное злодеяние совершили под покровом ночи данаиды. Кинжалами, данными им отцом их Данаем, пронзили они своих мужей... Но данаиды всё же не избежали страшной кары за совершённое злодеяние. Они несут её после своей смерти в мрачном царстве Аида. Данаиды должны наполнять водой громадный сосуд, не имеющий дна. Вечно носят они воду, черпая её в подземной реке, и выливают в сосуд. Вот, кажется, уже полон сосуд, но вытекает из него вода, и снова он пуст. Снова принимаются за работу данаиды, снова носят воду и льют её в сосуд без дна. Так длится без конца их бесплодная работа».[162]

Как видим, приведенный рассказ очень тесно переплетается с реальными событиями, случившимися в Древнем Египте на грани XIII–XII вв. до н. э. Отождествляя имена героев мифа с названиями народов и отбросив художественную канву, получим фактологическую основу: народ данайцев (мифический Данай), обитавший в Ливии, вступил в войну с Египтом (мифический Египт), но потерпел поражение и был вынужден отступить сначала на остров Крит, а затем в греческую область Арголиду, где в интересующее нас время обитал народ «пеласги» (мифический Пеласг). Единственным несоответствием реалий и мифа является указание последнего на то, что данайцы до военного конфликта с Египтом проживали в Ливии, хотя

[162] Легенды и мифы Древней Греции. Симферополь, 1998. С. 89–91.

в перечне племён атаковавших Египет со стороны ливийской пустыни как раз данайцев нет. Но вспомним Гомера: у него данайцы тождественны ахейцам, точно так же как Троя тождественна Илиону, а если так, то становится понятным, почему в мифе о данайцах фигурирует Ливия, так как данайцы и ахейцы — это одно и то же, а акаиваша (ахейцы) наступали на Египет именно с ливийской стороны. Ответ на вопрос, почему единый народ известен под разными именами, выходит за пределы рассматриваемой темы — заметим только, что в истории подобные случаи не редкость.[163]

Для нас данайцы интересны и тем, что корень их национального имени «дан» (или «дон») образует названия практически всех крупнейших рек Европы: Дунай, Днепр (древнее имя Дан-апр), Днестр (древнее имя Дан-астр), Дон и, конечно же, нельзя не отметить смыслового отношения слова «дан» («дон») к воде. Не случайно в имени греческого бога — властителя морей и океанов мы слышим всё тот же корень: Посей-дон, не случайно и наказание мифических данаид (дан-аид) связано с водой.

У историков нет никакого сомнения по поводу того, что ахейцы-данайцы трансформировались сначала в древних, а затем и в современных греков, но, тем не менее, Нестор-летописец хорошо знал народ «дунайцы», и, что особенно интересно, именно с «дунайцами» он связывает городок Киевец и пребывание там легендарного Кия. Упомянуты «дунайцы» и в Никоновской летописи. «В Никоновских документах это слово (дунайцы. — Прим. автора) всплывает при обсуждении вопроса о том, где искать себе князя — у хазар ли, у полян или у «дунайцев». В таком контексте дунайцы выглядят каким-то государственным объединением, равным по значению Руси (ещё не включившей в себя Словен) или Хазарскому каганату, но несомненно отличным от Болгарии и болгар, о которых Нестор писал много и подробно под их собственным именем»,[164] — констатирует Б. Рыбаков. Очень велика вероятность того, что «дунайцы» Нестора есть прямое этническое продолжение «данайцев».

Таким образом, мы получили право утверждать, что «народы моря» названы так египтянами, потому что представляли собой союз

[163] Например, у Тита Ливия Эней «нарек оба народа латинянами». См.: История Рима от основания города. М.: Наука, 1989.
[164] *Рыбаков Б.* Указ. соч. С. 313.

этнически близких племён, заселивших не позднее начала II тысячелетия до н. э. прибрежные земли всех полуостровов и островов на северных берегах Средиземного и Чёрного морей: этруски — Пиренейского и Апеннинского, ахейцы и данайцы — Балканского, земли же, прилегающие к северо-восточным берегам Чёрного моря, заняли киммерийцы.

7

Вывод о родственности древних греков, скифов и этрусков не нов. «Опираясь на глубокое знание древних языков и практически на все доступные ему источники, о языковом и этнокультурном сродстве» скифов и этрусков, писал, например, А. Чертков, занимавший в середине XIX в. пост президента Общества истории и древностей российских. Но если скифы имели «языковое и этнокультурное сродство» с этрусками, то это также верно, если исходить из логики наших рассуждений, и по отношению к скифам, проживавшим в Тавриде (тавроскифам) и называвших себя русами. Ещё одно достаточно веское доказательство общности «народов моря» — это схожесть имён богов древних русов и филистимлян. Сравним:[165]

Боги русов:	Боги филистимлян:
Перун	Пеор
Симаргла	Атима Нергал
Мокашь	Камош
Хорс	Херес
Стрибог	Истрбог
Дажьбог	Дагон

Вряд ли, здесь имеет место случайное совпадение. Таким образом, анализ даже того минимального количества известных фактов, которые имеют отношение к «народам моря», говорит об их этнической близости.

К истории «народов моря» мы обратились постольку, поскольку к ним относились этруски, а мы предположили и выяснили, что между киммерийцами, этрусками (русенами) и росами (русами) есть этническая связь. Но вернёмся к «...существованию в далёком

[165] *Хейнеман И.* Указ. соч.

прошлом в обширных районах преимущественно российского севера огромной приполярной территории Арктиды, изменившей свой природно-климатический облик и, в основном, исчезнувшей с лица Земли в результате катаклизмов, включая похолодание и оледенение. Земли эти были заселены протоиндоевропейцами, которые вошли в историю под названием гиперборейцев».[166] Связывая «гиперборейцев» с «народами моря», напомним, что «...ещё в древности считали, что этруски пришли в Италию с севера».[167] К такому же выводу пришёл и Де-Сантис, который считал,что «...этрусские племена пришли в Италию с севера примерно в 1800 г. до н. э.»,[168] и Паренги, который «опубликовал в 1926 г. большой труд, показывающий, что этрусками были пришельцы, которые в конце 2-го тысячелетия до н. э. проникли в Италию с севера..».[169]

Но интересны и показательны другие, сделанные по этому поводу выводы, подтверждающие, что между проживавшими на Апеннинах этрусками и обитателями Северопричерноморского и Кавказского ареалов имелось этническое тождество. В упомянутой работе «Этруски» А. Немировский приводит и иные по отношению к «северным» воззрения на локализацию возможных мест «доитальянского» проживания этрусков. Например, А. Пиганьола, считавшего, что таким местом был «северо-восточный угол Черноморья»,[170] или Р. Гордезиани, «оперирующего широким лингвистическим материалом, как этрусским, так и кавказским, прежде всего картвельским»,[171] что подтверждает гипотезу С. Ферри о кавказском «начале» этрусков, и не случайно, поэтому «...в Дагестане имеются языковые соответствия этрусским топонимам».[172]

Наблюдения «этрусковедов» можно дополнить сообщением Страбона: «К числу народностей, которые сходятся в Диоскуриаду, принадлежат и свеоны, которые превосходят своих соседей могуществом; и быть может, они почти что самые воинственные и сильные из всех.

---

[166] Там же. С. 57–58.

[167] *Буриан Я.* Загадочные этруски. М.: Наука, 1970. С. 73–74.

[168] Там же. С. 73.

[169] Там же.

[170] *Немировский А. И.* Указ. соч. С. 14.

[171] Там же. С. 15.

[172] Там же.

Во всяком случае, они господствуют над всеми народностями вокруг них, занимая вершины Кавказа, возвышающиеся над Диоскуриадой... В их стране, как передают, горные потоки приносят золото, и варвары ловят его решетами и косматыми шкурами. Отсюда, говорят, и возник миф о золотом руне. Некоторые называют их также иберийцами — одинаково с западными (имеется ввиду Иберия, расположенная на Пиренейском полуострове. — *А. Г.*).[173]

Соответствие Иверии Кавказской и Иверии Пиренейской (Испанской) и «языковые соответствия этрусским топонимам в Дагестане» вполне могут и должны рассматриваться под тем углом зрения, что, по сведениям арабских источников, древние русы проживали «в северо-восточном углу Черноморья», который А. Пиганьола считает местом «доитальянского» проживания этрусков.

8

«Праначалом» миграции племён и народов послужило существенное изменение климата на планете. Если даже причина изменения климата носила катастрофический характер, то её последствия проявлялись неравномерно в различных точках на огромных пространствах Евразии. Одни были вынуждены мигрировать сразу же после катастрофы, на других её результаты сказались позднее, третьи вообще не тронулись с места, постепенно приспосабливаясь к новым условиям существования. Таким образом, указанное вынужденное перемещение привело к разделению «пранарода» на «языки» то есть на нации, различие между которыми увеличивалось по мере их отдаления во времени и пространстве от «прародины». Исход народов с насиженных мест был настолько продолжительным, что память об оставленной «прародине» превратилась в сказания и легенды, но то общее, что некогда объединяло «пранарод», не исчезло бесследно. Мы обратили внимание на то, что этнологи, археологи, лингвисты ещё в прошлые века отмечали удивительную схожесть имён богов, обычаев, языков у народов, казалось бы, совершенно несходных друг с другом. Так, имена идолов филистимлян, живших на восточном берегу Средиземного моря совпадали с именами богов древних русов; имя героини древнегреческих мифов Данаи — с именем китайской

---

[173] *Страбон*. Указ. соч.

богини Данай Фужень; имя этрусского царя Мезенция — с названием края на берегу Белого моря, а этрусские топонимы — с топонимами в далёком от Апеннинского полуострова Дагестане.

Эмигранты двигались не единой концентрированной массой, но группами, хотя и значительными, которые по мере продвижения заселяли свободные или завоёвывали (там, где удавалось) земли, принадлежавшие иным народам, поэтому продвижение «гипербо-рейцев» не было географически однонаправленным, но подобным известному из курса физики «броуновскому» движению молекул. Продолжающаяся миграция народов привела, в частности, к тому, что «в середине XV столетия до н. э. на Крит обрушилась катастрофа, равной которой остров не переживал за всю свою многовековую историю. Почти все дворцы и поселения, за исключением Кносса, были разрушены... Причины катастрофы, сыгравшей роковую роль в судьбе минойской цивилизации, до сих пор точно не установлены. Согласно наиболее правдоподобной догадке, выдвинутой греческим археологом С. Маринатосом, гибель дворцов и других критских поселений была следствием грандиозного извержения вулкана на о. Фера (современный Санторин) в южной части Эгейского моря. Другие учёные больше склоняются к мнению, что виновниками катастрофы были греки-ахейцы, вторгшиеся на Крит с материковой Греции... Они разграбили и опустошили остров... Возможно примирение этих двух точек зрения на проблему упадка минойской цивилизации, если предположить, что ахейцы вторглись на Крит уже после того, как остров был опустошён вулканической катастрофой».[174] Обратим внимание на то, что ахейское вторжение на Крит признаётся в любом случае. Характер разрушений на острове, представших перед археологами, не мог быть вызван стихийным бедствием и деятельностью вулкана, а если таковые и имели место, то лишь облегчили завоевательную задачу ахейцев — тех самых, которые через два века напали на Египет в составе уже знакомых нам «народов моря», куда, как мы помним, входили этруски-русены. Напомним и то интересное для данного случая обстоятельство, что филистимлян (пелешта) Пятикнижие прямо связывает с Критом. К этому острову имело отношение и упомянутое при втором вторжении «народов моря» в Египет племя «текра».

---

[174] История Древней Греции. Под ред. В. И. Кузищина. М., 1986. С. 47.

Появление «народов моря» на границах Египта, по всей видимости, было продолжением их миграции в поисках постоянных мест обитания. В истории народов Земли это вполне естественное явление. Например, через 20 веков с такой же целью объединились этнически совершенно разнородные, как считается, племена алан, вандалов и свевов, образовавшие «в конце пути» свои королевства в Испании и Северной Африке.

«Ахиллесова пята» греческой истории

Знаменитый Ахилл, которого многие считают греком, оказывается, принадлежал к северо-причерноморским скифам. Вот что сообщает греческий историк Лев Диакон: «Говорят, что скифы почитают таинства эллинов, приносят по языческому обряду жертвы и совершают возлияния по умершим, научившись этому то ли у своих философов Анахарсиса и Замолксиса, то ли у соратников Ахилла. Ведь, Арриан пишет в своём «Описании морского берега», что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка под названием Мирмикон, лежащего у Меодидского озера (Азовское море. — *А. Г.*).

Изгнанный скифами за свой дикий, жестокий и наглый нрав, он впоследствии поселился в Фессалии. Явными доказательствами скифского происхождения Ахилла служат покров его накидки, скреплённой застёжкой, привычка сражаться пешим, белокурые волосы, светло-синие глаза, сумасбродная раздражительность и жестокость».[175]

Скифское происхождение греческого героя косвенно подтверждает и Страбон: «Дальше от Мирмикия (Мирмикона) на азиатской стороне против него лежит деревня, называемая Ахиллем».[176] Наверное, мы должны упрекнуть себя в том, что, читая «Илиаду», без должного внимания отнеслись к тому, что фессалиец Ахилл командовал почему-то отрядом мирмидонян, то есть жителей Мирмикия,

[175] *Лев Диакон*. История. М.: Наука, 1988. С. 78–79.

[176] Там же. Комментарии. С. 211.

который располагался в районе нынешней Керчи, а не на севере Пелопоннеса.

Но могучий сын Пелея мог происходить от греческих колонистов, множество поселений которых располагались рядом с поселениями скифскими в Северном Причерноморье? Для того чтобы опровергнуть такое предположение достаточно сравнить две, хотя и приблизительные даты: Троянскую войну и колонизацию греками Северного Причерноморья. Выясняется, что первая случилась не позднее XIII в. до н. э., а вторая началась на шесть веков позднее, так что даже указанной приблизительностью дат можно, без сомнения, пренебречь.

Однако приходится констатировать, что наши рассуждения пришли в тупик. Общепризнанно, что скифы появились в Восточной Европе не ранее VII в. до н. э. Ахилл же совершал свои подвиги, когда о скифах и не слыхивали. Но даже безотносительно к Ахиллу факт существования городов Мирмикий и Ахилай в районе Боспора Киммерийского бесспорен, причём города эти, как выяснилось, существовали задолго до появления греческих полисов в Крыму и на Тамани и до расселения здесь скифов. Как же соотнести «скифство» Ахилла с тем, что в его время этого народа ещё не было?

В древности нынешний Керченский пролив именовался греками Боспором Киммерийским, из чего следует, что территории, примыкающие к этому проливу, назывались Киммером. Первых обитателей этих мест, о которых имеются свидетельства в исторических документах, знали под именем «киммерийцы» или «кимары», (в исторических источниках сохранился и такой вариант имени этого народа), то есть жители Киммера, но возможно и другое толкование этого этнонима: «киммерские арийцы», так как «киммерийцы могут сами рассматриваться как арийцы».[177]

Действительно, считается общепринятым, что приблизительно к VII в. до н. э. на смену киммерийцам, племенам воинственным и распространившим своё влияние далеко за пределы Северного Причерноморья, пришли скифы. Но стоит подчеркнуть, что всё больший вес среди учёных приобретает то мнение, что великого переселения народов в тех масштабах, которые имеет в виду официальная историография, не было. Гораздо большее значение имела «последователь-

[177] *Вернадский Г. В.* Древняя Русь. М.: Аграф, 1997. С. 87.

ность этнического и расового напряжения»,[178] или, выражаясь более доступным языком, « народ остался на том же месте, но явился только под другим именем... Теория расположения народного весьма известна и народы не грибы, для которых достаточно одной ночи чтобы появиться во множестве даже и там, где их прежде и не бывало».[179] А это означает, что скифы являлись этническими наследниками киммерийцев точно так же, как сарматы — скифов («Скифов назвали Сарматами»[180]), хотя миграция народов, конечно же, имела место и оказывала в ряде случаев значительное влияние на демографическую картину Европы.

Так что Ахилл — и «киммериец», потому что он родом из киммерийского города Мирмикий, и «скиф», потому что слово это, изобретённое греками и от них к нам пришедшее, не являлось этническим определителем и обозначало не конкретный народ или нацию, но всех тех, кто обитал на территориях Восточной Европы, поэтому даже в X в. н. э., греческие авторы называли росов «тавроскифами».

А не происходил ли и тот, от кого мы узнали об Ахилле, из тех же краёв, что и его герой — из Киммерии? Ведь имя Гомер нам известно из Библии — так звали старшего сына Иафета, и, значит, есть основания для дальнейших рассуждений, каковые продолжим цитатой, взятой у А. Меня: «Перечень потомков Ноя в Быт. 10 представляет собой лишь отправную точку для раскрытия богословского учения о народах. Еще блж. Августин отмечал, что в 10-й главе «Бытия» говорится не столько об отдельных людях, сколько о «семидесяти двух отдельных народах. Имена их эпонимов в «Бытии» в одних случаях отражают древние этнические названия, а в других — названия древних местностей или народов, давших наименования областям. Тщательное сопоставление ономастики Быт. 10 с данными внебиблейских памятников позволило ученым установить, о каком народе идет речь в том или ином случае».[181]

Иными словами, имена, перечисленные в библейской родословной человечества — это имена или современных автору Писания

[178] Там же. С. 70.
[179] *Классен Е. И.* Указ. соч.
[180] Там же.
[181] См.: *Мень А.* Этнография библейская // *Мень А.* Библиологический словарь. Калининград–СПб., 2002. Т. 3.

племён и народов, или в существовании которых в прошлом он был уверен.

Следовательно, согласно выявленной зависимости, страна с названием, подобным имени Гомер, должна была существовать подобно тому, как существовала (и доныне существует) страна Иаван (Яван), что на языке авторов Библии обозначало и обозначает Грецию.

Для подтверждения сказанного обратимся к ещё одному библейскому свидетельству:

«4. ...и выведу тебя и всё войско твоё в полном вооружении... 6. Гомера со всеми отрядами его, Дом Фагорма, от пределов севера, со всеми отрядами его... 15. И пойдёшь с места твоего от пределов севера — ты и многие народы с тобою...».[182]

Здесь, безусловно, Дом Фагорма — государство. Несомненно также, что и под Гомером Иезекииль подразумевает страну. Имя Гомер может быть видоизменённым Киммер (Киммер–Гиммер–Гомер), и то, убеждение, что под именем Гомер скрывается Киммерия можно встретить у многих авторов. Не потому ли «Илиада» начинается с имени Ахилла, что и главный, по сути, герой поэмы и её автор были земляками?

В свете сказанного интересно замечание Ю. Ткаченко: «В конце I тыс. византийцы называли Русь, в частности, мармидонянами; этот этноним упоминается в предании о хождении апостола Андрея и его брата Матфия в страну мармидонян. Лев Диакон связывает тавроскифов с городом Мирмикий к северу от современной Керчи. Византийские авторы сближали племя мирмидонцев то с болгарами, то с русскими. Название Мирмикий происходит от греческого «мюрмикс» — муравей. Интересно заметить, что название восточных славян «анты» совпадает с названием муравья в английском — «ant», а у Птолемея и Хоризми упомянута впадающая в Батиху (Азовское море) река Марубис (рус. муравей). Имя «Ант» упомянуто в одной из боспорских надписей III в.»[183]

Стоит сказать и о том, что исследователями уже высказывалось предположение о киммерийском происхождении Гомера (например, В. Н. Дёминым), но доказательства этому не приводились.

---

[182] Иезекииль. XXXVIII, 4, 6.

[183] См.: *Ткаченко Ю.* Роль трансконтинентальной торговли в образовании Древней Руси. Киев, 2003.

Неизвестная известная земля

1

Даже те читатели, для кого история не является предметом интереса, слышали о «земле незнаемой», поскольку она упоминается в «Слове о полку Игореве», изучение которого предусматривает школьная программа по русской литературе. Вспомним: «...встрепенулся Див, кличет верху древа, велит послушати земле незнаемой, Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутараканский идол».

«Земле незнаемой», каковую располагают на юго-востоке от границ Киевской Руси, то есть приблизительно на территориях нынешней Донецкой и Ростовской областей, посвящено достаточно большое количество исследований. Суть этой проблемы заключается в простом вопросе: почему восточнославянские исторические источники называют упомянутые территории «землёй незнаемой» (неизвестной), в то время как хорошо известно, что русские дружины неоднократно их пересекали, не говоря уже о том, что в районе Керченского пролива – на восточной оконечности «земли незнаемой» находилось Тмутараканское княжество, официально входившее в состав Киевской Руси. Подробнее у Л. Гумилёва: «В русских источниках XII–XIII вв. Половецкая степь именуется «Землёй незнаемой». Это удивительно потому, что до 1093 г., а тем более в X в. русские свободно ездили в Тмутаракань и в Крым и даже через степи Северного Кавказа до берега Каспийского моря, и вдруг в Лаврентьевской летописи под 1252 г. про Андрея Ярославича Владимирского сказано: «Побеже в неведому землю». И то же в «Слове о полку Игореве» и в «Повести временных лет» Д. С. Лихачёв поясняет, что это название употребляется не в качестве географического термина, а в качестве эмоционального определения Половецкой степи. Но это тем более странно, так как название утвердилось за южной степью после победоносных походов Владимира Мономаха и резкого сокращения русско-половецких столкновений».[184]

Итак, почему хорошо известное обозначается в русских летописях как «незнаемое»?

---

[184] *Гумилёв Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. С. 467.

В попытках объяснить указанное противоречие между написанным и действительным привлекались самые различные аргументы: политические, экономические, географические или их сочетания, кроме одного — лингвистического, который попытаемся использовать мы. Откроем первое издание «Ироической песни о Походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича, писанной старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие», изданное в Москве в сенатской типографии в 1800 г. Найдём отрывок известный всем, как «Плач Ярославны».

Старинный русский язык: «Ярославнын глас слышит: зегзизею незнаем, рано кычет...»

«Употребляемое ныне наречие»: «Ярославны голос слышится, она, как оставленная горлица, по утрам воркует...».

Действительно, если под «незнаем» здесь понимать «неизвестная, незнакомая», то рассматриваемая фраза не только сразу же теряет свою поэтическую красоту, но и становится логически бессмысленной.

Итак, в первом издании «Слова» «незнаем» приводится в значении «оставленная», и тогда, применив его к рассматриваемому отрывку, получаем: «Див кличет на вершине дерева, велит послушать земле оставленной: Волге и т. д.». Иными словами, «незнаемая» земля — это «оставленная земля» — и всё становится на свои места. Под «оставленной землёй» следует понимать Тмутараканское княжество, принадлежавшее Киевской Руси до начала XII в.

Но почему в прочих контекстах «незнаем» переводится как «неведомая»? Здесь имела место историческая предубеждённость переводчика, состоящая в том, что во времена первых контактов российских историков и литераторов со «Словом», Тмутаракань, фигурирующая в русской истории всего сто лет и оставшаяся в стороне от дальнейшего её развития, была забыта. Весьма показательно, что ещё в 1709 г. ростовский митрополит Димитрий, работая над «Летописцем келейным» в письме к Феологу — монаху Чудова монастыря спрашивал: «Что за страна варяги и где город Тмутаракань?»[185] Поэтому не могло быть иного перевода слова «незнаемая», как только «неведомая», а вот применительно к Ярославне, где никаких предубеждений не было, древнерусское «незнаем» было переведено верно — «оставленная».

[185] *Захаров В. А.* Указ. соч. С. 204.

2

Именно туда — к «оставленной земле» — вели свой «полк» Игорь и его брат Всеволод, имевшие право на наследование Тмутараканского княжества, числившегося за черниговским «столом», который был незаконно отобран у их деда Олега.

Олег Святославич, внук Ярослава Мудрого, назван летописцем «гориславичем» за то, что «Тогда при Олзе Гориславличи соеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука, в княжих крамолах веци человекомь скратишась». Да, последнее это дело — приводить врагов в своё отечество против своих же, но так ли уж был одинок «Гориславич» в небрежении к согражданам ради собственных амбиций? Или не делал того же его главный враг и соперник Владимир Мономах, вошедший в историю в ореоле страдальца и борца за интересы земли русской? А ведь он-то, как раз, и его отец Всеволод неправедным путём оставили дядю и брата без законно причитавшегося ему черниговского стола. Все те деяния, которые и привели Олега к заклеймению на века столь позорным прозвищем, были спровоцированы Всеволодом и его сыном. Что же произошло?

В 1054 г. Ярослав раздаёт сыновьям княжества в наследственное владение: старшему Изяславу — Киевское, Святослав получает от отца Черниговское княжество, а третьему по старшинству Всеволоду остаётся Переяславское.

В 1073 г. Святослав и Всеволод, обвинив старшего брата Изяслава в стремлении к узурпации власти, изгоняют его из Киева. Освободившееся место занимает Святослав, а черниговский стол, соответственно, Всеволод.

После смерти Святослава в 1076 г. киевским князем становится Всеволод, но вскоре добровольно уступает место обретавшемуся в Польше Изяславу и возвращается в Чернигов, хотя Черниговский стол к этому времени должен был занять его законный наследник — сын умершего Святослава — Олег.

Всеволод превращает Олега в почётного пленника. Но «беже Олег сын Святослава Тмутараканю от Всеволода месяца априля 10», потому что в Тмутаракани княжил в то время его родной брат Роман Святославич, у которого Олег нашёл защиту и поддержку. Здесь Олег договаривается со своим двоюродным братом

Борисом Вячеславичем о походе на Чернигов и выступает в поход совместно с половецким отрядом летом 1078 г. Всеволод Ярославич терпит поражение, и Чернигов переходит в руки законного наследника. Но уже осенью город осаждён дружинами Владимира Мономаха, Всеволода, Изяслава и Ярополка, которые в кровопролитной битве на Нежатиной Ниве разбили Олега и Бориса, при этом Борис погиб; убили и Изяслава, стоявшего среди пешей дружины («внезапу приехав един, удари и копьём за плече»). Олег вновь бежит в Тмутаракань.

Всеволод становится великим князем Киевским.

Черниговское княжество он отдаёт своему сыну Владимиру от жены Ирины — дочери византийского императора Константина Мономаха.

В 1079 г. Олег и Роман предпринимают попытку вернуть Чернигов, но подкупленные Всеволодом половцы убивают Романа, а Олегу остаётся очередной раз вернуться в Тмутаракань.

Затем в Тмутаракани происходит странная детективная история — Олега Святославича похищают. «Емиша козаре, поточиша за море Цесарюграду». Почему хазары и почему в Константинополь — неясно. Но как бы там ни было, неудавшийся наследник Черниговского стола оказался в заточении, если не в буквальном смысле слова, то в ссылке уж точно. Но пути Господни неисповедимы, и случилось так, что Олег из никому не нужного пленника, вдруг превратился в козырную карту в игре Константинополя, связанной с тмутараканской нефтью, в которой крайне нуждалась армия Византии.

Дело в том, что прежние, расположенные в Малой Азии источники нефти, служащей для приготовления знаменитого «греческого огня», решавшего исход многих сражений в пользу византийцев, оказались в руках турок. В политике Константинополя возник «порочный круг»: для того, чтобы противостоять туркам, серьёзно угрожавшим империи, нужна была нефть, а для того, чтобы получить нефть — нужно было отбросить турок. Какой же выход? — Нефтяные источники Тмутаракани!

Опальный Олег пришёлся как нельзя кстати. Его извлекают из небытия и, вспомнив о княжеском достоинстве, женят на не менее достойной представительнице одного из знатнейших родов Византии — Феофании Музалон. В 1083 г. молодожёнов в сопровождении войска

доставляют в Тмутаракань: «Прийде Олег из Грек Тмутараканю, и я Давид и Володаря Ростиславича и съде Тмутаракани. И исъече казары, иже бъеша светницы за убиение брата, а Давида и Володаря пусти». Таким образом, Олег изгоняет Давида и Володаря, получает тмутараканский стол, а Византия — нефть.

Однако на этом воинственный и многострадальный Олег не успокоился. В 1094 г. всё с теми же половцами он всё-таки вытеснил Владимира Мономаха из Чернигова, однако через два года Мономах и Святополк Изяславич не только выгнали Олега, но и отняли у него окраинные Курск и Муром.

В 1096 г. при осаде Мурома Олег убил сына Мономаха Изяслава, захватившего принадлежавший Олегу Муром, но через короткое время потерпел поражение на реке Колокше от другого «мономашича» — Мстислава, не побрезговавшего, кстати, половецкой помощью. Сведения о дальнейшей судьбе Олега противоречивы. Он был последним русским князем, правившим Тмутараканью, и вошёл в историю России под официальным именем Олег Тмутараканский.

3

Конечно же, учёными-историками высказывались предположения о том, что целью похода Игоря Святославича были не половцы, а Тмутаракань. В «Слове» неоднократно подчёркивается, что «Два сокола далеко улетели с отчего золотого стола, добыть хотели Тмутаракани». Но почему в исследованиях, посвящённых «Слову» не рассматривается тот важный факт, что и великий князь Святослав Всеволодович, собирая дружины для похода на половцев, на самом деле имел ввиду нечто иное — то, о чём говорится в «ПВЛ» по Ипатьевскому списку под 1185 г. «Святослав Всеволодович шёл, говорят, в Корчев», то есть в Керчь и, как видим, также старался избежать широкой огласки задуманного предприятия: «говорят...». Но такие планы вряд ли можно сохранить в тайне, коль скоро он намеревался поставить под своё начало объединённые дружины русских княжеств. Святославу Всеволодовичу, осуществить свою задумку было гораздо проще, чем Игорю, уже хотя бы потому, что он располагал достаточными силами, и ему не нужно было договариваться с половцами о возможности пересечения степи. Напротив, встреча и битва со степняками входила в

планы князя киевского. Следует подчеркнуть, что ни Тмутаракань, ни Корчев никогда не принадлежали половцам, чему имеются убедительные доказательства.

Отсутствие в летописи упоминания русских князей, правящих в Тмутаракани после Олега («Гориславича») говорит о том, что это княжество, если и числилось за Русью, то только номинально, и почему после семидесятилетнего безразличия к таманскому княжеству, оно снова привлекает внимание Киевской Руси?

Ответ на этот вопрос не освещён в исторической литературе и ждёт своих исследователей, но мы можем предположить следующее: появление половецкой опасности на южных и восточных границах Руси, приведшее к необходимости напряжения и сосредоточения сил государства для её преодоления и, как следствие этого, прекращение надёжного и безопасного сообщения между Русью и Тмутараканью, провизантийская атмосфера, которая воцарилась в Тмутаракани во время княжения там Олега Святославича, сделали продолжение постоянного русского присутствия в Тмутаракани невозможным. Но по прошествии времени здесь создалась такая же ситуация, которая за два века перед этим привела приильменские племена к призванию варягов с той разницей, что теперь знаменитая фраза должна была звучать так: «Возвращайтесь княжить и володеть нами» А это означало, что достигший Тмутаракани русский князь получит там полную поддержку местных племён, и, следовательно, для возвращения Тмутаракани в лоно Киевской Руси оставалось единственное препятствие — половцы. Такой возможностью, значительно повышающей статус того, кто присоединит к своим владениям Тмутаракань, грех было не воспользоваться. Главными претендентами, между которыми могло развернуться соперничество за обладание Тмутараканью, были великий князь Киевский, как главный администратор государства, и князь Новгород-Северский Игорь Святославич, право наследования которого на этот город никто не отменял. Однако, длительное отсутствие Ольговичей в Тмутаракани, делало это право не таким уж и бесспорным, и в данном случае всё зависело от того, кто первый окажется в городе. Так что Игоря, прознавшего о намерениях великого князя, не могли остановить никакие солнечные затмения — надо было спешить, чтобы Тмутаракань, на которую он всё-таки имел более прав, чем любой другой князь Руси, не подмял под себя Святослав.

4

И теперь посмотрим на событие, случившееся в Половецкой степи в 1185 г., с позиции, которая выяснена нами в процессе предыдущих рассуждений. У Игоря, князя Новгород-Северского, внука Олега Святославича Тмутараканского, уже давно зародилась мысль вернуть себе дедовский Тмутараканский стол, не чужды были Игорю и великодержавные планы: восстановить Русь в древних границах от Волги до Киева, от Новгорода до Тмутаракани.

В свои планы он посвятил ближайших родственников — прямых потомков Олега — брата Всеволода, племянника Святослава, сына Владимира. Договорившись сохранять в тайне свои намерения, Ольговичи стали готовиться к их реализации, первым шагом к чему стал их отказ от участия в общерусском походе против половцев в 1184 г., организованном великим князем Киевским Святославом. Несомненно, Игорю и его соратникам пришлось стерпеть множество упрёков в пренебрежении к общерусским интересам и даже обвинений в предательстве, но такой отказ был продиктован необходимостью поддерживать мир с половцами, по чьей территории намеревался провести Игорь свой «полк» к далёкой Тмутаракани. Существовала ещё одна причина, облегчавшая отношения князя со степняками, на поддержку которых он рассчитывал в случае успеха своего предприятия. Игорь сам, будучи сыном половецкой княжны, имел достаточно тесные родственные связи с половцами и приходился сватом хану Кричаку, на дочери которого Игорь (возможно, по расчёту) женил своего сына Владимира.

23 апреля 1185 г. Игорь выходит из Новгорода-Северского и направляется на юго-восток к берегам Оскола, где 3 или 4 мая встречается с братом Всеволодом и его дружиной. Подчеркнём, что в составе русской дружины не было пеших воинов, что ещё раз подтверждает наш вывод о том, что Игорь не намеревался вести боевые действия, но более заботился о быстрейшем преодолении расстояний. 8 мая Игорь и Всеволод вступают в густонаселённые районы половецкой степи, и нет ни малейшего сомнения, что их продвижение, по крайней мере с этого момента, контролируется половцами. Но, тем не менее, 10 мая случается событие, роковым образом повлиявшее на дальнейшие планы Игоря — один из отрядов боевого охранения Игорева войска, двигавшийся или впереди, или параллельно основным силам, наткнулся в степи на половецкое селение и разграбил его. Вспомним:

«Спозоранок в пятницу смяли они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девок половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие аксамиты. Покрывалами и плащами, и кожухами стали мосты мостить по болотам и топким местам, и всякими нарядами половецкими. Червленый стяг, белое знамя, червленый бунчук — храброму Святославичу». Не стоит обольщаться словами «полки половецкие» — речь идёт об обычном, не ожидавшем «спозоранок» нападения кочевье, в котором находились и мужчины-воины, и «красные девки половецкие».

Невозможно предположить, что это нападение на половецкий стан было санкционировано Игорем. Надо было быть попросту ненормальным человеком (на это обращали внимание и историки, и военные специалисты), чтобы сделать такой шаг в самой гуще половецких владений. Сын половчанки, Игорь прекрасно понимал, что совершил, хотя и против своей воли, тягчайшее по степным законам преступление — обман доверившихся, карающийся смертью независимо от того, кем совершён обман — одним человеком, группой людей или государством. Князь понял, что истребление его войска неизбежно, но отступать было поздно и свои знаменитые слова: «Братие и дружина! Лучше убитыми быть, чем пленёнными быть» князь сказал сейчас, а не тогда, в начале похода, когда ещё не было никакой угрозы пленения.

Есть ещё одно обстоятельство, которое, может быть, даже больше, чем уже приведенные, доказывает правильность наших предположений. Имеется в виду морально-психологическая обстановка вокруг имени Игоря после его возвращения из половецкого плена. Князя, погнушавшегося общерусскими интересами во имя собственных амбиций, поведшего воинов на заведомую гибель, встречают как героя: «Солнце светится на небе, Игорь-князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае — вьются голоса через море до Киева. Игорь едет по Боричеву к святой Богородице Пирогощей. Страны рады, города веселы». Его деда за аналогичные действия заклеймили на века позорным прозвищем «Гориславич», а здесь «города веселы» — почему? Да потому, что возврат исконных земель во все времена и у всех народов считался делом святым. К моменту возвращения Игоря из плена, на Руси уже знали о цели его похода, очевидно, вызвавшего всплеск общерусского патриотизма, а то, что князя постигла неудача — так это уже совсем другое дело. В коварстве (чего уж там, не впервой) обвинили половцев.

Вероятно, поход Игоря воскресил на Руси память об утраченных землях, о былом её могуществе, но продолжать дело, начатое им, не было возможности. Удельные распри достигли своего апогея к концу XII в., а в 1223 г. они привели к позорному поражению русских дружин на Калке, вообще лишившему русское государство независимости.

Код Руслана

1

«Мир полон тайн» — расхожая фраза, но это действительно так. Тайны существуют на всех уровнях человеческого бытия — от индивидуума до государства, но, по сути, причина их появления проста и понятна — отсутствие информации или её преднамеренное сокрытие. Атлантида — пример первого, Киевская Русь — второго.

Именно поэтому в целом ряде случаев человек разумный, выявив аргументы, опровергающие установившееся мнение или меняющие представление о событиях и личностях и, соотнеся свое открытие с окружающими его обстоятельствами, предпочитает заявить о нём в, так сказать, неявной форме — тогда и возникает та парадоксальная ситуация, когда одну тайну превращают в другую. И хотя обилие публикаций, обещающих раскрытие разного рода загадок, но не сдержавших слова, в определённой степени отвратило от них любопытную публику, следует признать, что наши предки оставили нам ещё много такого, над чем стоит поразмыслить.

Последнее замечание относится и к поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». Выяснить, так ли это, есть цель данной работы.

2

В 1818 г. бывшие до этого дружескими и тёплыми отношения между А. С. Пушкиным и Н. М. Карамзиным стали портиться, а по прошествии двух лет размолвка между ними стала очевидной.

Причине размолвки посвящено множество исследований как пушкинистов, так и тех учёных, в чьи научные интересы входит изучение жизни и творчества Карамзина. В общем и главном, её основой считают несогласие во взглядах поэта и историка на самодержавие и крепостничество, называя первого их ярым противником, а второго — сторонником. У специалистов, очевидно, есть все основания для указанного вывода, но хотелось бы обратить внимание на некоторые детали ссоры, позволяющие предположить, что она возникла не только и даже не столько из-за упомянутых разногласий, сколько из-за разногласий на почве самой истории.

В те годы, когда, по выражению Пушкина, Карамзин «оскорбительно устранил его от себя», поэт работал над поэмой «Руслан и Людмила», художественные достоинства которой были настолько бесспорны, что В. А. Жуковский после её завершения в марте 1820 г. подарил автору свой портрет с надписью «Победителю ученику от побеждённого учителя», и нет никакого сомнения в том, что и Н. Карамзин, сам талантливый литератор, по достоинству оценил поэтический талант расцветающего гения. Тем более странно узнать, что в своём письме к Вяземскому Карамзин, имея в виду «Руслана и Людмилу», пишет «Увидим, какой эпилог напишет он к своей поэмке».[186]

Вряд ли кто-то станет спорить, что пренебрежительный эпитет «поэмка» относится к содержанию произведения, а не к его художественному уровню. Очевидно, в «Руслане и Людмиле» Карамзина что-то возмущало как историка, с чем-то он был не согласен и высказывал автору своё несогласие, так как начало поэмы было положено ещё во время их дружбы.

Дело в том, что поэма «Руслан и Людмила», являясь по форме сказкой в стихах, тем не менее, наложена на конкретное пространство и время, то есть повествование имеет временной ориентир, определённый присутствием в сюжете князя Владимира Святославича, годы жизни и деяния которого хорошо известны. Известно и место, где происходит завязка событий — это древний Киев, которым в своё время правил упомянутый князь Владимир, так что обычный сказочный зачин «в тридевятом царстве, в тридесятом государстве жили-

[186] *Эйдельман Н. Я.* Пушкин и Карамзин. Из истории взаимоотношений // А. Пушкин. Исследования и материалы. М., 1986. Т. 12. С. 289.

были...» в данном случае имеет конкретное наполнение: конец X – начало XI в., Киевская Русь.

Привязав «Руслана и Людмилу» к месту и времени, автор взял на себя определённую ответственность, понимая, что описываемые им события читатель будет преломлять через эти реалии и отмечать их соответствие историческим фактам. При этом первыми читателями поэмы были люди, близкие Пушкину, и, как правило, хорошо образованные, среди которых был и Н. Карамзин.

3

Излишне говорить, что имена героев народных сказок всегда указывают на их национальную принадлежность. На печи, управляемой «щучьим велением», ездит Емеля, а не Генрих, сестрицу Иванушки зовут Алёнушка, а не Гертруда. То же и в авторских сказках: имя деревянного сына итальянского плотника Карло — Буратино, а не Степан, а хитрого кота — Базилио, а не Василий.

Но уже имя главного героя поэмы «Руслан и Людмила» вызывает недоумение, потому что у русских, под которыми мы в данном случае понимаем жителей Киевской Руси, такого имени никогда не было. Это может показаться странным. Казалось бы, в самом имени Руслан (Рус-лан) заложена его «русскость»: автор дважды в сцене его боя с Черномором указывает, что Руслан — русский:

«Меж тем, на воздухе слабея
И силе русской изумясь,
Волшебник гордому Руслану
Коварно молвит: «Слушай, князь!»

«Теперь ты наш: ага дрожишь!
Смирись, покорствуй русской силе!
Неси меня к моей Людмиле».

И тем не менее, ни в одном из известных нам славянских исторических источников нет действующих лиц с таким именем. Разумеется, мы не можем предъявлять Пушкину каких-либо претензий, так как речь идёт о художественном произведении, а не научном труде, но ведь гениальный поэт мог легко избегнуть такой неувязки, выбрав любое из бесспорно русских имён.

В то же время можно предвидеть возражение, что имя Руслан А. Пушкин взял из былины «О неком славном богатыре Урусла-не Залазоревиче», и его использование настолько же правомочно, как и использование, например, имён Микула, Никита, Илья, Добрыня, Алёша, Святогор. Но специалисты единодушны в том, что образ былинного Еруслана «уходит корнями в героический иранский эпос о Рустаме, сыне Залазара (поэма Фирдоуси «Шахнамэ»). Образ этого богатыря впоследствии был воспринят тюркскими народами, где Рустам Залазар превратился в Арслана Зальзара (арслан означает лев), а затем в XVII в. попал в русский сказочный фольклор в образе уже русского богатыря Еруслана Залазаровича или Лазаревича».[187]

О том, что Еруслан Залазарович никакого отношения к славянам не имел, Пушкин, безусловно, знал, но почему, не будучи ограниченным в выборе имени супруга Людмилы, он остановился на том, которое имеет в своей основе иранский источник? А нет ли связи между именем главного героя и первыми строками поэмы, известными каждому человеку, говорящему на русском языке:

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных;
Чредой из вод выходят ясных,

[187] См: *Зима Д. и Н.* Тайна имени. М., 2002.

И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русской дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...

Обратим внимание на то, что «учёный» сказочник находится на берегу моря, а не на берегу Днепра в киевских или черниговских лесах, что вполне объяснимо, потому что предками русских (как считается) были обитавшие на берегу моря скандинавы — варяги, которых «Повесть временных лет» называет «русью». Но ни баба Яга, ни Кащей, ни тридцать витязей морских не присутствуют в фольклоре североевропейских, да и вообще, европейских народов — они имеют явно южное восточное происхождение. Баба Яга, например, пришла в русские сказки из североиранских сарматских преданий, а местом жительства Кащея было «тридевятое царство, подсолнечное государство», то есть и он родом их южных краёв. Но, даже не зная этих подробностей, мы не можем избавиться от впечатления, что «дуб зелёный» стоит на берегу южного моря, что «кот учёный всё ходит» по траве, а не по снегу, и что «тридцать витязей прекрасных» выходят из тёплых вод: ведь дядьку-то их зовут Черномором.

И если согласиться с тем, что строки запева поэмы следует связывать с югом, то, следовательно, и там, на юге, «русский дух», там, на юге, «Русью пахнет»!

4

Естественным выводом из вышеизложенного должен стать тот, что Пушкин имел свой особый взгляд на историю Древней Руси, суть которого заключалось в том (завоёвывающем в настоящее время всё большие позиции) подходе к истории Руси, что её начало следует искать не на севере, а на юге Европы. При этом у нас нет никаких оснований считать, что поэт располагал или имел доступ к каким-то скрытым от прочих сведениям. В подтверждение сказанному приведём выдержку из трудов Д. Иловайского.

«Тмутраканское княжество упоминается тогда, когда оно получило князей из дома Рюриковичей, то есть вошло в состав общей, объединенной Руси. Но ничто не доказывает, чтобы это была собственно колония Днепровских Руссов, и тем менее Руссов Скандинавских. Иначе мы не уясним себе многого в нашей начальной истории, и в особенности не поймем арабских известий.

Существование Азовской или Таманской Руси объясняет нам упоминаемые Арабами походы Руссов на Волгу и в Каспийское море в 913 и 944 гг. — походы, наделавшие много шуму на Востоке, но о которых русская летопись ровно ничего не знает. Эти походы естественнее всего приписать Руси Тмутраканской, а не Киевской (а тем менее Скандинавской). Укажу еще на известие Ис-тахри, повторенное у Ибн-Хаукала, о том, что Русь состоит из трех племен: первое, царь которого живет в городе Куяба; второе, называемое Славия, и третье Ар-тания, царь которого живет в городе Арте. Куяба или Кутаба это, конечно, Киев; под именем Славии с достоверностью разумеют Новогородскую землю; но Артания ставит толкователей в большое затруднение. Некоторые ориенталисты пытались выпутаться из него с помощью мордовского племени Эрза или Эрзяне, и город Арта оказывался не что иное, как Арзамас (Френ). Другие пытались из Артании сделать Биарманию или Биармию (Рено). А между тем арабские географы постоянно помещают Руссов между Хазарией и Румом (Византией), чему совершенно не соответствует северная полоса России. В данном случае Истахри прямо говорит, что Арта находится между Хазаром и Дунайским Болгаром. Мы думаем, что нет нужды отыскивать особое русское племя в глубине мордовских лесов или на далеком севере, и прелагаем третью догадку, а именно: Арта и Артания суть греческая Таматарха, русский Тмутаракан. Это место

арабских источников будет для нас тем важнее, что тут ясно разделяется Русь Киевская от Руси Черноморской и Северной, тогда как во многих других случаях у Арабов Русь Днепровская и Черноморская очевидно смешиваются и тем затрудняется понимание текста. Точно так же у них смешиваются иногда в одну две Болгарии, Волжская и Дунайская; отчего также происходит немалая путаница. Тмутракань объяснит нам и упоминаемый Арабами какой-то остров, обитаемый Русью, окруженный озером, покрытый лесами и болотами, нездоровый и сырой (Ибн-Даста и Мукадеси). Много было догадок насчет этого непонятного острова: его толковали и Данией, и Скандинавией, и какими-то Волжскими островами, и наконец просто считали его выдумкою. Нам кажется, что вопрос будет ближе к решению, если мы под этим болотистым нездоровым островом признаем Тамань. (Может быть, тогда объяснится и «остров Русия», упоминаемый у Истахри.) Тмутраканская Русь может объяснить и те известия у Арабов, где ставится Русь отдельно от Куябы (напр., у Ибн-Фадлана говорится о привозе разных вещей в Хазарию из Руси, Булгара и Куябы). Вообще Арабы ближе были знакомы собственно с Азовско-Черноморскою Русью, нежели с какою-либо другою».[188]

Из этого отрывка следует, что и Иловайский, впервые открыто заговоривший о существовании Таврической Руси, и разделявшие его мнение современники исходили в своём убеждении из хорошо известных (во всяком случае, для всех интересующихся) исторических источников, логический анализ которых сам по себе приводил к мысли о существовании Руси на берегах Чёрного моря. И почему нужно исключить предположение, что недавний лицеист, ученик Ивана Кузьмича Кайданова — заслуженного профессора истории Царскосельского лицея, члена-корреспондента Академии наук, автора ряда учебников по всеобщей и русской истории и нескольких исторических исследований по древней и всеобщей истории, не мог обратить внимание ранее других на те неувязки и «нестыковки» официального курса истории Древней Руси, на которые через несколько десятилетий обратил внимание Иловайский? Наверняка мог, если при этом учесть ещё и дар гения проникать в суть вещей и явлений.

Научные взгляды Д. Иловайского, Г. Вернадского, Ю. Брайчевского, считавших, что начало Руси следует искать в Северном При-

[188] *Иловайский Д. И.* Указ. соч.

черноморье, существуют лишь как версия, значительно менее известная в сравнении с официальной, указывающей на то, что родиной древних русов был север Европы. В этом нет ничего удивительного, потому что официальная версия базируется на официальном историческом источнике — «Повести временных лет», не доверять или доверять которому можно с той же степенью вероятности, как доверять или не доверять сообщению, например, Абу Али Ахмеда ибн Омар Ибн Русте: «Что же касается ар-Руссийи, то она находится на острове, окруженном озером. Остров, на коем они (русы) живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр, так что стоит человеку ступить ногой на землю, как она трясется из-за обилия в ней влаги... У них есть царь, называемый Хакан русов. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булгар и там продают... Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян... Единственное их занятие торговля соболями, белками и прочими мехами... У них много поселений, и живут они привольно. Гостям оказывают почет, с чужеземцами, которые ищут у них покровительства, обращаются хорошо, как и с теми, кто часто у них бывает».[189]

Это одно. Другое же то, что «Повесть временных лет» всё-таки оставляет надежду на славянство русов, исходящую из возможного славянства Рюрика, в то время как при первородстве Таврической Руси вопрос о славянстве русов вообще не стоит — они, как выяснилось, должны быть причислены к ирано-сарматскому этносу.

Но вряд ли можно игнорировать убеждённость Д. Иловайского в том, что признание южного происхождения Руси становится ключом к пониманию многих, считающихся противоречивыми сообщений восточнославянских летописей и хронографов.

5

Однако Тмутараканская (Северопричерноморская) Русь была не единственным «яблоком раздора» между Пушкиным и Карамзиным, потому что логическим продолжением её существования не как придатка, а как истока Руси, становился вывод о том, что русские, как нация, есть результат ассимиляции представителей двух этносов:

[189] Цит. по: *Гумилёв: Л. Н.* От Руси до России. С. 357–358.

ирано-сарматского в лице народа «Русь», обитавшего в Северном Причерноморье и распространившегося по территории Восточной Европы, и славян — главным образом, моравов, эмигрировавших в эти же местности в VIII–IX вв. Чтобы убедиться в обоснованности такого предположения, обратимся к имени главной героини поэмы — Людмила. Оно также относится к славянским, точнее, к западнославянским. «Реальная» Людмила — дочь сербского князя, жила в конце IX – начале X в. и, став женой чешского князя Буривоя, вместе с ним приняла христианство от самого Мефодия, епископа Моравского, брата Кирилла. Супруги занимались распространением христианства среди славян и просветительской деятельностью. Умерла Людмила мученической смертью за веру и была канонизирована христианской церковью. Отметим, что в восточнославянских источниках имя Людмила, как и имя её литературного супруга, не известно, но то, что литературная дочь киевского князя носит имя сербской княгини, принявшей крещение от моравской православной церкви, могло иметь целью обратить внимание читателей в сторону славян западных, роль которых в становлении Киевской Руси замалчивалась (в том числе и Карамзиным), несмотря на множественные сообщения об этом европейских хроник, например, хроники Х. Фризе. Факт моравского влияния на Русь IX–X вв. следует также из данных археологических раскопок в Киеве, из которых следует, что часть местных захоронений древности относится к выходцам из Моравии. «Хроника всего света» Мартина Бельского и «Хронограф Западнорусской редакции» сообщают о Моравской империи, включавшей в X в. земли русского государства: «Святоплуг Моравский король держал в то время русские земли». Чешская хроника Пулкавы конца XIV в. включает в состав Моравии времён Святополка «Полонию и Руссию».[190] Русский список XVII в. «Пространного жития Кирилла Философа», списанный с сербского списка, хранившегося в монастыре на Афоне, содержит своеобразную титулатуру моравских князей: «Ростислав бо и Святополк князь моравский и Туровский и всей России».

О том, что прародиной славян были придунайские земли, восточнославянские летописцы знали: «По мнозях же временах (в древние времена) сели суть славяне по Дунаеви, где ныне есть Угорьска земля и Болгарьска», «В Моравы бо доходил и апостол Павел и учил ту. Ту

---

[190] *Кузьмин А. Г.* Падение Перуна. М., 1988. С. 129.

бо есть Илурик (Иллирия), его же доходил апостол Павел, ту беша славяне первое (тут обитали первые славяне)». Знали они также и то, что «Тако же и те славяне, прешедшие (подчёркнуто мной. — *А. Г.*), седоша по Днепру и нарекошася поляне». Иными словами, те славяне, каковых называют «восточными» на самом деле были «перешедшими» и «осевшими на Днепре» славянами западными — эту версию поддерживает Л. Н. Гумилёв: «Как ныне установлено, славяне не были аборигенами Восточной Европы, а проникли в неё в VIII в., заселив Поднепровье и бассейн озера Ильмень. До славянского вторжения эту территорию населяли русы, — этнос отнюдь не славянский».

В свете рассматриваемой темы показательным является факт существования преданий о крещении Руси и свержении идолов богатырем-христианином Ельей Моровлиным, захороненным в киевских пещерах, от которого некоторые авторы производят эпический образ широко известного Ильи Муромца. Не с этим ли связана пушкинская эпиграмма, на которую также обиделся Карамзин?

«Послушайте, я сказку вам начну
Про Игоря и про его жену,
Про Новгород и Царство золотое
И наконец про Грозного царя...»
— И, бабушка, затеяла пустое!
— Докончи нам «Илью-богатыря»!

6

Как уже отмечалось, рассматриваемое произведение привязано к конкретному месту и времени, и поэтому кажущийся случайным выбор имён двух главных его героев на самом деле является не случайным и имеет в виду привлечь к этому обстоятельству внимание читателей, что, собственно говоря, и случилось и, таким образом, подтверждается наше предположение о том, что Пушкин имел собственное, несхожее с общепризнанным представление об истории Древней Руси.

Имя Руслан символизирует обитавших в Северном Причерноморье русов, освоивших в начале нашей эры земли в среднем течении Днепра, а имя Людмила символизирует придунайских (западных) славян, мигрировавших в эти местности в VIII–IX вв. Совместное существование тех и других (брак как символ единения) привело к

созданию государства Киевская Русь, взявшего (в самом общем плане) своё имя от русов, а язык, письменность и религию — от славян.

7

Поэма была завершена весной 1820 г. Не так много времени прошло с тех пор, как залы Петербургской академии наук оглашал голос М. Ломоносова, отстаивавшего перед лицом немецких профессоров славянство древних русов. А победа над Наполеоном, поставившим на колени Европу, но разбившего голову о русский «камень», была совсем рядом. Пушкин, кому достаточно часто напоминали, что его славянская кровь разбавлена африканской, понимал несвоевременность открытого и прямого обнародования своих соображений, которые развенчивали освящённую веками «Повесть временных лет». Её можно было комментировать, рассматривать под разными углами зрения, даже упрекать Нестора в определённой нелогичности, но — Боже упаси! — никто не покушался на реальность летописных героев и событий.

Н. М. Карамзин был не только ревностным хранителем, но и главным (по долгу службы) защитником этой традиции. Он хорошо представлял себе, что «Руслан и Людмила» будет доступна самым широким кругам читателей, которые вполне могут задаться теми же вопросами, которыми задались и мы. Имея своё твёрдое известное воззрение на историю Древней Руси и разуверившись в попытках разубедить Пушкина в том, что «русский дух» пришёл со стороны «лукоморья», Карамзин заявляет о «несерьезности, неосновательности» Пушкина, и опять-таки заметим, что такое определение касается только содержания поэмы.

Пушкин знал и любил историю. В его творческие планы на будущее входило создание значительных произведений на историческую тему и даже за несколько часов до дуэли поэт, как известно, «занимался выписками из сочинения Голикова о Петре I и чтением «Истории России в рассказах для детей» Ишимовой».[191]

Не погибни Пушкин, мы, несомненно, восхищались бы его пониманием и интерпретацией известных исторических событий, и, может быть, он решился бы рассказать и о том, о чём только намекнул в «Руслане и Людмиле».

---

[191] *Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951.

Росский Неаполь и еврейский Самкерш

Представляя политическую и демографическую ситуацию, которая имела место в Северном Причерноморье в период Раннего Средневековья, и, основываясь на полученной ранее информации, мы можем попытаться понять этимологию названий некоторых городов Крыма и Тамани и уточнить их месторасположение.

Решая проблему локализации городов в Северном Причерноморье, следует учесть ряд факторов прямо или косвенно влияющих на ход наших рассуждений. Один из них связан со спецификой постройки крепостных сооружений в Хазарском каганате.

К сожалению, невозможно говорить о каких-то характерных особенностях в архитектуре и в способах возведения хазарами крепостей и городов, поскольку нет достаточного количества примеров, позволяющих сделать соответствующие выводы. Вместе с тем историки располагают некоторым материалом, который сочетает в себе как сообщения письменных источников, так и археологические свидетельства: имеется в виду крепость Саркел, хазарская принадлежность которой не вызывает никаких сомнений.

О Саркеле (Белой Веже русских летописей) известно следующее: «Надо сказать, что немногие средневековые города и тем более крепости, расположенные в Восточной Европе, удостаивались быть упомянутыми в синхронных или даже более поздних историко-географических сочинениях. Что же касается Саркела, то он упоминался неоднократно в средневековых сочинениях, что является, очевидно, надёжным свидетельством его значительной роли в жизни громадного степного региона, включавшего не только земли Хазарского каганата, но и его окружение. Письменные сведения о Саркеле много раз рассматривались в трудах историков XIX–XX вв. Как правило, любое упоминание этой крепости начиналось с цитаты или пересказа известного сочинения Константина Багрянородного, писавшего в середине X в. о постройке Саркела, значении крепости для каганата и указавшего достаточно точное время её строительства (30-е годы IX в.). Позднейшие средневековые хронисты, как и современные историки, добросовестно излагали в своих хрониках подробный рассказ Константина Багрянородного. Сохранились и иные источники, свидетельствующие о существовании

Саркела (в частности, русская летопись или письмо хазарского владыки кордовскому еврею Хасдаю ибн-Шафруту), немногим дополнившие сообщения византийских авторов.

Следует признать, что мало найдётся памятников у нас в стране, которые были бы изучены с такой полнотой и профессионализмом... Саркел — пока единственный памятник, который уверенно можно связать с хазарами или, во всяком случае, с их правителями, в частности с каганом. Об этом писал Константин Багрянородный: "...хазары просили василевса Феофила построить им эту крепость.., — и далее уточняет, — ...известно, что хаган и пех Хазарии, отправив послов к этому василевсу Феофилу, просили воздвигнуть для них крепость Саркел".

Крепость была поставлена на пересечении нескольких караванных путей, и одной из основных её функций была таможенная служба. Караваны, проходившие по дорогам в крепость, останавливались в ней. Очевидно, для них предназначался пристроенный к стенам цитадели караван-сарай... Строительство караван-сарая и помещение его в наиболее безопасное и охраняемое место в крепости говорит о первоначально задуманной «специализации» крепости. Недаром Константин Багрянородный назвал её (переводя название Саркел) не только «Белой крепостью», но и «Белой гостиницей»... Таким образом, крепость Саркел, выстроенная, в основном, как таможенный и перевалочный пункт на скрещении сухопутных дорог, в X в. стала торгово-ремесленным городком, мимо которого с Азова на Волгу и обратно плыли по Дону корабли с товарами... Утверждение многих историков, основанное на рассказе Константина Багрянородного, о том, что главной функцией Саркела была оборона земли хазар, лишено основания, поскольку Саркел стоял в густонаселённом районе, далёком от границ, которые нуждались в защите».[192]

Приведенная информация полностью опровергает то устоявшееся мнение, что Саркел был построен как крепость, защищающая западные границы каганата. На Саркел следует смотреть как на сооружение, предназначенное, в первую очередь, для обеспечения торговых интересов Хазарии. Проектировщики крепости имели своей целью создать временное пристанище, защиту и отдых торговых караванов, поступившись по теперь уже понятным причинам условием её неприступности.

[192] *Плетнёва С. А.* Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим: Гешарим, 2000. С. 85–91.

Очевидно, с этих позиций следует подходить к архитектурно-планировочной организации и других хазарских городов, которые известны нам как торговые центры, имея в виду, что такой центр, как правило, состоял из самого города и примыкавшей к нему крепости. Важно представлять, что эти две составляющих части зачастую имели различные имена, иногда принадлежавшие даже языкам разных народов, как, например, основанная еврейскими купцами-раданитами крепость Самбат, располагавшаяся рядом с городом Киевом.

Такой подход позволяет в значительной степени упорядочить ту неразбериху, которая имеет место с топонимами в Северном Причерноморье. В свете сказанного могут быть представлены следующие соображения по локализации некоторых городов и селений Северного Причерноморья:

На западном берегу Керченского пролива:
Город Боспор (Пантикапей)
Крепость Керш
Селение Мама Росская под Кершем

На восточном берегу Керченского пролива:
Тмутаракань (Таматарха)
Крепость Самкерш
Новгород Российский (Росия) в устье Кубани («Остров Росов»)

Все перечисленные города и крепости фактически принадлежали торгово-военному союзу росов и евреев, а юридически — Хазарскому каганату.

Разумеется, приведенная локализация нуждается в аргументации, каковая и будет приведена далее. Подчеркнём, что эта аргументация основывается на том, что начало Руси следует искать в Северном Причерноморье.

Начнём с наиболее крупного и известного в этих местах города — Керчи. Его первое имя — Пантикапей. Этот город был основан в результате греческой колонизации Северного Причерноморья и располагался на западном берегу пролива (Боспора), соединяющего Чёрное и Азовское моря и, может быть, поэтому его второе имя — Боспор. О том, что Пантикапей имел следующее (а может быть и параллельное) имя свидетельствует греческий император Константин Багрянородный: «Из Меотидского озера выходит пролив по назва-

нию Вурлик и течёт к морю Понт; на проливе стоит Боспор, а против Боспора находится так называемая крепость Таматарха. Ширина этой переправы 18 миль».[193]

Ни название Пантикапей, ни Боспор не вызывают каких-либо этимологических разногласий. Оба топонима греческие, говорящие о том, что город поменял имя, но не хозяина, точнее, этническую принадлежность. А вот имя Керчь, под которым город известен до сего дня, не нашёл этимологического толкования и его, идя от обратного, относят к хазарскому языку, так как Крым в Раннем Средневековье принадлежал хазарам и числился как Хазария на картах вплоть до XIV в. Мы же, однако, уточним — не только хазарам, а и хазарским (то бишь проживавшим в Хазарии) евреям, поэтому корень слова Керчь (керш) возможно искать в иврите. Но прежде обратимся к летописному сообщению: «В лето[194] 6576 г. (зима 1067–1068 гг.) индикта 6 Глеб князь мерил море по леду (подчёркнуто мной. — *А. Г.*). От Тмутараканя до Корчева 10 000 и 4000 сажень».[195]

В приведенном отрывке для нас в данном случае интересно то, что Боспорский пролив в зимнее время замерзал, потому что, очевидно, был более мелким и менее солёным, а климат и, в общем, на планете, и, в частности, в районе Северного Причерноморья, был холоднее нынешнего. Но даже при всём этом южное замерзающее море представляло собой явление редкое и неординарное. Эта неординарность и нашла своё проявление в имени города — корень «крш» на иврите имеет несколько значений, в том числе «застывать, замерзать» — так могли называть и, очевидно, называли евреи тот город, что располагался на самом берегу замерзающего моря.

У тех, кто обращался к топонимам Северного Причерноморья, не вызывает сомнения факт, что имя Керш (Керчь) есть результат сокращения прежнего Сам-Керш, потому что именно такой вариант топонима фигурирует в древних хрониках.

Аль Факих описывает путь купеческих судов через Боспорский пролив: «...Затем они идут по морю к Самкушу-Еврею (Самкершу-Еврею), после чего они обращаются к Славонии...[196]

[193] *Захаров В. А.* Указ. соч. С. 206.
[194] Здесь — год. Ср.: «лета-годы» (прим. авт.).
[195] *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI–XII вв. М., 1964. С. 16.
[196] Цит по: *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. С. 335.

В «Тексте Шехтера»: «...Сверх того Роман (византийский император. — *А. Г.*) послал большие дары Олегу, царю росов, побуждая на его собственную беду; он пришёл ночью к городу Самкрай (Самкерш) и взял его воровским способом, потому что его начальника, вождя войска тогда там не было».[197]

Но почему из названия Самкерш исключена приставка «сам»? Ведь, её присутствие не было случайным. Она, без сомнения, несла определённую смысловую нагрузку. Ещё раз обратимся к «Тексту Шехтера». Его комментаторы Н. Голб и О. Прицак считают, что под Самкершем следует понимать Тмутаракань.

Но в таком случае перед нами предстаёт противоречие. Если Керш (Керчь) — это лишённый приставки Сам-керш, причём здесь расположенная на противоположном берегу пролива Тмутаракань?

С точки зрения традиционных взглядов на историю Северного Причерноморья этот вопрос не имеет ответа и должен быть зачислен в число противоречий «околобоспорских» топонимов. Но если продолжить предыдущие рассуждения, с помощью которых мы выяснили этимологию названия «Керчь», ответ на заданный вопрос может быть получен. Но для этого необходимо учесть следующее: доподлинно известно, что проход судов через Керченский пролив облагался налогом, во всяком случае, в те времена, когда его берега принадлежали хазарам (уточним — евреям). Известно нам и то, что таможенные пункты всегда представляли собой крепости по образцу Саркельской. По вполне понятным причинам в данном случае, когда речь идёт о морских проливах, таких таможенных пунктов (крепостей), стоящих на берегу моря, было два — на обоих сторонах пролива. Таким образом, на западном берегу располагался Керш, а на восточном — Самкерш, что на языке действительных хозяев таможенного пункта означало «смежный, соседствующий с Кершем» (Самух-ле-Керш — Самкерш).

Со временем имя крепости Керш закрепилось за рядом стоящим городом и стало третьим (и последним) его именем: Пантикапей–Боспор–Керш. С примыкавшим к Тмутаракани Самкершем произошло обратное, ибо пути топонимики неисповедимы.

О городе Росия читатели, специально не обращавшиеся к древней истории Северного Причерноморья, знают гораздо меньше, чем о Керчи или Тмутаракани. Упоминание в древних исторических источниках

---

[197] *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч.

города с подобным именем во времена значительно более ранние, чем доказанное появление здесь славян, конечно же, не вписывается в концепцию официальной российской истории и путает карты в принятой теории её происхождения. Вместе с тем, никуда не деться ни от сообщения арабского путешественника середины XII в. ал-Идриси: «От города Матраха до города ар-Русийа 27 миль», ни от изданной приблизительно в то же время хрисовулы императора Мануила I Комнина: «Да смогут генуэзские корабли спокойно торговать во всех областях нашего владычества за исключением Русии и Матрахи, если только моим величеством не будет дано на это специального разрешения».[198]

Как видим, Росия — реальный факт, а если что и спорно, так это её месторасположение. И здесь, по всей видимости, следует согласиться с точкой зрения, которую по этому поводу отстаивает В. А. Захаров. Он пишет: «Все исследователи почему-то полагают, что город Росия находится на противоположной от материка стороне и локализуют его на месте нынешней Керчи. Однако Идриси прямо указывает, что Росия располагается на берегу большой реки, которая соответствует Кубани: «От города ар-Русийа, что на большой реке, текущей к нему с гор Кукайа... В упомянутую реку Русийа впадают шесть больших рек, истоки которых находятся в горах Кукайа, а это — большие горы, простирающиеся от моря Мраков до края обитаемой Земли... Это очень большие горы, никто не в состоянии подняться на них из-за сильного холода и постоянного обилия снега на их вершинах».

Скорее всего, под именем гор Кукайа скрываются Кавказские горы... Совершенно определённо, что город Росию следует локализовать не в Крыму, а на таманском берегу. Единственное место, где мог располагаться этот город, мы считаем район нынешней станицы Голубицкой (Темрюкский район Краснодарского края). Подтверждение этому не только географическое положение, не только расстояние от древней Тмутаракани, соответствующее 27 милям ал-Идриси, но и наличие мощного средневекового культурного слоя на Голубицком городище».[199]

Принимая рассуждения В. А. Захарова, следует подчеркнуть, что он не счёл нужным использовать ещё один известный нам веский аргумент в пользу своей позиции — географическую связь между рас-

---

[198] *Захаров В. А.* Указ. соч. С. 215.

[199] Там же. С. 215–216.

положением города Росия и «Острова Росов», а стоило бы сказать о том, что большинство историков, касавшихся этой темы, видят «Остров Росов» на Таманской стороне Керченского пролива. Так что вполне естественно, что город Росия располагался там же, где и «Остров Росов», и был его столицей.

С обитанием в Северном Причерноморье росов связано имя ещё одного расположенного рядом с Керчью населённого пункта, который в официальных справочниках значится как посёлок Курортный, а местные жители помнят его под именем Мама Росская, причём в слове Мама ударение делается на втором слоге.

Следует обратить внимание на двусложность топонима: определяемое «Мама» и определитель «Росская» в соответствии с законом о топонимических определителях. Если была Мама Росская, то, значит, существовала и другая Мама. Месторасположение этой другой Мамы нам известно — это посёлок Святого Мамы под Византией, который греческие правители определили местом пребывания иностранных купцов, каковым, согласно правилам безопасности того времени, предписывалось ночевать, а, следовательно, проживать в специально предназначенных для этого городах, расположенных поблизости от места торговли «приходящимъ имъ, да витають оу святого Мамы».[200] И если выясняется, что Мама под Византией — это посёлок, в котором селились прибывавшие сюда торговые люди, то нет ничего удивительного в том, что под Боспором (Кершем), бывшим также крупным торговым центром своего времени, был построен и оборудован населённый пункт с аналогичным именем. Определитель «росская» несомненно указывает на то, что Мама под Боспором принадлежала росам и здесь можно предвидеть радостное восклицание тех, кто утверждает, что под Росией следует понимать Керчь: «Мама Росская» вполне может быть понята как «Мама под Росией», откуда следует тождество Росии и Керчи, и хотя, пожалуй, это единственный аргумент в пользу такого равенства, на нём стоит остановиться.

Сразу же укажем на то, что применительно к этому случаю, месторасположение Росии на той или иной стороне пролива следует рассматривать как частное от общего — от того известного факта, что северо-восточная часть Чёрного моря принадлежала росам — «никто кроме росов не плавает по нему». Поэтому нет сомнения в том, что,

[200] ПВЛ под 945 г.

кроме упоминаемой в источниках Росии, были и другие топонимы с таким корнем, так что определитель «росская» применительно к Маме имеет в виду не соседство её с Росией, а принадлежность к росам, вообще. И в таком случае мы получаем ещё одно свидетельство того, что земли, примыкающие к Керченскому проливу, в Раннем Средневековье принадлежали росам.

К этому же ещё раз напомним, что в исторических документах по истории Северного Причерноморья и в исследованиях тех учёных, которые с этими документами работали, постоянно и настойчиво указывается на национальную многоукладность этой территории. Особое место среди обитавших в Крыму племён занимали скифы. Они не только влияли на события в этом регионе, но их представители входили в управленческие структуры как греческих северопричерноморских полисов, так и Боспорского царства, каковое по сути следует определять как греческо-скифское. Греки же называли скифов также и тавроскифами или росами. Поэтому, учитывая сказанное, следует заключить, что земли, примыкающие к обеим сторонам Керченского пролива, принадлежали росам всегда – вплоть до последней четверти X в., то есть до момента гибели росского князя Свендеслейфа (Святослава) и его войска.

В греческих источниках упоминается также Неаполь Скифский. Считают, что этот город находился в районе нынешнего Симферополя. Но поскольку греки, как мы знаем, называли скифами или тавроскифами росов, название Неаполь Скифский может быть понято как Неаполь Росский (Новгород Росский). А такое предположение может быть подкреплено сообщением из «Жития святого Стефана, епископа Сурожского»: «Воинственный и сильный князь Новгорода русского... Бравлин... с многочисленным войском опустошил места от Корсуня до Керчи, с большой силой пришёл к Сурожу... сломал железные ворота, вошёл в город с мечом в руке, вступил в св. Софию... и ограбил всё, что было на гробе».[201]

Конечно, знак равенства между Новгородом Скифским и Новгородом Росским может быть оспорен, что и было сделано – историки располагали этот город подобно «Острову Росов» в самых различных местах – от Нижней Волги до Прибалтики. Но если учесть, что в VIII в. ни о каких росах, обитавших в этих местах, не упоминает ни единый

[201] Цит. по: *Гумилёв Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. С. 124.

источник, то Новгород Росский следует видеть там, где располагалось Море Росов и Остров Росов, то есть в Северном Причерноморье. Поэтому гораздо более вероятным по отношению к другим предположениям будет то, что между Новгородом Скифским и Новгородом Росским знак равенства всё же следует поставить. Однако, настолько же вероятно и то, что такой же знак может иметь место между Новгородом Росским и Росией. Возможно, это один и тот же город, по-разному упоминаемый в различных источниках. Но с точки зрения общего подхода к проблеме, констатируем, что Новгород Росский, в любом случае, располагался на территории Северного Причерноморья, подтверждая тем самым общий ход наших рассуждений.

Хазарские иудеи или иудеи Хазарии?

Когда речь заходит о хазарах, то наиболее известным в их исторической биографии выступает факт принятия ими иудаизма. Главной причиной этому считается та, которую обобщил Ю. Марголин: «В VIII в. им угрожала двойная опасность: со стороны Кавказа и закаспийских степей надвигалось наступление мусульман, а со стороны Чёрного моря и Крыма угрожала христианская Византия. В этих условиях принятие иудаизма хазарскими ханами имело определённый политический смысл — уклонение от слишком опасных и агрессивных христианских и мусульманских влияний».[202] Вместе с тем уместен вопрос: каким образом принятие хазарами иудаизма остановило бы или предотвратило завоевание Хазарии армиями, исповедовавшими христианство или мусульманство? Скорее, наоборот, примкнув к одной из великих религий, за которыми стояли могучие нации, хазары могли бы ощущать себя куда безопаснее, чем находясь как бы между молотом и наковальней.

Поэтому вышеприведенное объяснение не может считаться исчерпывающим, тем более что имеется достаточное количество оснований взглянуть на эту проблему под иным углом зрения.

202 *Марголин Ю.* Краткая история евреев. Тель-Авив. 1974. С. 108.

А можно ли, вообще, говорить о принятии иудаизма хазарами как о государственном акте, подобном крещению Руси?

Ответ на этот вопрос, в свою очередь, зависит от ответа на другой — когда евреи впервые появились на юго-востоке Европы? Общепринятым считается, что они очутились здесь в VII в. после бегства из Ирана, когда в результате определённых произошедших там событий, были вынуждены спасать свои жизни и обрели новые места обитания среди приютивших их хазар. Затем к ним по сходной причине присоединились их соплеменники из Византии.

Нет сомнения в том, что такая ситуация имела место, но она была, так сказать, вторична ко времени действительного начала еврейской диаспоры на Кавказе и Северном Причерноморье. За точку отсчёта должно быть принято случившееся в 722 г. до н. э. разрушение ассирийскими войсками Северного (Самарийского) Еврейского царства, в результате которого десять из двенадцати израильских колен были изгнаны со своих земель и расселены в Халахе, Хаборе, у реки Гозан и в городах Мидии.

К выводу, что ассирийские изгнанники оказались в Восточной Европе нас подводит логика, состоящая в том, что власть ассирийцев над еврейскими пленниками оказалась очень недолгой. Вскоре вавилоняне разбили ассирийскую армию, а победителям было не до рабов, рассеянных на окраинах только что завоёванной империи. Вполне естественно, что у пленников достало ума не ждать появления новых хозяев, и поскольку их ничего не связывало с «городами Мидии» и появилась реальная возможность покинуть эти места, они ушли за пределы вавилонской досягаемости. Наименее опасным и доступным направлением их продвижения было северо-западное, и надо понимать, что продвижение это не было организованным. Небольшие группы, постепенно прибывавшие в долины Терека, Сулака и Кубани, не вызывали у местных жителей опасения, тем более, что пришельцы искали только одну возможность — спокойно жить. Вот почему «среди евреев Кавказа ещё в XIX в. было живо предание, что они потомки исчезнувших колен, поселённых в Мидии ассирийскими царями».[203]

Согласившись с тем, что начало восточноевропейской диаспоры было положено «ассирийскими пленниками», мы должны констати-

---

[203] Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим. Т. 4. С. 426.

ровать следующее важное для дальнейших рассуждений обстоятельство: изгнанные из Северного царства евреи были далеки от тех постулатов и канонов веры, которые сложилось как религиозная система гораздо позднее того, как ассирийцы увели жителей Самарии в «три изгнания», ибо и до изгнания жили в той стране, правители которой весьма преуспели в насаждении финикийского языческого культа.

Главнейший и важнейший момент еврейской истории состоит в том, что в Вавилоне и Иерусалиме сохранились и действовали религиозные центры иудаизма. С другой стороны, у лишённых своей родины и разбросанных по миру евреев не было никакой другой возможности сохранить свои национальные особенности и достоинство, как только соблюдать свою особенную веру в своего единого Бога. Иными словами, для того, чтобы перестать быть евреем, таковому достаточно было изменить своё вероисповедание, так как ничего другого, доказывающего его еврейскую принадлежность у него не было.

Очевидно также и то, что связь между указанными центрами и диаспорой осуществлялась лишь при том условии, что евреи диаспоры были организованы в общины, ибо исходящие из центров постановления и указания не могли быть направлены каждому отдельному еврею, но лишь организованным группам, имеющим точный адрес.

В свете сказанного принятие хазарами иудаизма следует понимать как результат вполне определённого и естественного процесса. Евреи Хазарии, наладившие торговые связи практически со всеми странами Древнего мира и выяснившие, что их литургия значительно отличается от той, которой придерживались евреи Испании, Франции или Германии, решили и у себя провести соответствующие преобразования. Они пригласили учителей и приобрели необходимые книги и пособия. Это событие, произошедшее в первой половине VIII в., и есть то, что называют принятием хазарами иудаизма.

Не то же ли имеет в виду автор документа, который находится в огромной коллекции еврейских и еврейско-арабских манускриптов из хранилища (по-еврейски – гениза) древней синагоги города Фустат-Миср, великой столицы средневекового Египта? Соломон Шехтер был одним из нескольких учёных и путешественников, которым удалось в середине и конце XIX столетия доставить часть этой груды перепутанных документов в различные библиотеки Англии и континента. Всего около 1800 отрывков из собрания генизы (в основном

документов) сохраняются под стеклом в Кембридже. Мы обратимся к одному из них — так называемому «тексту Шехтера».

«...Армения и (наши) отцы бежали перед ними (...) потому, что были не в состоянии выносить иго идолопоклонников, и (люди Казарии) приняли их потому, что люди Казарии были сперва без Торы, в то время как (их сосед Армения) оставались без Торы и письма. Они породнились путём браков с жителями этой страны, смешались с язычниками, научились делам их, и всегда выходили с ними на (войну); и они стали одним народом. Однако были тверды только в завете обрезания; только часть из них соблюдала субботу. Там (в это время) не было царя в Стране Казарии, но того, кто мог одерживать победы, они ставили над собой главнокомандующим войска. (Так это было) до того как однажды евреи вышли вместе с ними на битву, как обычно. И один еврей одержал победу своим мечом и обратил в бегство врагов, выступивших против хазар. И поставили его люди хазарские над собой главнокомандующим войска в соответствии с их древним обычаем. И оставались в таком положении долгое время, пока не смилостивился Господь и не возбудил сердце (того) главнокомандующего вернуться (к иудаизму), потому что его жена по имени Серах повлияла на него и учила его успешно; и он также согласился, будучи подвергнут обрезанию. Сверх того, отец молодой женщины, человек праведный в том поколении показал ему путь жизни. Когда это произошло, цари Македона и цари Аравии услышали об этих событиях и послали посланников к начальникам Хазарии со словами хулы на Израиль. “Как это вы возвращаетесь в веру евреев, которые находятся в рабстве под властью всех (других) народов?” Они говорили то, что для нас невозможно передать и повлияли на сердца начальников вредно. Тогда главнокомандующий, еврей, сказал: “Зачем умножать слова? Пусть придут (сюда) несколько мудрецов Израиля, несколько мудрецов Греции и несколько мудрецов Аравии, и пусть расскажут друг перед другом, перед нами и вами о деяниях (его) Бога (от начала до) конца”. Они сделали так; Македон послал некоторых из (своих мудрецов и также) цари Аравии; и мудрецы Израиля добровольно пришли (в соответствии с просьбой) начальников Хазарии. И начали греки свидетельствовать о Нём сперва, а евреи и арабы стали опровергать его. А затем начали арабы, а евреи и греки опровергали. И после того начали мудрецы Израиля от шести дней Творения до того дня, когда дети Израиля поднялись из Египта, и они пришли

в населённую страну. Греки и арабы засвидетельствовали, что это правда и провозгласили их правоту. Но произошёл спор между ними. И сказали начальники Хазарии: "Есть пещера в долине TYZWL; достаньте нам книги, которые там находятся и истолкуйте их перед нами". Они сделали так. Они вошли внутрь пещеры; и вот, там были книги Торы Моисея, и мудрецы Израиля объяснили их согласно первым словам, которые они высказали. И вернулся Израиль с людьми Хазарии (к иудаизму) полностью; евреи начали приходить из Багдада, и Хоросана, и из земли Греции, и они укрепили людей этой земли, так что (последние) твёрдо держались завета "Отца множества"».[204]

Проанализируем ту часть «Текста Шехтера», которая имеет непосредственное отношение к рассматриваемой теме.

Из приведенного отрывка следует, что жившие в Армении евреи, бежали от преследования со стороны идолопоклонников и были приняты хазарами. В дальнейшем беженцы «породнились путём браков с жителями этой страны... смешались с язычниками... Они стали одним народом».

До этого момента как будто бы всё понятно. Но уже следующая фраза противоречит предыдущему изложению: «Однако они были тверды только в завете обрезания, только часть из них соблюдала субботу». Следовательно, нельзя говорить об «одном народе» — какая-то его часть «не смешалась с язычниками», но продолжала соблюдать свои религиозные установления. Такой вывод подтверждается и далее: «...однажды евреи вышли вместе с ними на битву», то есть евреи выступают как самостоятельная этническая группа, противопоставляемая «им» (хазарам). И теперь мы подошли к ключевой точке наших рассуждений:

«Господь возбудил сердце того главнокомандующего (а мы помним, что он был еврей) вернуться к иудаизму». Обратим внимание: вернуться. Именно это слово повторяется дальше: «Как это вы возвращаетесь в веру евреев...?» — вопрошают «цари Македона и цари Аравии». Но мы располагаем ещё более определённым утверждением: «И вернулся Израиль с людьми Хазарии к иудаизму полностью».

Значительное усиление влияния еврейской прослойки на все стороны жизни каганата как внутри страны, так и за её пределами — вот что стало причиной и дало возможность евреям Хазарии восстано-

---

[204] *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч. С. 138–139.

вить свою религию в том содержании и форме, которые к тому времени сложились в мировых центрах иудаизма.

Обратим внимание на то, что путешественники прошлого, имевшие непосредственное общение с хазарами, отмечали, что иудаизм исповедует лишь правящая верхушка каганата — каган и его приближённые, как и сообщает о том Фарисей ал-Истахри: «Царь их иудейского вероисповедания, и говорят, что свита его числом 4000 человек. Хазары-мусульмане, христиане и иудеи и среди них есть идолопоклонники. Самый малочисленный класс — иудеи, а самый большой — мусульмане и христиане, но всё-таки царь и приближённые его — иудеи».[205] Подобное и у Ибн-Хаукала: «...только цари и вельможи в хазарском государстве евреи...». Иными словами, следует говорить о том, что лишь незначительная часть жителей Хазарского каганата приняла иудаизм, и, по всей видимости, это были те, кто имел достаточно тесные контакты с евреями. С другой стороны, согласно «закону этнического обобщения» (в соответствие с ним, например, выходцев из России называют русскими независимо от их действительной национальности) евреев, представлявших на международном уровне Хазарию, считали хазарами — и отсюда ещё одна причина считать хазар иудеями.

При этом следует отметить, что в исторических документах нет ни одного (подчеркнём) свидетельства о деятельности действительно хазар-купцов, хазар-дипломатов, хазар-путешественников; не сохранилось ни одного сочинения хазарских авторов и, понятно, хазарской письменности. И если бы не известная переписка Хасдая-ибн-Шапрута с последним хазарским царём Иосифом, то Хазарию вполне можно было бы сравнить с легендарной Атлантидой.

Таким образом, то установившееся мнение, что хазары исповедовали иудаизм и под словом «хазары» следует понимать, так сказать, народные массы, ничем и никак не подтверждается.

Иудаизм у хазар — это, в первую очередь, иудаизм евреев, живших на территории Хазарского каганата. Речь должна идти не о принятии хазарами иудаизма, но сначала о возвращении евреев «соблюдавших лишь «завет обрезания и субботу» к «иудаизму полностью», то есть о восстановлении веры в единого Бога как с точки зрения теологии, так и в части литургии.

---

[205] Цит. по: *Караулов Н. А.* Указ. соч. С. 43.

Третий фактор

1

Хазарская тема уже набила оскомину. Но ошибается тот, кто полагает, что она привлекательна, в первую очередь, потому что этот народ, занимавший в VI–XI вв. чуть ли не половину Восточной Европы, принял иудаизм. Дело в другом — в тех различного рода гипотезах, которые на этом факте основываются, и наиболее известная из них утверждает, что не будь хазар — не было бы и той части мирового еврейства, которую называют «ашкенази». Такое мнение высказывалось различными учёными, например, израильским — А. Полаком. Наиболее известной и популярной на эту тему считается вышедшая в свет в 1976 г. работа венгерского писателя еврейского происхождения Артура Кёстлера «Тринадцатое колено», в которой под «тринадцатым коленом» как раз и понимаются интегрированные в еврейство хазары. Естественно, что у такого воззрения на историю восточноевропейской еврейской диаспоры есть и сторонники, и оппоненты, но стоит указать на разобщённость последних, в результате чего до настоящего времени нет труда, в котором были бы сконцентрированы и обобщены контраргументы «Тринадцатому колену», хотя они и «носятся в воздухе».

Предлагаемая статья имеет своей целью хотя бы в самой сжатой форме продемонстрировать упомянутые контраргументы и показать, что «ашкенази» — этнические евреи, и это объективный независимый от чьих-либо исторических или политических устремлений факт.

2

Отправной точкой для идентификации восточноевропейских евреев с хазарами послужила та фактически признанная официальной версия, что процесс образования восточноевропейской еврейской диаспоры состоял из следующих этапов: Крестовые походы, а также разразившаяся в Европе эпидемия чумы, в которой, естественно, обвинили евреев, привели к погромам и, как следствию их, миграции живших вокруг Рейна евреев на восток Европы, где они и расселились — главным образом в Польше. Дальнейшее продвижение евреев

привело к заселению нынешней территории Украины и Молдавии, то есть евреи Восточной Европы — суть продолжение евреев Центральной Европы.

Критика приведенной гипотезы заключается, прежде всего, в том, что разница во времени между упомянутыми погромами, вынудившими германских евреев к перемещению, и свидетельствами о многочисленной и состоящей из далеко не обездоленных людей польской общины практически отсутствует. Кроме того, исторические документы указывают на малочисленность рейнских общин ещё до крестовых походов и чумы. Да, собственно говоря, и нет никаких подтверждений массовому рейнско-висленскому перемещению евреев, а вот рассказы о том, что во время погромов христианские священники прятали их в церквях и монастырях сохранились. Кроме документальных обоснований своего несогласия с «рейнской» гипотезой, сторонники Кёстлера приводят и чисто логические доводы. Например, то, что по дороге в Польшу беженцы попросту не смогли бы преодолеть пространства восточной части Германии по той простой причине, что обстановка для них здесь ничем не отличалась от прежней и также была смертельно опасной.

Таким образом, имело место противоречие между фактом существования уже в XII в. богатой и многочисленной, «строившей синагоги выше костёлов», еврейской общины Польши и принятой версией её происхождения от евреев Запада Германии. Излишне говорить о том, что возможность «обратного» (с востока на запад) продвижения евреев совершенно исключалась за отсутствием сведений о наличии таковых на территории Восточной Европы ранее указанного срока: XII–XIII вв.

И здесь как нельзя кстати пришлись хазары. Они удовлетворяли всем требованиям занять место евреев на просторах Востока Европы: и месту, и времени, и, что самое главное, форме вероисповедания, поскольку, что хорошо известно, приняли в начале VIII в. иудаизм.

Кёстлер, проводя параллели между частной историей евреев Австро-Венгрии и Восточной Европы в целом, приводит свидетельства того, что с переселившимися на Дунай предками венгров-мадьярами сюда переместилось и иудаизированное хазарское племя кавар. Их влияние оказалось столь значительным, что в венгерском государстве имело место двуязычие. До сих пор в языке венгров различимы тюркские элементы. Сохранились сведения и о том, что некоторые из

австрийских принцев в дохристианские времена исповедовали иудаизм и носили иудейские имена: Шеннан, Маалон, Эфра, Самех.

Но рассказ о поселившихся в Венгрии хазарах приведен не только потому, что из этой страны происходит сам Кёстлер, но и потому что, оказывается, им мы обязаны языком «идиш». Цепочка рассуждений по этому поводу такова: тот аргумент в пользу «рейнской» концепции, что «идиш является диалектом средневекового немецкого — не правомочен, так как лингвистический анализ «идиш» показал, что он не содержит ни малейших следов рейнского диалекта немецкого, на котором восточноевропейские евреи предположительно говорили до их переселения в славяноязычные страны. В восточной же Германии евреев на тот момент не было. Так что, скорее всего, разгромленные общины рейнских евреев не имеют к появлению идиша никакого отношения. Идиш является диалектом средневекового австрийского немецкого, языком тех областей Германии, которые примыкали к хазарской Венгрии. Это ничего не объясняет, но, по крайней мере, ставит знак вопроса там, где раньше стояла уверенная академическая точка».[206] Но, кажется, знак вопроса не нужен, потому что «на конференции в Оксфорде, состоявшейся в 1985 г. почти все участники на основании своих собственных исследований сошлись во мнении, что идиш родился в восточной части, а не в области Рейна.

Поэтому, учитывая вышеизложенные и подобные им аргументы, был сделан вывод, что евреи Восточной Европы есть не кто иные, как потомки иудаизированных хазар, переместившихся сюда в X–XI вв. под давлением арабских завоевателей и угрозой насильственного принятия ислама. Главным следствием такого вывода было то, что большинство евреев Восточной, да и Центральной Европы, в действительности, с точки зрения этнической, не могут назвать Авраама своим праотцем, но должны искать его в родословной тюркского хана Ашина.

3

Как видим, рассуждения, приведшие к выводу о «хазарских» корнях восточноевропейских евреев, основательны, а аргументы убедительны, но, базируясь именно на приведенной логике, мы не можем с ними согласиться. Спроецируем «количественный» ар-

[206] *Соболев Д.* В сторону Хазарии // «22». 2002. № 117.

гумент на Хазарский каганат — есть все основания утверждать, что число евреев на его территории было значительным. Такой вывод базируется, во-первых, на том, что земли Северного Кавказа и Тавриды были заселены потомками израильтян, изгнанных ассирийцами из Северного Еврейского царства в 722 г. до н. э. («Среди евреев Кавказа ещё в XIX в. было живо предание, что они потомки колен, поселённых в Мидии ассирийскими царями») и, во-вторых, на сообщениях источников о постоянных миграциях евреев в Хазарский каганат, из которых наиболее значительными было их бегство из Персии после поражения восстания маздакитов в 689 г. и из Византии — от преследований императора Романа в первой половине X в. О том, что бежавших из Армении евреев «приняли люди Казарии», рассказывается и в первых строках «Текста Шехтера».

Должен быть рассмотрен и такой важный аспект истории восточноевропейского еврейства, как наличие еврейских общин на территории Среднего Поднепровья ещё в начале нашей эры. Среди тех мест, где оказались евреи, изгнанные из Северного царства, в Иерусалимском Талмуде названа река Самбатион — та, что «шесть дней в неделю она шумна и бурлива, вздымает вверх песок и камни, а по субботам отдыхает и утихает». Если знать, что городу Киеву предшествовала крепость Самбат, а река Днепр, на которой она располагалась, в нижнем своём течении имела знаменитые пороги, которые «вздымали вверх песок и камни», то следует согласиться с тем, что под легендарной рекой из Иерусалимского Талмуда следует понимать реку Днепр. А это означает, что евреи проживали в центре Восточной Европы задолго до образования Хазарского каганата, и позднейшие мигранты из этого государства точно так же пополняли их ряды, как беженцы из Персии и Византии — число евреев Хазарии. «И было лето 4450 (689 г.), и усилилась борьба между исмаильтянами и персами в ту пору, и были поражены персы ими, и пали они под их ноги, и спаслись бегством многочисленные евреи из страны Парас, как от меча, и двигались они от племени к племени, от государства к другому народу и прибыли в страну Русию и землю Ашкеназ, и Швецию и нашли там много евреев».[207]

Объективности ради нельзя обойти вниманием и уже хорошо нам знакомое «Киевское письмо», написанное представителями еврейской

[207] Цит по: *Гумилёв Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. С. 16.

общины Киева в 40-х годах X в., которое последователи «хазарской теории» относят в свою пользу, так как среди 11 авторов письма шесть носят, предположительно, хазарские имена. Но этот аргумент следует считать настолько же убедительным, насколько всех проживающих в нынешнем Киеве Аркадиев, Александров и Борисов нужно считать греками, учитывая при этом, что «авторы письма и их отцы большей частью носят имена библейских персонажей».

Иными словами, тот, кто рассмотрел сквозь толщу веков мигрирующих на запад иудаизированных хазар, якобы положивших начало восточноевропейскому еврейству, должен сначала увидеть тех, кто уже много веков жил на территории современной Украины, а затем и тех, кто, не изменив вере отцов, пришли сюда, или примкнув к уже имевшимся поселениям местных жителей, или образуя новые

4

Если исходить из убеждений Кёстлера, Полака и их союзников, то получается, что двигавшиеся на запад иудаизированные хазары напрочь забыли свой родной язык и говорили только на иврите, который по пути следования обогатился славянской составляющей, а затем, уже встретившись с немецким, превратился в идиш. Следовательно, поменяв веру, хазары бесповоротно и окончательно поменяли и язык, что вытекает из полного отсутствия в идиш тюркизмов.

Параллельное название идиш — «лишон ашкеназим», то есть язык ашкеназов, так как «Страной Ашкеназ» в Средневековье евреи называли Германию. Но откуда это странное имя? Доподлинно известно, что в древности на территории Юго-Восточной Европы существовала страна Ашкеназ — её упоминает пророк Иеремия и что примечательно — во множественном числе («Поднимите знамя на земле, трубите трубою среди народов, вооружите против него (речь идёт о Вавилоне) народы, созовите на него царства Араратские, Минийские, Ашкеназийские, поставьте вождя против него, наведите коней как страшную саранчу»), то есть название «ашкеназ» выступает как суперэтнический определитель. Его связывают с ассирийским обозначением скифов: «ашкуаза», «аскуза» или «ишкуза» — отсюда и евреи, расселившиеся среди скифов, назывались «ашкенази». Но, в соответствии с этой логикой, придётся признать, что поскольку «страны Ашкеназские» существовали гораздо ранее Хазарского ка-

ганата, а рейнские евреи (или их часть) именовались «ашкенази», то, значит, и они пришли сюда через Восточную Европу, где какая-то их часть, несомненно, осела, намного опередив по времени миграцию сюда иудаизированных хазар, буде таковая была.

Но на вопрос, неужели хазары вместе с верой поменяли и язык, уже был получен отрицательный ответ от самого Кёстлера, поведавшего нам о прошлой двуязычности у венгров. Поэтому мы вправе требовать предъявить нам хотя бы единственное упоминание о еврейско-тюркском диалекте, а, получив таковое, убедиться, что идиш включает и тюркские элементы, чего на самом деле нет. И, наоборот, большое количество в идиш славянских морфем доказывает длительность еврейско-славянских контактов и существование в прошлом еврейско-славянского диалекта, ставшего основой «идиш».

5

Топонимика является важным аргументом в построении или опровержении исторических гипотез, и если нам приводят значительное число расположенных на территории Восточной Европы топонимов, в основе которых лежит слово «казар» или «хазар», то такой факт, безусловно, является подтверждением выводов о миграции хазар на запад от Кавказа и Волги.

Но указанный аргумент универсален, и если мы утверждаем, что ранее и независимо от хазар на запад продвигались и евреи, то, следовательно, на той же территории должны обнаружиться топонимы, основанные на иврите. Конечно, в этом случае перед лингвистами стоит задача куда более сложная, и очень непросто в привычном названии какого-то украинского городка различить ивритские корни, но, тем не менее, таковые имеются. Например, от ивритского «уман» — «мастерская» — получила своё имя расположенная по дороге на Киев Умань, где, вероятно, ремонтировали упряжь, телеги и подковывали лошадей. В Бершади вполне различимо ивритское «беер шаде» — «степной колодец», а «Шаргород» можно связать не с аксонометрической фигурой, а с ивритским «Шар» — «ворота», к которому (это очень распространённое в топонимике явление) добавили местное «город». Название же «Ям Польский», как и многие другие «ямы» (например, Гаврилов Ям в Ярославской области), указывает на то, что здесь купеческие караваны, двигавшиеся только в светлое время суток, дела-

ли остановку после дня пути, потому что на иврите «йом» — «день». С движением купеческих караванов, очевидно, связано и название города Дорогобуж (дерех явеш) — «сухая дорога», топоним Житомир (Жидомир) вообще в расшифровке не нуждается.

А что до обилия хазарских топонимов, то следует помнить о законе этнического обобщения, согласно которому всех выходцев из Хазарского каганата будут именовать хазарами, подобно тому, как евреев — выходцев из России, где бы они не жили, называют русскими.

6

К выводам, сделанным Полаком и Кёстлером, зачастую подходят лишь с эмоциональной точки зрения, но, по сути дела, речь идёт лишь о гипотезе, рассматривающей происхождение восточноевропейской еврейской диаспоры. И в этом смысле она ничем не отличается от гипотезы, которая считает восточноевропейскую диаспору продолжением западно- и центральноевропейской. Однако, ни в той, ни в другой не рассмотрены все грани проблемы, не учтён такой важный «третий» фактор, как проживание евреев на землях, которые лишь впоследствии стали считаться территорией Хазарского каганата. Именно они и присоединившиеся затем к ним евреи-эмигранты из Хазарии, а не иудаизированные хазары или евреи Германии, стали основой восточноевропейской диаспоры, действительно пополнившейся впоследствии выходцами также из Центральной и Западной Европы.